

С.И. АНДРУХ

НИЖНЕДУНАЙСКАЯ СКИФИЯ

В VI - НАЧАЛЕ I В.
ДО Н.Э.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ЗАПОРОЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

С. И. АНДРУХ

**НИЖНЕДУНАЙСКАЯ
СКИФИЯ**

в VI — начале I в.

ДО Н.Э.

(Этно-политический аспект)

*Памяти П. О. Карышковского —
Друга и Учителя — посвящается*

В монографии на основе комплексного анализа обширного круга источников впервые в отечественной науке рассматриваются вопросы динамики освоения скифами западной части степного Причерноморья, прослеживаются причины, характер, этапы и направления их экспансии. Раскрываются политические аспекты взаимоотношений скифов с соседними народами. Значительное место уделено проблеме Малой Скифии в Добрудже.

Для историков, археологов, краеведов, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется проблемами древней истории.

Ответственный редактор А. И. Мелюкова

Рецензент Ю. Г. Виноградов

История скифов, расселившихся в конце первой половины I тыс. до н.э. в степях Северного Причерноморья, насыщена военно-политическими событиями. Наиболее ярко они проявлялись на периферии скифского мира. Особую роль в этом плане играло Нижнее Подунавье, которое, в силу своего географического положения, на всем протяжении скифской истории было ареной постоянных военных столкновений, культурных и этнических взаимопроникновений скифского, фракийского и греческого миров.

Так, уже в конце VI в. до н.э. этот регион становится эпицентром военно-политических событий, связанных со скифо-персидской войной, походом скифов до Херсонеса Фракийского, столкновением их территориальных притязаний с интересами Одрисского царства. На фоне Нижнего Подунавья разворачивается внутридинастийная борьба в скифском и фракийском обществах, приведшая к обострению пограничных отношений между ними.

Во второй половине IV в. до н.э. здесь происходят самые драматические события скифской истории, вызванные территориальными захватами скифов Атея на Балканах, в процессе которых они столкнулись с сопротивлением фракийцев и аналогичными интересами Македонии. Позже скифы выступают против македонского полководца Зопириона, а в дальнейшем и против Лисимаха, но уже в союзе с греками и фракийцами.

Спустя столетие скифы известны в Добрудже, проживавшими в окружении фракийских племен и имевшими своих царей, чеканивших монеты в западнопонтийских городах.

Насыщенность военно-политических событий в Нижнем Подунавье, тесные контакты скифов с соседними народами обусловили непреходящий интерес исследователей к истории

данного района в скифское время. Особенности исторического развития населения или отдельные его моменты получили широкое освещение в целом ряде обобщающих и специальных работ отечественных и зарубежных исследователей, среди которых следует отметить труды А. И. Мелюковой (129—140), П. О. Карышковского (98—107), Д. Б. Шелова (224—226), Ю. Г. Виноградова (54—57), Т. В. Блаватской (35, 36), Д. Берчиу и Д. М. Пиппиди (292—294), В. Илиеску (262—268), М. Иримии (270—274), К. Йорданова (93—95, 269) и др. Однако сопоставление существующих точек зрения показывает значительное расхождение исследователей в интерпретации как самого хода освоения скифами левобережья Нижнего Дуная, так и их места и роли в жизни населения сопредельных регионов и, более того, степени влияния некоторых военно-политических событий на развитие всего скифского общества в целом.

Наиболее существенные разногласия в отечественной и зарубежной историографии наблюдаются по вопросу об этническом составе населения левобережья Дуная в предскифскую и скифскую эпохи. Еще в 20-х гг. В. Пырваном была высказана мысль, поддержанная многими румынскими исследователями, об автохтонном развитии вплоть до Днестра гето-фракийского населения. Это положение и сейчас находит своих последователей, утверждающих, что скифы покорили проживавших до этого в Буджакской степи фракийцев (255, р. 116); согласно другой версии, в результате заселения скифами левобережья Дуная здесь уже с VI в. до н.э. складывается синкретичная фрако-скифская зона, где происходит этнокультурное смешение этих народов (94, с. 70—79). Однако, еще в 60-х гг. А. И. Мелюковой было доказано, что скифы заняли к западу от Днестра пустующее пространство. В то же время скудость археологического материала привела исследовательницу к мысли, что в VI-V вв. до н.э. западной границей даже не собственно скифов, а скифского политического образования был Прут, а в IV-III вв. до н.э. — Днестр (134). Накопление в последние годы многочисленных и разновременных скифских комплексов вызвало необходимость пересмотра положения о западной границе скифов и включения Буджакской степи вплоть до Прута и Дуная в ареал постоянного обитания скифских племен с рубежа VI-V до начала III в. до н.э. с теми же закономерностями исторического развития, что характерны для всей причерноморской Скифии.

Нет единодушия среди исследователей и по поводу неоднократных проникновений скифов за Дунай. Длительное время в историографии господствовала выдвинутая М. И. Ростовцевым и В. Пырваном теория скифской экспансии на запад,

сопровождавшейся уничтожением или покорением автохтонных культур (189; 290). Невзирая на то, что это положение было подвергнуто обстоятельной критике А. И. Мелюковой (129; 138), Д. М. Пиппиди, Д. Берчиу (294) и другими учеными, оно до сих пор находит своих последователей (302).

Наиболее проблематичным в историографии остается освещение событий, связанных с экспансией на запад скифов Атея. По поводу причин вторжения скифов на Балканы, глубины их проникновения, последствий разгрома в войне с Филиппом II и личности самого Атея исследователи придерживаются самых различных, порой полярных, точек зрения. Так, одним из первых было высказано мнение, что причиной западной экспансии скифов во второй половине IV в. до н.э. послужило давление с востока сарматов (202). В отличие от обосновавшего его К. Ф. Смирнова, А. М. Хазанов (215), А. И. Мелюкова (138) и другие исследователи рассматривали движение скифов на Балканы как следствие процесса классового образования и становления государственности в скифском обществе. Столь же противоречивы оценки военно-политических сил в Подунавье в это время. Согласно Т. В. Блаватской, вторжение скифов за Дунай было стимулировано распадом государства одрисов и началом военных действий во Фракии Филиппа II Македонского. Более того, допускалась возможность заключения какой-то договоренности между этими монархами (36, с. 80). Однако, недавно была высказана гипотеза, что военная угроза, исходившая со стороны Македонии, привела к созданию на Балканах антимакедонского союза скифов, фракийцев и кельтов (86). Более единодушны исследователи в оценке последствий скифского вторжения на развитие фракийских культур. Общепризнано, что инфильтрация скифов во Фракию не была значительной, а ареал действий Атея ограничивался Добруджей (138; 226; 268; 294).

В зависимости от трактовки личности Атея последствия разгрома скифов Филиппом II видятся как губительные для Скифии (126; 202) или как имевшие локальный характер, ослабившие только позиции скифов на западе (10; 24; 220). Отрицая приоритет внешнего фактора в упадке Великой Скифии, отметим, что в противном случае был бы необъясним факт последующего формирования в Добрудже, в окружении фракийских племен, Малой Скифии.

Этот период менее всего освещен в литературе. По комплексу источников постулируется существование скифского государства в Добрудже в III — I вв. до н.э.. Основные

изыскания велись в области нумизматики (251) и в меньшей степени затрагивали остальные аспекты жизнедеятельности этого государства (36, с. 143—151; 56, с. 230—250; 107; 292).

Таким образом, очевидно, что существующие противоречия в интерпретации многих проблем истории скифов на их западной периферии, неразработанность целого ряда вопросов, в особенности по финальному этапу пребывания скифов в Нижнем Подунавье, свидетельствуют о незавершенности этой темы и сохранении ее актуальности. Именно этим и определена проблематика данной работы, основная цель которой — реконструкция процесса расселения скифов на западной окраине степного Причерноморья и эволюции этнополитической обстановки в Нижнем Подунавье с VI по начало I вв. до н.э.

Работа основана на всестороннем анализе широкого круга источников, из которых по раннему, классическому, этапу Скифии наиболее информативны письменные* и археологические данные, а по позднему, Малой Скифии — нумизматические и эпиграфические. Учтены также многочисленные труды скифологов и антиковедов, без которых было бы невозможно написание данной монографии.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность безвременно ушедшему из жизни П. О. Карышковскому — учителю и наставнику, Ю. Г. Виноградову, А. И. Мелюковой, сотрудникам скифо-античного Отдела ИА НАН Украины, оказавшим существенную помощь и содействие в написании работы, С. М. Агульникову и А. С. Островерхову, предоставившим неопубликованные археологические материалы, а также коллегам по археологической лаборатории Запорожского университета, принимавшим участие в оформлении иллюстраций.

* Тексты античных авторов цитируются по своду В. В. Латышева (8) и изданию Румынской Академии Наук (6). Тексты Аппиана и Флавия Арриана приводятся по отдельным изданиям (1; 2).

ГЛАВА I.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ О НАСЕЛЕНИИ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ

1. Этническая карта Нижнего Подунавья в трудах античных и современных авторов

В процессе Великой греческой колонизации происходит активное освоение берегов Северо-Западного Причерноморья. Большому заселению подвергаются земли западного побережья, где известны города Византий, Салмидес, Аполлония, Мессембрия, Одесс, Дионисополь, Каллатия, Томы, Истрия. Пространства к востоку от Дуная были освоены в гораздо меньшей степени. Геродот вплоть до Ольвии не называет ни одного греческого полиса, хотя и отмечает, что в устье Тираса живут эллины, которые называют себя тиритами (IV, 51). Вместе с тем, многие авторы более позднего периода, опираясь часто на труды своих предшественников, упоминают в устье Тираса полисы Никоний и Тиру (или Офиуссу), Неоптолемову башню и Гермонактову деревню (пс. — Скилак, 68; пс. — Скимн, 798—803; Страбон, VII, 3, 16; Мела, II, 7; Птолемей, III, 10, 8; Флакк, VI, 84—85 — подробнее см.: 107, с. 5—18). В междуречье Тираса и Истра пс. — Арриан (§ 89) и Плиний Старший (IV, 82) размещают Антифилово поселение и города Кремниси и Эполий.

В ряде работ сохранились описания природных условий и климата Северо-Западного Причерноморья. Практически у всех авторов этот регион ассоциируется с суровыми снежными зимами и холодным дождливым летом (Геродот, IV, 28—29; Страбон, VII, III, 18; Юстин, IX, 2, 7; Овидий, Тристии, III, 10, 1—78; Плиний, VIII, 167). Междуречье Днестра и Дуная по Страбону представляет собой сплошную безводную равнину, известную как «пустыня скифов» или «пустыня гетов» (I, III, 4; I, III, 7; VII, III 14; VII, III, 17). Со всем этим примечательностью края являются такие полноводные, пригодные для судоходства реки как Истр и Тирас, поставляющие населению огромные количества рыбы (пс. — Скимн, 798—803). Степи между ними, и в особенности берега их, покрыты густой

растительностью и характеризуются как богатые пастбища (Геродот, IV, 47). Арриан свидетельствует, что на левом берегу Истра располагались огромные пахотные земли, «где росли густые хлеба, за которыми... не видно было людей» (Арриан, Поход Ал. Вел. I, 4, 1), а пс. — Скимн (785) и Зосим (I, 42, 1) говорят о лесах на острове Певка и в низовьях Тираса.

С выводом своих поселений на северное побережье Черного моря колонисты непосредственно столкнулись с новым, необычным для них варварским миром, определявшим стабильность политической ситуации в регионе, и от характера взаимоотношений с которым постоянно зависели незыблемость и благосостояние греческих полисов. С этих же пор в античной литературе появляются описания соседних с греками варварских народов, или краткие упоминания отдельных сюжетов из их жизни. По сохранившимся на сегодняшний день источникам довольно сложно воссоздать полную картину расселения племен, времени их перемещения, а следовательно, и смены господствующих группировок. Во многом это объясняется фрагментарностью сохранившихся трудов, их использованием, зачастую без ссылок, более поздними авторами, что создает затруднения, а иногда и невозможность датировки описываемых событий.

Наиболее ранние и подробные сведения о населении северопонтийского региона изложены в «Истории» Геродота и относятся к периоду скифо-киммерийских войн и переднеазиатских походов. Повествуя о появлении скифов в причерноморских степях, историк пишет, что вторжение их привело к разладу и войне между киммерийскими правителями, в результате чего часть царей, противившихся уходу из страны, была перебита. Киммерийский народ похоронил их у р. Тираса и могила их до сих пор видна; другая же часть ушла «из страны, так что вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную населения» (Геродот, IV, II). В погоне за ушедшими киммерийцами скифы начинают вторжение в Переднюю Азию, откуда возвращаются в Причерноморье только после 28-летнего отсутствия (Геродот, I, 103—106; IV, 1—4, 12—13).

Не останавливаясь специально на ранней истории скифов и вопросах становления скифской культуры, отметим только, что в современной литературе сложились два совершенно разных подхода к определению последовательности и места этих событий. Ряд исследователей принимают данный сюжет безоговорочно, как исторически засвидетельствованный факт проживания в Северном Причерноморье, включая и часть Фракии, киммерийского населения и смены его вторгшимися

с востока скифами, или генетической преемственности культур (87, с. 335; 209, с. 8, 25—69, рис. 1; 71, с. 103—109; 148, с. 92—104; 109, с. 12—19).

В противоположность такому мнению Л. А. Ельницкий отрицает факт проживания киммерийцев в Северном Причерноморье и локализует пассаж Геродота о скифо-киммерийских войнах на Кавказе. Упоминание Геродотом местности у р. Тираса исследователь склонен «толковать как механическое перенесение историком прикубанской гидро- и топонимики к местностям вокруг и западнее р. Борисфена (85, с. 42—59, 146, 147). Точка зрения Л. А. Ельницкого была недавно поддержана И. В. Куклиной. На основе детального анализа письменной традиции с привлечением обширной современной литературы по этому вопросу ею был сделан вывод о неправомочности размещения киммерийцев в Северном Причерноморье, а отсюда и о надуманности рассказа Геродота об изгнании скифами киммерийцев из северо-причерноморских степей и вторжении их сюда в VII в. до н.э. (114, с. 48—66, сн. 1—61). Обратившись к вопросу локализации р. Аракс, которую, по Геродоту, скифы пересекают дважды, исследовательница пришла к выводу о существовании двух рек с одним гидронимом — Амударьи, через которую скифы из Средней Азии проникли в Переднюю и Малую Азию, и Аракса Кавказского; через последний скифы, будучи вытесненными из переднеазиатского региона, перешли в Северное Причерноморье. Таким образом, заключает И. В. Куклина, появление скифов в Северном Причерноморье в начале VI в. до н.э. было событием «единовременным» и «единонаправленным» и дальнейшая история их связана не с походами на юг, а с постепенным проникновением в северопричерноморские степи» (114, с. 114—126, 136).

Невзирая на детальную разработку геродотовского сообщения представителями той или иной концепции, вопрос об этнополитической ситуации в причерноморских степях в предскифский период продолжает оставаться дискуссионным (13; 68; 179; 165; 222; 223). Что касается непосредственно положения в Подунавье, то здесь после обширного пласта памятников белозерской культуры XII — X вв. до н.э. (46) зафиксировано крайне небольшое количество погребений и кладов, оставленных, по мнению А. И. Тереножкина, легендарными киммерийцами (209, рис. 1). Отсутствие стабильного населения в регионе, возможно, оправдывает указания Геродота, что скифы заняли страну, лишенную населения. Наиболее ранние и немногочисленные скифские памятники появляются здесь только в VI в. до н.э. (169, с. 55).

Противоречивы сведения Геродота о Скифии VI — V вв. до н.э. В первую очередь это касается определения ее западных границ. Историк пишет: «с залива, образуемого этой землей (Фракией — С. А.) начинается Скифия и в нее вливается Истр, обращенный устьем к востоку... От Истра уже начинается собственная (старая) Скифия, обращенная к полудню и ветру ноту до города, называемого Каркинитидою» (Геродот, IV, 99). По скифской же земле текут с запада на восток реки: «пятиустьный Истр, за ним Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакир, Герр и Танаис» (Геродот, IV, 47). По Истру проводят западную границу Скифии современник Геродота Фукидид (II, 96) и поздний историк Мела (II, 7), который, по справедливому наблюдению М. И. Ростовцева, зачастую опирался на геродотовскую традицию (189, с. 46). Заметим здесь же, что земли к востоку от Истра рассматриваются как собственно скифские и в работах более поздних авторов (пс. — Скилак, 68; Руф, II, 7, 1; Юстин, II, 5, 8—11; Страбон, VII, 3, 18; VII, 4, 5; Плиний, IV, 80).

Дискуссионным в рассказе Геродота стало размещение в скифской земле пяти притоков Истра: «Пората, а у эллинов Пирет, затем Тиарант, Арар, Напарис и Ордесс» (IV, 48). Локализация притоков Истра и отождествление их с современными реками (подробнее см.: 134, с. 61, 62, сн. 6—9) заставляют полагать, что Геродот расширял пределы Скифии далеко на запад. Однако здесь историк противоречит сам себе, говоря что Истр «...первая из рек Скифии с западной стороны, — (IV, 48), — а начиная от Истра к северу по направлению внутрь материка Скифия граничит сперва с Агафирсами, затем с Неврами, далее с Андрофагами... и наконец с Меланхленами...» (IV, 100) — племенами, по Геродоту, нескифскими.

Подобное противоречие в определении античным историком западных границ Скифии Л. А. Ельницкий склонен объяснять «...опиской, основанной на использовании текста Гекатея, знавшего другие границы Скифии» и распространявшего их «на всю Северную Евразию, включая... часть Фракии» (85, с. 167, 168). Соглашаясь с мнением исследователя, заметим также, что наличие подобной путаницы у Геродота можно объяснить и распространением в среде современных ему причерноморских греков имени «скифы» на многие нескифские народы. Не избежал этого и Геродот, что ярко выражено в его греко-понтском варианте легенды о происхождении Скифа, Агафирса и Гелона от общего предка (IV, 8—10). Таким образом, оставляя в стороне сообщение Геродота о притоках Истра, текущих по скифской земле, как нерабочее применительно к классическим скифам (или «скифам второго порядка» —

179, с. 56), отечественные исследователи склонны проводить западные границы Скифии в VI — V вв. до н.э. по Пруту или Днестру (87, с. 338; 134, с. 79; 138, с. 235, 236; 179, с. 36, 72, 168, 199). Наиболее удачно существующие точки зрения по определению западных границ Скифии и географическому размещению Геродотом «старой» или «исконной» Скифии обобщены в работе А. А. Нейхардт (152, с. 150, 151, сн. 445—451).

Однако, недавно И. В. Куклиной была предложена совершенно новая трактовка текста Геродота. Локализация историком «старой» Скифии к югу от Дуная до города Каркинитиды (Геродот, IV, 99) привела исследовательницу к мысли о существовании в геродотовское время двух одноименных полисов — в устье р. Каланчак и в Подунавье, причем искомый город, по ее мнению, следует искать южнее Истра (114, с. 99, 100). В качестве возможных доказательств для объяснения причин наименования греками Подунавья «исконной» Скифией исследовательница выдвигает два совершенно неубедительных варианта: 1) проникновение скифов в Северное Причерноморье осуществлялось одновременно через Кавказ и Фракию; 2) греки, знавшие скифов в Малой Азии, осваивая первоначально западнопонтские земли, называли Подунавье «старой» Скифией, даже если эту область населяли другие народы (114, с. 58).

Соглашаясь с исследователями, размещавшими «исконную» Скифию Геродота не в Подунавье, а к востоку от Дуная, мы находим дополнительные аргументы в пользу такой ее локализации в тексте самого автора, который говорит, что торжище борисфенитов «это самый срединный из приморских пунктов всей Скифии» (Геродот, IV, 17). Что же касается местонахождения города, то нет никаких оснований искать его южнее Истра, во Фракии. При обращении к тексту Геродота видно, что он без каких-либо оговорок вслед за Каркинитидой размещает племена тавров, за область которых находится Боспор Киммерийский и Меотида (Геродот, 99, 100; подробнее о локализации города см.: 115, с. 6—11).

Из описания Геродотом народов Скифии и пограничных с ней областей можно извлечь весьма скудные данные относительно населения Подунавья. Характеристику народов собственно Скифии он начинает от торжища борисфенитов и пишет, что к западу от него, по реке Гипанис живут каллипиды (эллино-скифы), граничащие в месте сближения Гипаниса и Тираса с алисонами; алисоны в месте впадения в Гипанис Эксампея соседят со скифами-пахарями; выше которых находится страна неуров (IV, 17, 18, 52). Пространство между Истром и Гипанисом у него остается незасе-

ленным, за исключением устья Тираса, где живут эллины-тирты (IV, 51). На западе, за пределами Скифии он размещает агафирсов, живущих к северу от Истра (IV, 100), а к югу — гетов (IV, 80, 93). Существенным дополнением к описанной картине является указание историка о непосредственном соседстве скифов с гетами, когда применительно ко времени похода Дария устами скифа он говорит, что дойдя до Истра, царь персидский покорил по пути «наших соседей гетов» (IV, 118).

Лагуна, возникшая при размещении Геродотом народов в землях к западу от Днестра, длительное время смущала историков в вопросе локализации границ Скифии по Днестру или Пруту. Сопоставление письменных и археологических данных позволило А. И. Мелюковой сделать вывод, что историк «говоря о западной Скифии, имел в виду не границу расселения собственно скифских племен, а границу скифского политического образования» (134, с. 79). К близкой мысли пришел и В. Ю. Мурзин, локализовавший по археологическим данным центр Скифии VI — V вв. до н.э. в Нижнем Поднепровье и Степном Крыму (148, с. 101, 104).

Если говорить о степени заселения Подунавья, то действительно, при обращении к тексту «Истории» видно, что Геродот, хотя и говорил о соседстве скифов с гетами, основную массу скифских племен в конце VI в. до н.э. все-таки размещал к востоку от Днестра. Так, характеризуя подготовку к войне с персами, он пишет, что «приняв план обороны, скифы выступили навстречу Дариеву войску, выслав вперед самых лучших всадников» (IV, 121), в результате чего передовой отряд скифов встретил персов на расстоянии трех дней пути от Истра (IV, 122). По расчетам Е. В. Черненко, дневной переход персидской армии равнялся около 28 км (219, с. 70, табл. 2), что позволяет локализовать первую встречу противников в междуречье Истра и Тираса, возможно, в районе р. Когильник (191, с. 176), в то время как основные силы скифов были сконцентрированы восточнее Днестра.

Не занимаясь специально походом Дария, изучению которого посвящена обширная литература (238; 191, с. 169—184; 219; 114, с. 137—142; 176), заметим только, что район Подунавья стал в это время ареной крупных военных событий. Любопытно, что в изложении Страбона весь скифо-персидский конфликт ограничивается междуречьем Днестра и Дуная (Страбон, VII, 14).

Уже после войны с персами Геродот регистрирует усиление активности скифов в Подунавье, говоря о глубинном рейде их во Фракию, вплоть до Херсонеса Фракийского, который якобы был предпринят на рубеже VI — V вв. до н.э. (219, с. 106, 107, сн. 36—38) в ответ на поход Дария (Геродот, VI, 40).

Начало проникновения скифов на земли к югу от Дуная было прервано образованием в начале V в. до н.э. мощного царства одрисов, владения которого на севере простирались до устья Дуная (Фукидид, II, 97). Тем не менее, именно для этого времени засвидетельствовано установление тесных и неоднозначных отношений скифов с западнопонтийскими греками и одрисами посредством заключения династических браков царя Ариапифа с истрианкой и дочерью одрисского царя Тереса (Геродот, IV, 78, 80).

Соседство скифов с фракийцами не было безоблачным. Продолжая свою враждебную политику по отношению к скифам, отмеченную Геродотом применительно к скифо-персидской войне (IV, 119, 125), царь агафирсов Спаргапиф убивает Ариапифа (IV, 78). По мнению И. Т. Никулицэ, эта акция была предпринята агафирсами, чтобы помешать скифо-одрисскому союзу (155, с. 24). Нестабильны отношения скифов и с одрисами. О некотором обострении их говорит то, что в надежде на помощь и укрытие во Фракию бежал Скил, изгнанный народом за склонность к эллинскому образу жизни, а незадолго до этого у скифов нашел убежище брат царя одрисов. В погоне за Скилом скифское войско встретилось у Истра с одрисами. Однако царствующие персоны сочли лучше для себя не вступать в конфликт, обменявшись беженцами, и в результате Скил был казнен (Геродот, IV, 80). В настоящее время реальность этого царя не подвергается сомнению и, согласно построениям Ю. Г. Виноградова, гибель его следует относить ко времени около 450 г. до н.э. (54, с. 104). Этой датой и заканчивается повествование Геродота о западной окраине Скифии.

Таким образом, обращаясь опять к геродотовской этногеографии можно думать, что она была близка по времени скифскому походу Дария, когда в Подунавье не наблюдалось стабильного скифского населения и оно могло служить только местом частых сезонных перекочевок скифов. Геродот, кстати, отмечает прекрасную ориентировку скифов в близлежащих к Истру степях (IV, 136). В последующий период историк фиксирует сильную заинтересованность скифов к западным пространствам и народам, в результате чего, возможно, происходит постепенное заселение междуречья Днестра и Дуная. Вполне вероятно, что этот процесс первой половины V в. до н.э. нашел отражение в переданных псевдо-Скимном сведениях Эфора (IV в. до н.э.), которого М. И. Ростовцев считает восходящим к Геродоту (189, с. 28): «Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды, потом пахари, далее невры...» (пс. — Скимн, 841). Вопрос о соотношении карпидов с каким-либо этническим образованием до сих пор не решен. А. И. Мелюкова склонна отождествлять их с каллипида-

ми (135, с. 54), хотя их проживание западнее Нижнего Побужья или Тилигула оспаривается (235, с. 97; 124; 107, с. 39). Часть исследователей предлагает видеть в них фракийское племя, упомянутое еще Геродотом (IV, 49), локализовавшим его у р. Карпиды, одного из притоков Дуная (85, с. 152; 155, с. 21, 22). Заметим однако, что ни в V, ни в IV в. до н.э. говорить о размещении каких-то фракийских племен в Буджакской степи не приходится. Напротив, Фукидид, современник Геродота, указывает, что область между Гемами и Истром была заселена гетами и прочими туземцами, которые на северо-востоке (за Дунаем — С. А.) граничили со скифами (II, 96). Как совершенно справедливо отмечал уже Д. П. Каллистов (96, с. 88), события, описываемые Фукидидом в этом фрагменте, относятся к рубежу 30 — 20 гг. V в. до н.э. Таким образом, и в начале и в конце V столетия до нашей эры Дунай неизменно выступает как пограничный рубеж между двумя варварскими мирами.

После достаточно обширной, хотя и не всегда четкой характеристики причерноморских народов в «Истории» Геродота в письменной традиции наступает длительный перерыв, а позднейшие историки такого подробного описания не дают. О последующей истории Скифии сохранились скудные сведения в перигесах и периплах, или в кратких изложениях отдельных событий римскими историками и географами, позаимствованных из работ их предшественников.

После «Истории» Геродота краткое описание междуречья Днестра и Дуная содержится в перипле пс. — Скилака (568): «За Фракией живет народ скифы, а в их земле следующие эллинические города: река Тирис, город Никоний, город Офиусса», написанном во второй половине IV в. до н.э. (189, с. 24).

Наиболее яркие события из жизни скифов IV в. до н.э. в этом регионе, затронувшие все соседние народы, связаны с именем Атея, личность которого вызвала оживленные, не прекращающиеся до сих пор дискуссии. Поводом тому стало упоминание его Страбоном в предположительной форме и вне контекста главы как правителя обширной области Северного Причерноморья (Страбон, VII, 3, 18). По поводу границ его владений существуют различные точки зрения, которые подробно будут рассмотрены ниже. Для нас здесь важно то, что и Страбон и другие авторы локализируют его деятельность в Подунавье, ставшем во второй половине IV в. до н.э. ареной крупных военно-политических событий, связанных с проникновением скифов в земли фракийцев и возрастанием мощи Македонии.

Сейчас в историографии общепринятым стало мнение, что Атей утвердился в Добрудже задолго до скифо-македонского

конфликта (226, с. 57, 58, сн. 15—26; 268, с. 13—24; 138, с. 241, сн. 19—23). Т. В. Блаватской на основе изучения внутривосточного состояния одрисского царства было высказано предположение, что массовое вторжение скифов за Дунай должно быть тесно связано с гибелью Котиса I, после чего могучая держава одрисов, простиравшаяся прежде до Истра (Фукидид, II, 29; 96), распадается на три самостоятельных враждующих государства (36, с. 79, 80).

Смерть Котиса I действительно могла стать мощным толчком, повлекшим за собой захват ее бывших территорий с юго-запада Македонией, с юго-востока астами, с северо-востока скифами, с северо-запада трибаллами.

Принимая датировку Т. В. Блаватской, считаем возможным предположить, что скифы начали нарушать границы с Фракией в еще более ранний период. Дело в том, что уже в конце V — начале IV в. до н.э. царство одрисов было раздираемо междоусобными распрями и в результате поделено между Севтом II и Медоком (Амадоком I?) (36, с. 77, 78)*. Приход к власти в 383 г. до н.э. Котиса I (314, р. 31, 38) означал начало нового объединения страны, которое столкнулось к тому же на юго-востоке с зарождением молодого, набиравшего силы государства астов (76, с. 130), что требовало обостренного внимания правителя одрисов. В подобной ситуации и могли происходить неоднократные нападения скифов на фракийские земли.

В этой связи считаем уместным привести здесь очень важный документ. Речь идет об известном фрагменте из трагедии «Рес» (стихи 424—431), длительное время приписываемой Эврипиду (480—406 гг. до н.э.), что послужило причиной рассматривать изложенные в ней события применительно к V в. до н.э. (36, с. 52; 103, с. 55). По мнению С. И. Радцига, это произведение не было написано великим афинским трагиком; оно отнесено исследователем к творчеству неизвестного автора, писавшего в IV в. до н.э. (181, с. 296; 263, р. 191—193). Сюжет «Реса» заимствован из X песни «Илиады», однако события, описанные автором, по всей видимости, отражают действительную реальность, соответствующую времени написания произведения. Приведем этот отрывок полностью: «живущий в соседней (с Фракией — С. А.) земле скифский народ

* Р. Булле считает их правление последовательным (314, р. 29-31, 38)

завязал со мной войну, когда я собирался двинуться в путь к Илиону; я прибыл к берегам Эвксинского Понта, двинув фракийское войско. Там проливалась копьем на землю скифская кровь и смешанная с нею фракийская... Когда же я разбил скифов, взяв в заложники их детей и назначив приносить в мой дом ежегодную дань — я явился сюда...». Разгром скифов фракийским войском соответствует периоду до войн Атея, где он вплоть до конфликта с Филиппом II всегда выступал победителем.

Первое по времени свидетельство о пребывании скифов Атея к югу от Дуная оставлено Фронтином (II, 4, 20) и Полиеном (VII, 44, 1), говорящих в разных редакциях о крупном сражении их с трибаллами, которое скифы выиграли благодаря своей хитрости. Близка по времени, видимо, и угроза Атея Византию, зафиксированная Александритом и дошедшая до нас в изложении Клемента Александрийского (V, 5, 31). Опираясь на эти источники, некоторые исследователи допускали мысль о глубоких рейдах скифов Атея на запад и юг Фракии (35, с. 207, 208; 36, с. 81; 151, с. 112, 113; 225, с. 32; 226, с. 57, 58). Однако, как совершенно правильно показал П. О. Карышковский, угроза Атея Византию совсем не доказывает, что скифские всадники достигали берегов Боспора Фракийского*; она может отражать только столкновение интересов, не обязательно территориальных (103, с. 55). Трибаллы же, которых Фукидид (II, 96) размещает во второй половине V в. до н.э. на Среднем Дунае (275, р. 227, р. I.X; 155, с. 27, 28), в середине 30-х годов IV в. до н.э. засвидетельствованы источниками уже в устьях Дуная (Юстин, IX, 3, 1—3; Арриан, I, 1—3; Страбон, VII, 3,8). Можно поэтому предположить, что скифы и трибаллы столкнулись в своих обоюдных захватнических устремлениях где-то в низовьях реки. Это подтверждает и тот факт, что Атей в битве с ними мог использовать и нестроевое население, которое вряд ли продвигалось на запад Фракии одновременно с передовыми скифскими отрядами.

Если принять за действительность рассказ Иордана об осаде Филиппом II Одесса в 342 г. до н.э. (Гетика, §65) и о помощи, оказанной осажденным скифами, то это сообщение будет самым ранним свидетельством начала конфликтов между

* Идея В. Илнеску отождествить Византий и Бизоне (264) пока не находит сторонников.

скифским и македонским правителями, хотя последующие их взаимодействия ставят под сомнение достоверность этого сюжета.

Более подробные сведения о событиях в Подунавье относятся к скифо-македонской войне. Они сохранились в передаче Юстином труда Помпея Трога и в небольшом фрагменте третьей книги Павла Оросия. Оба источника гласят, что когда Атей вел войну с истрианами и был тесним ими, он через посредство Аполлонии обратился за помощью к Филиппу II, который в это время вел довольно неудачную осаду Византия. Когда же пришла подмога от Филиппа, царь истриан умер и Атей отослал македонян обратно, отказавшись платить им. Разгневанный Филипп снял осаду Византия, развязал войну со скифами и взял в плен большое количество женщин и детей, а также скота (Юстин, IX, 2, 1—16; Оросий, III, 4, 4—7). По свидетельству Фронтина, войско скифов было боеспособнее македонского и Филипп смог победить Атея, только укрепив свои тылы верными ему войсками (II, 8, 14).

Для нас, помимо самого факта скифо-македонского конфликта, отразившего противостояние в Подунавье двух могущественных сил, представляется важным уточнение того, что скифы расценивали южное побережье Дуная как свою территорию (Атей в ответ на просьбу Филиппа обеспечить ему свободный проход к устью Дуная заявил, что «вступить в свои владения он не позволит» — Юстин, IX, 2, 12). Это позволяет искать место битвы в пределах современной Добруджи.

Исход скифо-македонского конфликта стал переломным в процессе западной экспансии скифов, вынужденных, по всей видимости, в массе своей покинуть пределы Добруджи и перейти на левобережье Дуная. Сейчас же происходит коренное изменение этнической карты Подунавья. К устьям Истра передвигаются сдерживаемые до сих пор Атеем трибаллы, которые попутно перед этим разбили Филиппа, возвращавшегося после разгрома скифов, и отобрали его добычу (Юстин, IX, 3, 1—3). Имея общим источником Птолемея, сына Лага — будущего царя Египта, об этом свидетельствуют Арриан и Страбон, повествуя о походе к Истру в 335 г. до н.э. Александра Македонского. Впервые ими же наряду со скифами на левом берегу Дуная упоминаются геты, чей город был разрушен македонским полководцем (Арриан, I, 2—4; Страбон, VII, 3,8). Во время похода Александр также угрожал соседним скифам (Плутарх, I, 3).

Дискуссионным в оценке военно-политических сил на левобережье Дуная стало свидетельство о походе в 331 г. до н.э. Зопириона, дошедшего по Макробию (I, II, 33) до Ольвии, предпринявшего неудачную осаду ее и погибшего на обратном пути в Гетской пустыне (57, ч. II, с. 21—25). Согласно Юстину (II, 3, 4; XII, 1, 4; XII, 2, 16) и Оросию (III, 18, 4) Зопирион воевал со скифами и был разбит ими. Однако по Курцию Руфу (X, 1, 44) поход Зопириона был направлен против гетов и закончился гибелью македонского войска в связи с разразившейся непогодой. Это несоответствие в трудах античных авторов привело к тому, что ряд исследователей предлагает видеть в силе, противостоящей полководцу Александра, скифов, не утративших своих позиций в Подунавье после разгрома их Филиппом II; другие же считают, что в это время на левобережье Дуная уже появляется некое мощное военно-политическое образование гетов. Вполне вероятно, что разногласия Юстина и Курция Руфа возникли в результате присутствия к северу от Дуная и скифов и гетов, как о том говорили уже упомянутые Арриан и Страбон, причем каждый автор мог называть тот народ противостоящий Зопириону, которому он отдавал предпочтение в силе и могуществе.

Разгром Зопириона привел к дестабилизации владычества Македонии во фракийских землях, немедленным результатом чего стало возрождение к югу от хребта Гем царства одрисов во главе с Севтом III (36, с. 90). Однако к 313 г. до н.э. на правобережье Дуная опять складывается чрезвычайно напряженная ситуация. Дело в том, что с приходом к власти Лисимаха вся Фракия и западнопонтийские города попадают под тяжелый экономический и политический гнет Македонии. Не желавшие терпеть господство Лисимаха греческие полисы выступили против него, объединившись под эгидой Каллатии. И опять здесь фиксируется присутствие скифов как активной реальной силы; выступавших уже вместе с фракийцами на стороне греков (Диодор, XIX, 73). После разгрома союзников Лисимахом известий о скифах в нарративных источниках нет вплоть до второй половины III в. до н.э. На рубеже IV — III вв. до н.э. на смену им приходят мощные объединения гетов, с предводителем которых, Дромихетом, ведут где-то на левобережье Дуная неудачную войну Лисимах и его сын Агафокл (Страбон, VII, 3, 14; Диодор, XXI, 1; XXI, 12, 1—6).

Следующие сведения о скифах к югу от Дуная переданы Страбоном. Согласно его рассказу здесь фиксируется вытеснение фракийцев и заселение их земель скифами, перешедшими через Тирас и Истр, в результате чего «значительная часть ее

(Фракии — С. А.)... получила название Малой Скифии» (Страбон, VII, 4, 5; VII, 5, 12) по аналогии с той, что расположена в Крыму и Нижнем Поднепровье. К сожалению, этот фрагмент приведен Страбоном без каких-либо указаний на время происходивших событий. По мнению М. И. Ростовцева, из многочисленных источников Страбона для данного случая следует предпочесть Деметрия Каллатийского, жившего во второй половине III в. до н.э. (189, с. 33—35), хотя несомненно, что процесс массового перехода скифов за Дунай следует относить к более раннему времени. Это сведение перекликается с указаниями того же автора, дошедшими до нас в изложении пс. — Скимна (189, с. 28—32), что всю землю от Том до Дионисополя занимали скифы, граничащие на юге с кробизами (пс. — Скимн, 748—758, 765—766). Прекрасным дополнением к описанной картине служит упоминание Плинием Старшим, также использовавшим какой-то источник эллинистического времени (189, с. 50—56), в прибрежной части Добруджи скифов, имеющих здесь свои поселения (Плиний, IV, 44).

Источники, освещающие расселение народов к северу от Дуная, менее ясны. К ним следует отнести в первую очередь периплы Арриана и пс. — Арриана, составленные с использованием источников II, III и, возможно, даже конца IV в. до н.э. (189, с. 64—73). По мнению М. В. Агбунова, оба перипла являются сокращенной и расширенной редакцией одного и того же труда Флавия Арриана (9, с. 13). Не отрицая такой возможности, здесь мы будем пользоваться общепринятой системой ссылок. В первую очередь следует отметить, что в обоих периплах указаны прибрежные пункты, неизвестные более ранним авторам. Так, пс. — Арриан располагает к западу от Ольвии сначала безымянный и необитаемый остров, далее поселения Одесс, Скопелы, гавани истриан и асиаков и Никоний (§87). Переходя к описанию междуречья Тираса и Истра, он упускает город Тиру и сразу за рекой размещает Неоптолемово поселение, город Кремниски, Антифилово поселение и устье Истра (§89). Часть перечисленных поселений названа и в труде Плиния (IV, 82).

В отношении варварских народов в периплах существует огромное противоречие. Арриан вообще всю местность к западу от гавани асиаков считает пустынной и безымянной (§31—32). У пс. — Арриана помимо названных пунктов говорится, что «от Прекрасной Гавани (Северо-Западный Крым — С. А.) до реки Истра, или Данубия, опять обитают скифы» (§83), а к югу от устья Истра лежит Фракия и начинаются

границы фракийцев (§93)*. Подобное расселение скифов и локализация скифских и фракийских границ более всего характерны для IV в. до н.э. и позаимствованы, видимо, из пс. — Скилака. Ведь, как уже говорилось, в III в. н.э. скифы расселяются в Добрудже, а Аполлоний Родосский, чье творчество приходится на третью четверть III в. до н.э., упоминает на Дунае смешанных с фракийцами скифов. Сам по себе процесс слияния народов мог иметь место только в случае утраты тех позиций, которые занимали здесь скифы в IV в. до н.э. и что нашло отражение, как будет показано, в археологическом материале.

Падение потенциала Скифии привело к началу расселения на левобережье Дуная фракийских племен. Этот процесс, на наш взгляд, нашел отражение у Помпония Мелы. По мнению М. И. Ростовцева, источником Мелы был эллинистический географ II — I вв. до н.э., тяготевший к геродотовской традиции, но отступивший от нее при описании Крыма, дав для него характеристику народов, соответствующую его времени (189, с. 48). Однако и при описании народов Северо-Западного Причерноморья у Мелы также дано размещение племен, неизвестных Геродоту. За уже знакомыми каллипидами Мела локализует последовательно от Гипаниса до Истра асиаков и истриан, границей между которыми служит Тирас. Для Мелы все эти народы скифские (II, 7—8).

Однако впервые с истрианами в письменной традиции мы встречаемся у Юстина, который локализует их где-то в Подунавье и с которыми ведет войну Атей (Юстин, IX, 2, 1—2). По поводу истриан высказывались различные точки зрения. В отличие от ряда исследователей, предлагавших видеть в них граждан Истрии (75, с. 52), или передовые отряды кельтов (35, с. 203, сн. 3), или трибаллов (267, р. 667-668) мы склонны придерживаться мнения ученых, считавших, что под истрианами следует понимать гетов с низовий Дуная, оказавших сопротивление Атею, вторгшемуся на их исконную территорию (36, с. 87-88; 294, р. 130; 226, с. 59). В любом случае они

* Этому фрагменту имеется и существенное противоречие у обоих авторов. Они пишут, что все западнопонтийские города вплоть до Аполлонии находятся в скифской земле (Арриан, § 35—36; пс. — Арриан, § 87). Такое наименование прибрежной Фракии во II в. н.э. не имеет под собой этнической подосновы и может быть только данью более ранней традиции, которой в конце III в. н.э. последовал и Диоклетиан.

никак не могут считаться скифским народом, как о том говорит Мела. В связи с утратой скифами в III в. до н.э. своих позиций в Буджакской степи истриане вполне могли продвигаться вплоть до Тираса, а впоследствии начать свои перемещения и на восток от реки. Появление у Мелы этих народов прекрасно сочетается с упоминанием в периплах Арриана и пс. — Арриана гаваней асиаков и истриан*, неизвестных и пс. — Скилаку и пс. — Скимну. Более того, следует отметить, что информатор Мелы, который проводил границу между истрианами и асиаками по Тирасу, по-видимому, предшествовал источнику Арриана и пс. — Арриана, локализовавших гавань истриан уже к востоку от Никония.

Переселение фракийских племен к востоку, начавшееся в III в. до н.э., нашло отражение и в переименовании Страбонем территории между Днестром и Дунаем (I, 3, 4; I, 3, 7; VII, 3, 14; VII, 3, 17). По этому поводу чрезвычайно ясно и лаконично выразился П. О. Карышковский: «когда Страбон... цитирует философа-перипатетика Стратона (IV — первая половина III в. до н.э.), он называет современную Буджакскую степь «скифской пустыней»..., а в той части «Географии», где использован перипл Артемидора (II в. до н.э.) он упоминает уже не скифскую, а «гетскую пустыню» (103, с. 58; см. также 102, с. 49—50; 107, с. 69, 70). Здесь нужно обратить внимание еще на один момент. Если в первых трех случаях Страбон локализует «скифскую» или «гетскую пустыню» между Истром и Тирасом, то в последнем случае (VII, 3, 17) он простирает ее на востоке до Борисфена. Судя по дальнейшему тексту данного параграфа «Географии» такое расширение границ «гетской пустыни» дано применительно к эпохе Митридата VI Евпатора и может быть синхронно источнику периплов Арриана и пс. — Арриана, размещавшему гавань истриан восточнее Тираса.

Возвращаясь к рассмотрению ситуации в Подунавье, отметим, что к концу III в. до н.э. обстановка резко усложнилась с появлением здесь бастарнов. Впервые они отмечены в устьях Дуная Деметрием Каллатийским как «бастарны-пришельцы» (пс. — Скимн, 797). Помпей Трог размещает их передвижение на восток между событиями, получившими

* Ю. Г. Виноградов считает, что последняя была основана жителями города Истрии (56, с. 68), хотя противную точку зрения убедительно обосновали несколько раньше П. О. Карышковский и И. Б. Клейман (107, с. 40).

широкую известность в древнем мире — убийством Лаодамии и разгромом Деметрия — что позволило Л. Нидерле датировать их появление в искомом регионе в 230/229 гг. до н.э. (287, с. 292). С этих пор они постоянно присутствуют в письменных источниках, как наиболее активная и воинственная сила Подунавья. У Юстина они показаны ведущими успешную войну с предводителем гетов Оролом (XXXII, 3, 16), чьи владения локализируются в северо-центральной части Карпато-Днестровского бассейна (155, с. 231); у Ливия и Оросия бастарны в качестве мощного военного потенциала антиримской коалиции привлекаются Филиппом V Македонским и его сыном Персеем (Ливий, XL, 57, 2-5; LXXX, 5, 10; LXXX, 57, 2; LXXXI, 23, 12; Оросий, IV, 20, 34-35). Об их восточных притязаниях письменные источники умалчивают, хотя некоторые исследователи склонны видеть в них галатов и скиров Протогенова декрета (IOSPE, 1², № 32). Однако сейчас высказано и другое мнение, что в бастарнах и галатах следует видеть две различные группировки западных народов, причем последние могут быть отождествлены с бритолагами Птолема (III, 10, 5; III, 10, 7), размещавшего их вместе с городами в устьях Дуная (подробнее см.: 102, с. 53, 54, сн. 101—114).

Все эти события укладываются древними авторами в рамки конца III — первой половины II в. до н.э. Более сложен вопрос о датировке сообщений Страбона. Если пс. — Скимн, Ливий и Оросий локализируют бастарнов в низовьях Дуная, то у Страбона они уже расселяются на о. Певке, получив название «певкины» и распространяются вплоть до области тирагетов (VII, 3, 15; VII, 3, 17), находящейся по Плинию (IV, 82) в устье р. Тирас. Кроме того, Страбон, называя своим источником Посидония, показывает довольно напряженную ситуацию в Подунавье, сложившуюся в результате смешений, перемещений и вытеснений народов, где активное участие принимали геты, трибаллы, скифы, бастарны, сарматы (VII, 3, 2; VII, 3, 13).

П. О. Карышковский, неоднократно обращавшийся к страбоновской диатесе племен, считал, что хотя географ и опирался здесь на Посидония, жившего в начале I в. до н.э., в действительности отразил ситуацию конца III — начала II в. до н.э. (107, с. 69). В самом деле, обострение обстановки в Подунавье наблюдается, как уже было показано выше, с конца III в. до н.э. Однако здесь настораживает указание Страбона, что в процессе различных перемещений активную роль играли савроматы (или сарматы). Для конца III в. до н.э. сарматы зафиксированы Деметрием Каллатийским живущими еще

у Танаиса (пс. — Скимн, 874). Кроме того, в декрете в честь Протогена, датированном 20—10 гг. III в. до н.э. (56, с. 182, сн. 16), племена саев, которых некоторые исследователи отождествляют с сарматами, размещаются к востоку от Ольвии, в то время как к западу жили скифы, а также некие фисаматы и савдараты (IOSPE, 1², № 32). Таким образом, передвижение сарматских племен на запад следует относить ко времени после событий, отмеченных в Протогеновом декрете. Катализатором этих перемещений, возможно, послужило привлечение Митридатом VI при создании им антиримской коалиции различных варварских народов, включая и сарматов (Юстин, XXXVIII, 3, 6—7; Аппиан, Митр. войны, 57; 69). Следовательно, события с участием сарматов, отмеченные Страбоном, нужно относить ко времени не ранее конца II — начала I в. до н.э.

Дальнейшая жизнь скифов Подунавья в источниках практически не отражена. Довольно неясные и расплывчатые сведения о неких «скифо-бастарнах» имеются у Диона Кассия при описании разгрома римского полководца Антония Гибриды под Истрией в 62 г. до н.э. (XXXVIII, 10, 3). Какое отношение к этому имели реальные добруджанские скифы, неизвестно. Дело в том, что в связи с распространением Митридатом VI своего господства на земли к югу от устья Дуная говорить о самостоятельном и независимом существовании политического объединения скифов не представляется возможным. Вероятно, к этому времени происходит окончательное смешение скифов с проживавшими рядом народами, что нашло отражение в появлении в трудах римских ученых объединительного термина «кельто-скифы» или «скифо-бастарны» (Дион Кассий, XXXVIII, 10, 3; LI, 23, 2; Страбон, I, 2, 27; Плиний, IV, 81).

Слабые отголоски о проживавших ранее на территории Добруджи скифах нашли свое отражение в «Письмах с Понта» и «Тристиях» Овидия, проживавшего в Томах в начале нашей эры, и даже в выделении Добруджи при императоре Диоклетиане в отдельную римскую провинцию «Малую Скифию».

2. Скифские памятники региона

История Нижнего Подунавья второй половины I тыс. до н.э., неоднократно привлекавшая внимание скифологов благодаря сведениям древних авторов, длительное время не была

обеспечена археологическими источниками. Начавшееся с конца XIX в. активное изучение Буджакской степи, выявив многочисленные погребальные памятники различных исторических эпох (см.: 218, с. 5—8), дало только одно скифское погребение у с. Шаболат (196, с. 130). Подобное состояние сохранялось вплоть до конца 50-х гг. XX столетия. Более перспективными оказались работы на левобережье Нижнего Днестра, где сначала исследованиями И. Я. и Л. П. Стемпковских, а затем целенаправленными экспедициями ИА АН СССР и ОАМ АН УССР были обнаружены многочисленные курганы и поселения скифской эпохи (131; 134; 136; 138).

Археологическая карта Подунавья существенно изменилась с начала 60-х гг. В связи со строительством крупных оросительных систем в регионе проводятся систематические исследования курганов экспедициями ИА АН УССР — Днестро-Дунайской под руководством Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова, Дунай-Днестровской под руководством Л. В. Субботина, Измаильской и Буджакской под руководством А. В. Гудковой — выявившими огромное количество скифских памятников. С 70-х гг. начинается планомерное изучение Буджакской степи и Поднестровья экспедициями Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР под руководством Г. Ф. Чеботаренко, Н. И. Кетрару и Н. Л. Серовой, С. М. Агульникова, значительно дополняющими карту скифских памятников западнее Днестра. Увеличивается число их и на юго-востоке Румынии.

Появление массового количества скифских памятников в Подунавье не нашло пока отражения в обобщающих работах. Так, в монографии А. И. Мелюковой приведено около 20 погребений из 11 пунктов (138, с. 145, рис. 29), а в коллективном своде погребальных памятников степей Причерноморья — 50 захоронений из 19 пунктов (221, с. 9—14, рис. 1). Гораздо большая цифра, однако с учетом памятников левобережья Днестра, приведена Е. Ф. Рединой (182, с. 26).

К настоящему времени на территории Буджакской степи исследовано 64 памятника, содержащих более 300 погребений (228; 204—207; 9а; 24—27; 73; 316; 317). Увеличивается число скифских памятников и в сопредельных районах. Четыре скифских погребения известны в Запрутской Молдове (138, с. 110). В северо-восточной Мунтении на левобережье Дуная, в округе Брэилы, исследовано 8 памятников, содержащих более 40 захоронений (302); в районе Яломицы — один памятник, количество погребений неизвестно (254, р. 230, п. 3). Самое отдаленное погребение найдено в 52 км к востоку от Бухареста (138, с. 137). На территории румынской Добруджи открыто

12 скифских памятников, содержащих более 10 захоронений (273—274); в северо-восточной Болгарии — два погребения (84, с. 120, 121) (рис. 1).

Помимо погребальных комплексов на поселениях левобережья Днестра, у с. Этулия в низовьях Дуная и в прибрежной части Добруджи отмечены находки скифской керамики, происходящие из слоев VI — V и IV — III вв. до н.э. Коллекция скифских вещей из Буджакской степи и Добруджи пополняется также случайными находками оружия, украшений, каменных статуй.

Подобный объем скифских памятников значительно усиливает источниковедческую базу работы. Для воссоздания детальной картины освоения региона скифами и динамики их взаимоотношений с окружающими народами в работе проделан анализ и раскладка по хронологическим группам погребального обряда и сопутствующего инвентаря. Привлечены также керамика с поселений и случайные находки.

Ранние скифские комплексы достаточно полно исследованы в литературе, поэтому мы здесь остановимся на краткой их характеристике.

Для VI в. до н.э. известно всего одно впускное захоронение у с. Огородное. Костяк вытянут на спине, головой на запад. Инвентарь — колчаный набор (рис. 4, 1-3).

Более представительна группа погребений конца VI — V в. до н.э. (Арциз, Борисовка, Червоный Яр, Шевченково, Траповка, Жовтнево, Помазаны, Дивизия). В Запрутской Молдове известны по два погребения у г. Васлуй и Хушь; в Мунтении — погребения из Кискан и Скорцару Веке. Эти комплексы не составляли компактных групп. Погребения основные, реже впускные, иногда сопровождались конем. Конструкции ям — простые грунтовые, иногда с деревянной конструкцией, реже с уступом. Положение погребенного — вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь — защитное и наступательное вооружение, котлы, украшения (рис. 5—8).

Помимо погребальных комплексов, к раннему периоду относятся находки скифоидной керамики, наконечников стрел и костяных псалев на гетских поселениях Добруджи — в Диногении, Тариверде, Синое-Змейке, Мирча Водэ (138, с. 106, рис. 35; 286, р. 170, 171; 274, рл. 9).

В литературе широкую известность получили находки каменных изваяний на территории Добруджи. В отличие от румынских исследователей, интерпретирующих их как фракийские или гето-фракийские (246, с. 124; 236; 237), отечественные ученые видят в них чисто скифские изделия (230; 178; 138,

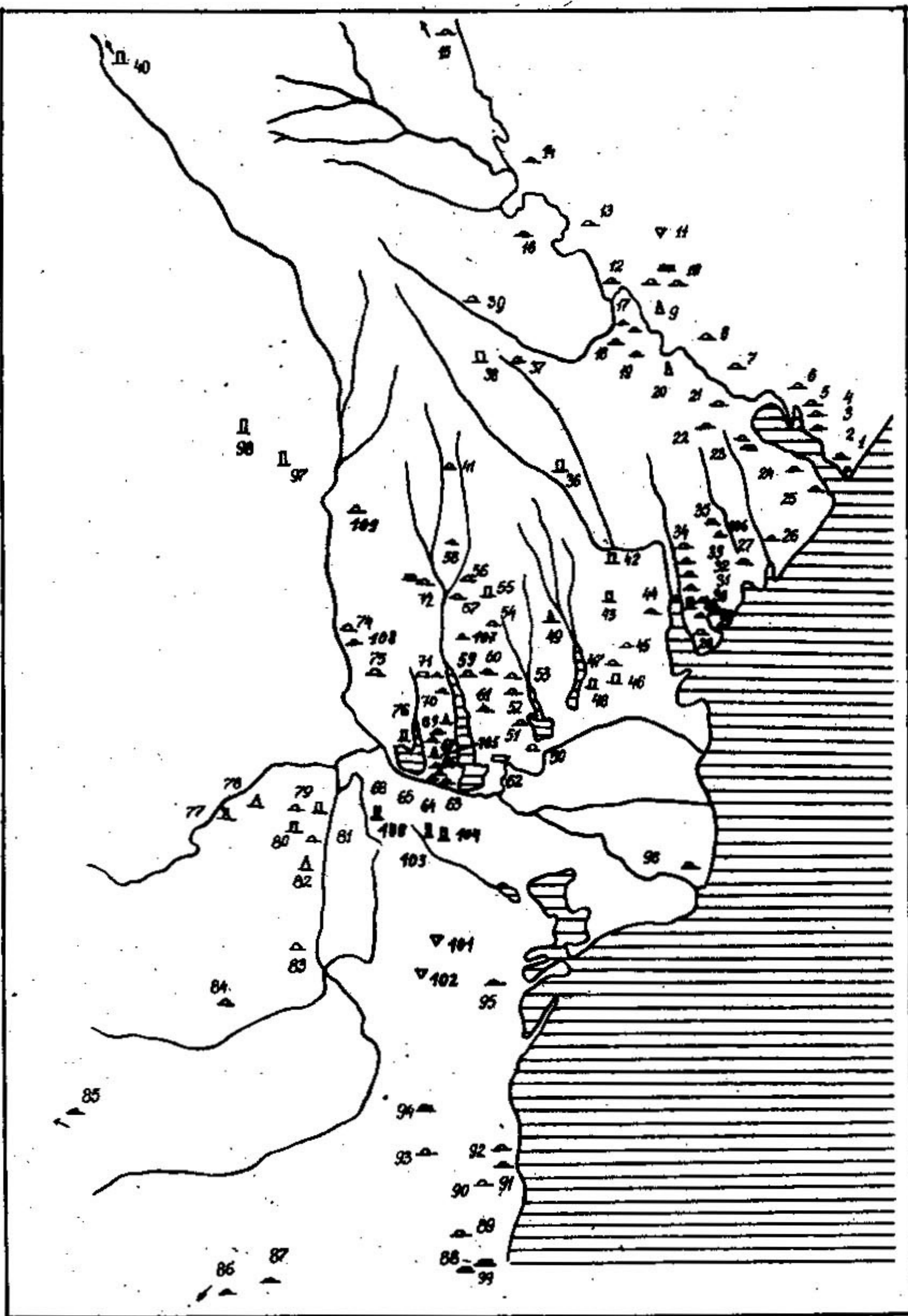
Рис. 1. Карта скифских памятников Днестро-Прутского междуречья и Подунавья.

1 — Каролино-Бугаз, 2 — Роксоланы, 3 — Николаевка, 4 — Ефимовка, 5 — Надлиманское, 6 — Маяки, 7 — Троицкое, 8 — Красное, 9 — Никольское, 10 — Тираспольская группа, 11 — Великопоское, 12 — Терновое, 13 — Буторы, 14 — Дубоссары, 15 — Косоуцы, 16 — Коржево, 17 — Хаджимус, 18 — Талмазы, 19 — Чобручи, 20 — Новые Раскаецы, 21 — Оланешты, 22 — Капланы, 23 — Семеновка, 24 — Белгород-Днестровский, 25 — Шаболат, 26 — Широкое, 27 — Дивизия, 28 — Вишиное, 29 — Кочковатое, 30 — Траповка, 31 — Белолесье, 32 — Михайловка, 33 — Заря, 34 — Сарата, 35 — Ярославка, 36 — Березино, 37 — Данчены, 38 — Суручены, 39 — Страшены, 40 — Ст. Куконешты, 41 — Томай, 42 — Арциз, 43 — Виноградовка, 44 — Борисовка, 45 — Струмок, 46 — Шевченково, 47 — Помазаны, 48 — Червоный Яр, 49 — Островное, 50 — Богатое, 51 — Утконосовка, 52 — Каменка, 53 — Новокаменка, 54 — Кубей, 55 — Огородное, 56 — Тараклия, 57 — Кайраклия, 58 — Казаклия, 59 — Жовтнево, 60 — Васильевка, 61 — Каланчак, 62 — Измаил, 63 — Кугурлуй, 64 — Дервент, 65 — Градешка, 67 — Чауш, 68 — Нагорное, 69 — Плавни I, 70 — Плавни, 71 — Мреснота Могила, 72 — Курчи, 73 — Балабан, 74 — Манта, 75 — Вулканешты, 76 — Фрикацей, 77 — Градишта, 78 — Гзвени, 79 — Кискани, 80 — Скорцару Веке, 81 — Лишкотянка, 82 — Униря, 83 — Бергешть де Жос, 84 — Мурджанка, 85 — Гурбанешты, 86 — Браничево, 87 — Келново, 88 — Мангалия, 89 — Топрайсар, 90 — Кумпэна, 91 — Констанца-Суд, 92 — Констанца, 93 — Меджидия, 94 — Николае Балческу, 95 — Михай Витязу, 96 — Сфынтул Георге, 97 — Хушь, 98 — Васлуй, 99 — 2 Май, 100 — Диногения, 101 — Ступин, 102 — Сибиоара, 103 — Сабанжия, 104 — Чилик-Дере, 105 — Цыганча (Новосельское), 106 — Алкалия, 107 — Табаки, 108 — Крихана-Веке, 109 — Дойна.

Условные обозначения: ■ — памятники VI — V вв. до н.э.; ▲ — I пол. IV ст. до н.э.; ▲ — IV — III до н.э. (некоторые условно); ■ — III, III — II вв. до н.э.; ▼ — случайные находки.

с. 111-112). Коллекция ранних стел пополнилась новым изваянием из добруджанского гранита, найденным близ с. Новосельское в кургане Цыганча, где было устроено скифское святилище (227; 211, с. 49).

В конце V — IV в. до н.э. количество погребальных комплексов в Буджакской степи резко увеличивается и составляет более 95% всех захоронений. При сохранении таких черт, как захоронение в курганах эпохи бронзы, возведение насыпи над основным погребением, в IV в. до н.э. получают распространение впускные захоронения в курганы скифской эпохи, совершаются одновременные захоронения под одной насыпью, для отправления погребального обряда изредка используются природные возвы-

шенности. Помимо одиночных насыпей появляются компактные курганные и, реже, грунтовые могильники, основанные локальными группами скифов. Картографирование памятников показало их равномерное распределение по всему пространству Дунай-Днестровского междуречья, с преимущественным расположением стационарных могильников в долинах степных речек и в местах переправ через Днестр и Дунай.

Сейчас в Дунай-Днестровском междуречье исследовано 14 могильников, количество погребений в которых составляет более 70% от общего числа всех скифских погребальных памятников Буджакской степи. Эти цифры имеют весьма предварительный характер, так как более половины могильников не изучено полностью (например, в Дивизии, где отмечено более ста курганов, исследована всего 21 насыпь), а по разведкам известно еще несколько могильников. В районе Брэилы и Яломицы известны еще два могильника у сел Кисканы и Мурджанка, разрушенных в результате строительных работ и исследованных специалистами только частично. Их скифская принадлежность подвергнута И. Т. Никулицэ сомнению (155, с. 176). Однако изучение материалов первого из них убедило нас в верном отнесении их к скифам авторами публикаций (260; 302). Второй памятник известен нам только по краткому упоминанию в рецензии на работу А. И. Мелюковой (254). По сообщению А. Н. Щеглова, ознакомившегося с материалами обоих могильников лично, их скифское происхождение несомненно.

Курганные могильники в настоящее время представляют собой скопление сильно спланированных насыпей, часто улавливаемых только визуально в виде желтых пятен. Топография их зависела от рельефа местности и в то же время у каждого отмечены свои характерные черты. Захоронения могильников Дивизия, Плавни I, Курчи I и Курчи II тяготеют к курганам эпохи бронзы; погребения в могильниках Чауш, Мреснота Могила, Градешка, Кугурлуй сконцентрированы у кургана той же эпохи, но больших размеров. Круговое расположение курганов вокруг центрального отмечено на могильнике Дервент (182, с. 31).

К грунтовым могильникам отнесен издателями комплекс из более 30 погребений у с. Кисканы. На поверхности признаки могил не фиксировались. Отмечена необычная планировка захоронений: в центре могильника они располагались вблизи друг от друга, на периферии — группами по четыре-пять погребений, разделенными большим расстоянием. Основан могильник у кургана эпохи бронзы (302, р. 25). Отсутствие

внешних признаков захоронения на могильнике Измаил позволило исследовавшему его В. К. Чигирину отнести этот комплекс к бескурганному могильнику. Сочетание подкурганного и грунтового обряда захоронений, по-видимому, наблюдается на могильнике Курчи II, где часть погребений совершенно не фиксировалась на поверхности (27, с. 151, 152).

Насыпи курганов (и одиночных, и входящих в состав могильников) обычно земляные и почти не выделяются в рельефе или имеют высоту до 0, 5 м. Редкие курганы возвышались на 1 - 1,5 м (Борисовка, 10; Плавни, 28; Заря, 1 и др.). Из их числа резко выделяется могильник у с. Балабаны, где высота насыпей варьировала от 1,5 до 5 м. Каменные конструкции типа кромлеха или крепиды отмечены только в единичных случаях (Семеновка, 15, 16, 23; Кочковатое, 48; Курчи II, 25 — рис. 2, 2; Мреснота Могила, 3 и др.). Необычная конструкция из овального в плане кромлеха и углубленной грунтовой оградки П-образной формы, окаймляющих погребение, отмечена в кургане 1 группы Хаджидер. Насыпи обычно окружались рвом, в разрезе овальной или прямоугольной формы. Наличие двух рвов отмечено только в кургане 22 у с. Семеновка.

В заполнении рвов, как правило, прослежены остатки тризны в виде фрагментов амфор, костей животных. Наиболее представительны тризны курганов Дивизийского могильника — от трех до 15 амфор, лошадиный череп с уздой; курганов 27 и 28 у с. Плавни — от 10 до 24 битых амфор, краснофигурный скифос, лепная чашка, болосы, кости лошадей и быка; скелеты лошади и быка рядом с амфорными ножками обнаружены во рву кургана 18 могильника Курчи II. В кургане 1 у с. Заря остатки тризны в виде амфорного боя и костей животных отмечены на специально сооруженной из материкового выброса площадке, где был разведен костер, и во рву. Нетрадиционна находка бронзового котла с костями жертвенного животного в специально вырытой округлой яме с каменным перекрытием в кургане 3 Мреснотой Могила (182, с. 31). В этой же связи упомянем и находки трех бронзовых котлов, найденных в насыпи курганов 1 и 3 у с. Островное (17; 18) и в курганах у сел Кастелу, Скорцару Веке, Якобены из юго-восточной Румынии (286, р. 172).

Редки случаи совершения тризны в стороне от погребального комплекса. Расположены они вблизи курганов или могильников, выделяются на фоне поля светлым пятном диаметром от 6—8 до 15 м (две между селами Нагорное и Плавни, четыре на могильнике Курчи II, одна на могильнике Чауш). При вскрытии их в черноземном слое отмечены компактные скопления

амфорного боя, невыразительные обломки лепной и гончарной посуды, кости животных. По-видимому, после отправления тризны на древней дневной поверхности возводилась насыпь из чернозема и суглинка, чем и объясняется различие в структуре почвы. С одной из них (у с. Нагорное) связан обряд посвящения богу войны Аресу, оформленный в виде воткнутого в грунт в центре пятна меча и копья. Подобный обряд отмечен и в кургане 20 Семеновского могильника, где в насыпи более раннего времени была сооружена специальная площадка, в центре которой помимо воткнутого в землю меча и копья найдены конская узда и стеклянная чаша с железными наконечниками стрел (182, с. 28, 29).

В прослеженных случаях выброс из основного погребения располагался у одной стороны ямы в виде полукруга или, чаще, с двух сторон — незамкнутыми овалами. Подрезка выброса и перенос материкового грунта из рва к могиле прослежен в кургане 28 у с. Плавни (рис. 2, 1). Перенос грунта отмечен и в кургане 1 у с. Заря.

Обычным для данного периода является возведение насыпи над одним погребением. Более редка практика сооружения насыпи над двумя или более одновременными захоронениями (Балабаны, 6; Кочковатое, 48 — рис. 2, 5). Ярким штрихом из всего круга скифских погребальных комплексов выделяется курган 20 Дивизийского могильника (рис. 2, 6). Насыпь его была возведена в один прием над погребениями 1—6 и окружавшим их рвом (время сооружения погребения 7 и ямы 1 и их этническая атрибуция не определены). Мощность материкового выброса, обрамлявшего погребение 5, дает основание полагать, что сюда был снесен и грунт, полученный в результате одновременного сооружения захоронений 1—4 и 6. Упорядоченное круговое расположение погребений 1—4 и 6 вокруг центрального захоронения 5, а также их незначительные по сравнению с ним размеры, позволяют думать, что погребенные в периферийных могилах занимали при жизни подчиненное положение по отношению к лицу, захороненному в центре кургана. Чаще скифами практиковалось вторичное использование насыпи, причем, в случае сохранения датирующего инвентаря, установлено, что захоронения близки по времени их совершения (Заря, 1; Чауш, 18; Нагорное, 11 — рис. 2, 3, 4).

Среди погребальных конструкций выделяются простые ямы, ямы с уступами, катакомбы I, II и III типов (159). Соотношение разных типов погребальных сооружений для одиночных курганов и для могильников неодинаково. Так, для первых более характерна практика сооружения простых

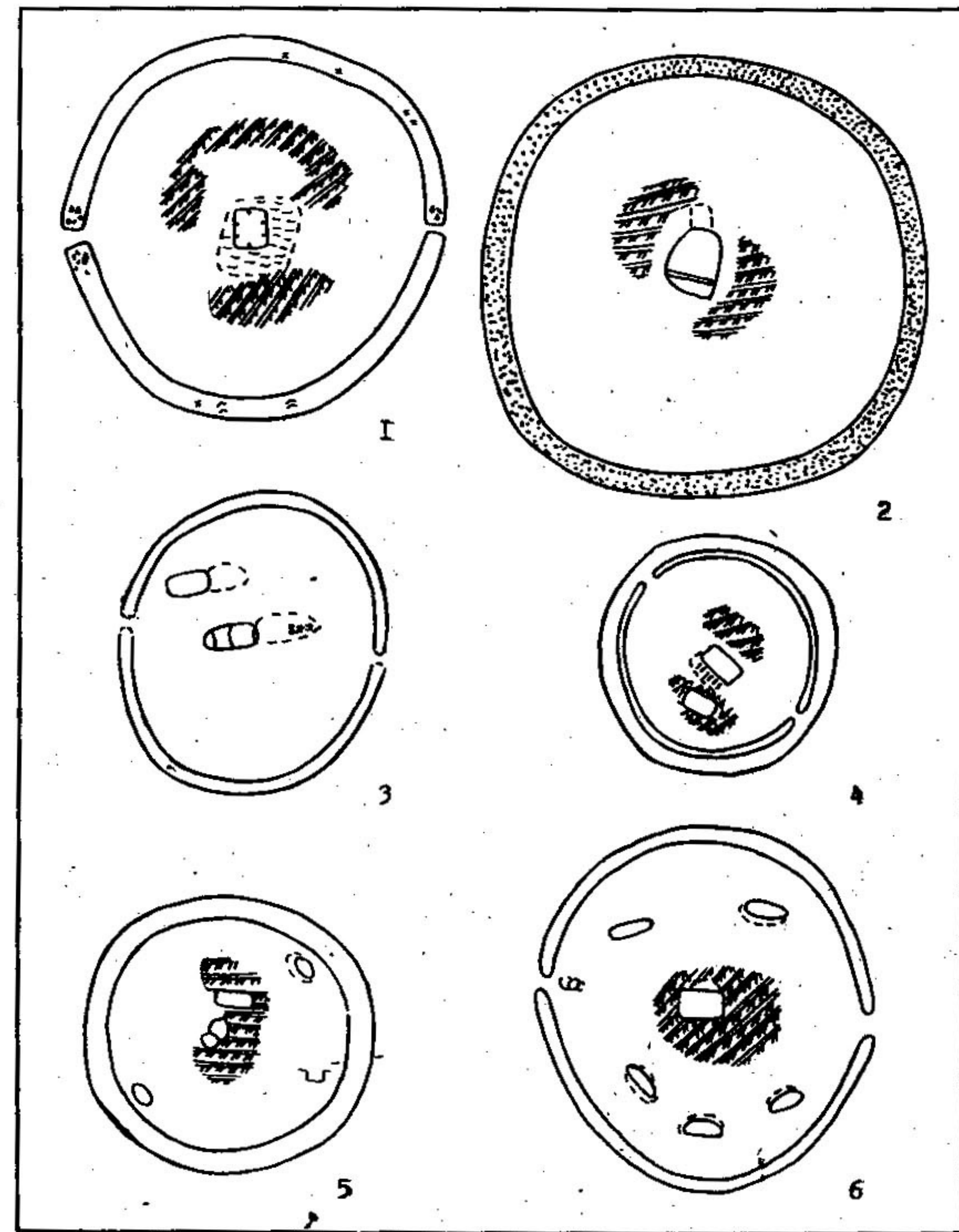

Рис. 2. Общие планы курганов. 1 — Плавни, к. 28; 2 — Курчи II, к. 25; 3 — Чауш, к. 18; 4 — Нагорное, к. 11; 5 — Кочковатое, к. 48; 6 — Дивизия, к. 20.

прямоугольных ям — более 50% от общего числа учтенных погребений. Катакомбы I типа составляют 25%. Остальные типы погребальных конструкций распределены в курганах поровну (рис. 3, 7).

В могильниках также преобладали простые ямы. Однако следует отметить, что могильники Плавни I, Измаил, Дивизия, Кисканы содержали только этот тип конструкций — что составляет примерно 40% от общего числа захоронений всех могильников. Без учета количества захоронений в перечисленных могильниках соотношение различных типов погребальных конструкций резко изменяется — катакомбы II типа составляют немногим более 50%, катакомбы I и III типов и простые ямы — примерно по 15%, незначительные доли процента представлены другими конструкциями. Соотношение погребальных конструкций внутри одного могильника также различно: в Балабанах отмечено сочетание простых ям и ям с уступами; в могильниках Курчи и Курчи II представлены катакомбы I типа и простые ямы; в могильниках Кубей, Мреснота Могила — ямы и катакомбы I и II типов, причем катакомбы I типа единичны; на могильниках Градешка, Кугурлуй и Дервент — катакомбы II и III типа примерно в равных пропорциях. В тех случаях, когда под одной насыпью находилось по два, реже три погребения, они были совершены в однотипных конструкциях. Отхождение от этого правила отмечено в единственном случае в Мреснотой Могиле, где простая яма находилась среди двух катакомб II типа, и в Кугурлуе, где неоднократно отмечено сочетание под одной насыпью катакомб II и III типов.

Некоторые отличия наблюдаются и внутри каждого типа погребальных сооружений. Простые ямы прямоугольной или овальной формы, ориентированы в широтном направлении. Размеры их варьируют от 1,2 × 0,2 до 3,2 × 3 м. Преобладают ямы средних размеров. Часто отмечено расширение ям ко дну с одной или со всех сторон, в результате чего параметры могилы по дну резко увеличиваются (рис. 3,2). В редких случаях отмечены деревянные перекрытия (Семеновка, 23/3; Балабаны, 6; Нагорное, 11/2) или каменные заклады (Хаджимус, 5; Хаджидер, 3; Курчи II, 27).

Примечательно погребение 2 кургана 28 у с. Плавни (рис. 3,1). Здесь исследована большая подквадратная яма размерами 3,3 × 3,3 м с шестью столбовыми ямками на дне, перекрытая мощным деревянным накатом площадью 49 кв. м. Могила сопоставима с памятниками такого же типа в степи и лесостепи (160, с. 90, 91; 148, с. 49, 50). Аналогичные

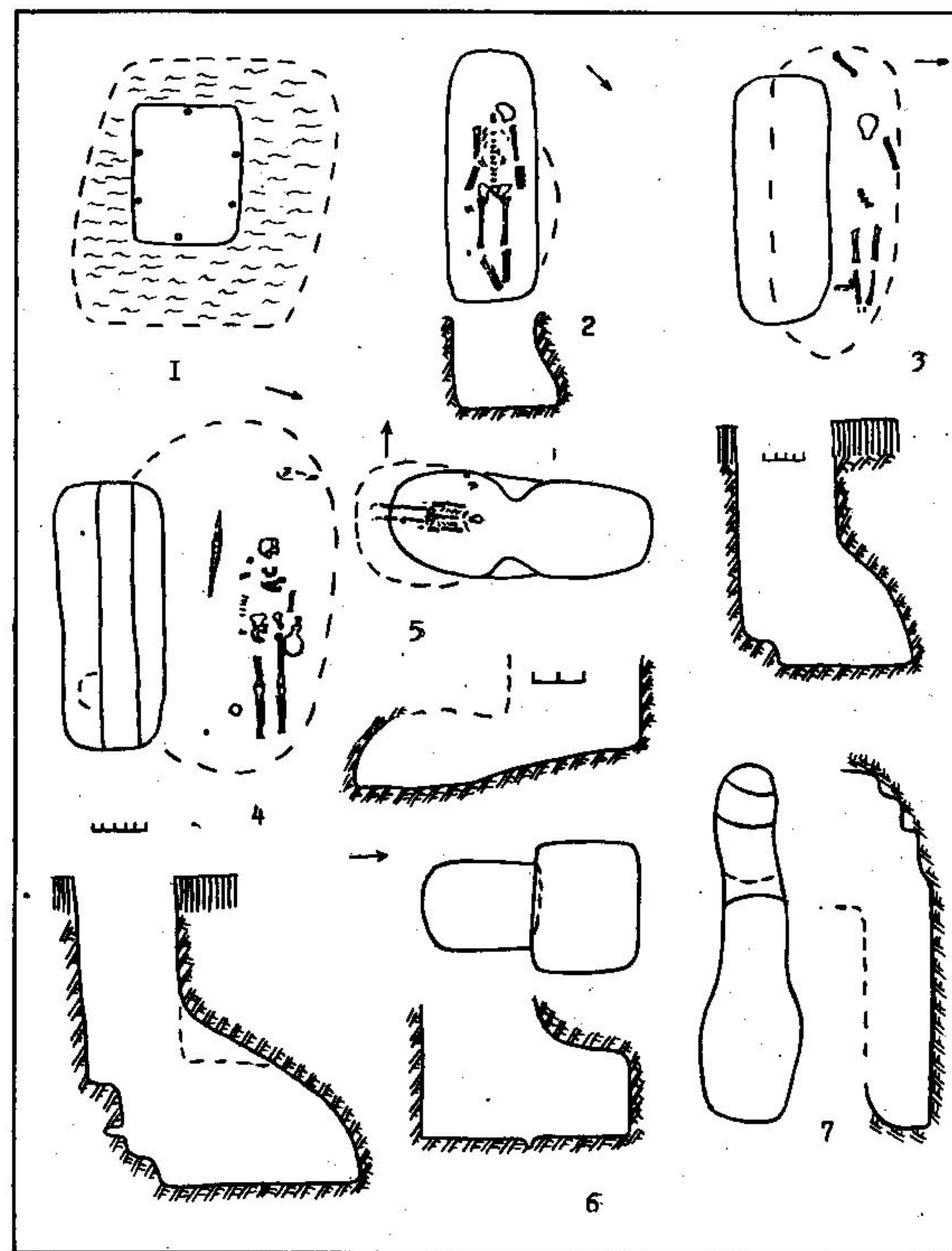

Рис. 3. Типы погребальных конструкций. 1 — Плавни, 28/2; 2 — Курчи II, 27/3; 3 — Кочковатое, 38/3; 4 — Кочковатое, 48/2; 5 — Хаджимус, 3/2; 6 — Огородное 1, 3/1; 7 — Семеновка.

деревянные перекрытия, поддерживаемые опорными столбами или без них, известны в погребениях могильников у с. Бутор и Балабаны (138, с. 149, 151, 156; 198, с. 137).

Еще одно неординарное погребение в прямоугольной яме обнаружено недавно в лесостепной Молдове у с. Косоуцы. Все стены ямы были облицованы мелкими камнями, забутованными глиной. Внутри погребальной ямы находилось два погребальных сооружения, расположенных одно в другом. Внешнее представляло собой частокол из продольно расколотых бревен, заостренных внизу и вбитых вертикально в землю вплотную друг к другу. Внутреннее сооружение представляло собой сруб, который состоял из 8 вкопанных по углам и в центре каждой из стенок столбов. Между ними горизонтально были уложены плахи, крепившиеся в специальных пазах. В центре сруба был установлен еще один столб. Дно между деревянными конструкциями устлано деревянными плахами, а внутри сруба — тростниковой циновкой. По мнению автора публикации, конструкция этого погребения более характерна для лесостепных скифских памятников, хотя отражает и влияние степной зоны (123).

Ямы с уступами и заплечиками более редки. Они отмечены в одиночных погребениях у с. Шаболат, Шевченково, Богатое, в могильнике у с. Балабаны. В последних зафиксированы остатки деревянных перекрытий.

Для катакомб I типа характерны подпрямоугольные в плане колодцы, ориентированные с запада на восток, иногда с большими отклонениями. Погребальные камеры располагались, в основном, с северной стороны и превышали их по длине (рис. 3, 2, 4). Примыкание камеры с другой стороны колодца редко (Кочковатое, 26/1; Семеновка, 10/2; Борисовка, 10/2 и др.). Во всех случаях в колодцах имелись ступенька или две для входа в камеру. Часто прослежены случаи перекрытия входа вертикально поставленными деревянными плахами (Градешка 1, 5/6) или каменным закладом (Мреснота Могила, 13/1). Изредка применялся комбинированный заслон (Борисовка, 10/1). Из с. Утконосówki известно погребение, где в виде заклада были использованы вертикально поставленные амфоры. Ближайшие аналоги ему отмечены в погребении I Надлиманского могильника (205, с. 106, рис. 1,1). Размеры ям средние и редко превышали для входного колодца $2 \times 2,5$ м, для погребальной камеры $2,5 \times 3$ м при средней глубине до 2 м.

Катакомбы II типа, встреченные, в основном, на могильниках Чауш, Градешка, Кугурлуй, Дервент, Мреснота Могила, Хаджимус (рис. 3,5), представлены вытянутыми входной

и погребальной ямами, примыкающими друг к другу короткими сторонами. Иногда они соединялись посредством дромоса. Для входа в камеру сооружались ступеньки. Ориентировка катакомб широтная, преобладает расположение камеры к востоку от колодца, хотя нередко, при наличии под одной насыпью двух погребений, их расположение диаметрально противоположно. Размеры ям средние: для погребальной камеры они не превышали $1,5 \times 3$, для входного колодца — $1 \times 2,5$, при средней глубине до 2 м.

Катакомбы III типа исследованы на могильниках Градешка, Кугурлуй, Дервент и в единичных случаях в кургане 3 у с. Огородное (рис. 3,6) и в п. 3 кургана 5 у ст. Фрикацей. Погребальная камера примыкала ко входному колодцу перпендикулярно, иногда соединялась с ним посредством короткого дромоса и ступенек. В отличие от всех остальных типов погребальных конструкций, здесь преобладает меридиональная ориентировка погребальной камеры. Этот же тип характеризуется и большими размерами по сравнению с остальными. Средние параметры входного колодца 2×3 м, погребальной камеры — 2×3 м, при глубине до 3 и более метров.

В погребениях всех типов достаточно часто отмечено покрытие пола погребальной камеры войлоком, корой, растительной подстилкой. Реже встречается посыпка мелом пола и стенок.

Все перечисленные выше конструкции повсеместно распространены в среде степных скифов и имеют широкий хронологический диапазон. Наиболее ранний тип погребального сооружения — прямоугольная яма (148, с. 49, 50). В VI в. до н.э. появляются катакомбы I типа, количество которых к IV в. до н.э. резко увеличивается. В это время они сосуществуют с новыми типами погребальных сооружений, катакомбами II и III типа, появившимися последовательно один за другим и продолжавшими использоваться в скифской среде и в дальнейшем (159, с. 117, 124, 127).

Здесь необходимо коротко остановиться на скифских погребальных памятниках из сопредельных юго-западных территорий. В это время на территории Румынии и Болгарии господствует гето-фракийская культура с характерным для нее обрядом совершения захоронений кремацией, реже ингумацией. Однако здесь в пограничных районах появляется большее, нежели в предшествующий период, количество захоронений, которые, судя по инвентарю, можно уверенно отнести к скифам. К сожалению, все они исследовались поспешно по причине разрушения их в результате различных земляных работ (274),

что затрудняет реконструкцию погребальных сооружений. При исследовании памятников у сел Лишкотянка, Униря, Градиштя, а также частично могильника Кисканы отмечено, что все погребения совершены в простых прямоугольных ямах (302, р. 25, 36). Тем большее значение приобретает открытие во фракийских могильниках Браничево и Келново Шуменского округа Болгарии погребений в катакомбах I типа (84, с. 118, 121, рис. 40), что совершенно не характерно для фракийского мира. Учитывая, что погребальный обряд является одним из наиболее консервативных элементов той или иной культуры, можно полагать, что в этих комплексах захоронены выходцы из северо-понтийских степей, что находит подтверждение для данного времени и в письменных источниках.

Преобладающим во всех неразрушенных комплексах является обряд труположения с вытянутыми на спине костяками. В ямах и катакомбах I типа безраздельно господствует ориентировка умерших головой на запад, иногда с отклонениями. Около 4% от общего количества захороненных в ямах этих конструкций ориентированы на восток, север и юг (Кочковатое, 48/3; Борисовка, 10/2 и др.). Определенной стабильностью отличается положение костяка в катакомбах II типа. Погребенные во всех случаях укладывались в них головой ко входу в погребальную яму, что позволяет с достоверностью реконструировать их ориентировку даже в случае полного ограбления могилы. При доминировании здесь опять же западной ориентировки, число положений умерших головой к востоку достигает 30% (Чауш, 18; Мреснота Могила, 12; 18 и др.; Хаджимус, 3). В катакомбах III типа преобладает северная, реже южная, а в единичных случаях и западная ориентировка. В единичных случаях в простых ямах встречены скорченные на правом боку костяки с поднесенными к лицевой части кистями рук, головой на восток (Семеновка, 10/2; 23/2; Белолесье 1, 1/11). Обряд кремации встречен только в курганах 6 и 22 могильника Чауш. Захоронения были совершены в подпрямоугольных ямах, заполненных пережженным грунтом и кусками обгоревшего дерева (206, с. 38). Возможно, умершие были кремированы на месте погребения, но не исключено, что наличие округлой ямы, заполненной прокаленным грунтом, жженным деревом и сажой в стороне от погребальной ямы кургана 6, свидетельствует о сожжении трупа в специально подготовленной для этого яме и перенесении впоследствии костей к месту захоронения. Обнаружены также случаи культовых захоронений черепов (Плавни, 24/1) и отчленения головы от туловища (Заря, 1/3) (157, с. 302).

В ряде случаев на могильниках Кубей, Кугурлуй (183; 182, с. 31, 32) и в кургане у с. Топрайсар (271, р. 45—47) во входных колодцах или непосредственно в погребальных ямах были совершены ритуальные захоронения лошади, собаки, иногда встреченных вместе.

Захоронения сопровождалась традиционным набором вещей — оружием, привозной и местной керамикой, украшениями, реже конской уздай. Обычны в погребениях предметы быта. Из-за ограбленности большинства погребений не всегда можно уточнить качественный и количественный состав инвентаря*.

Наиболее многочисленной категорией инвентаря являются наконечники стрел. Частота их встречаемости в погребениях компактных могильников и в одиночных подкурганых комплексах практически одинакова. В неразрушенных захоронениях их количество колеблется от одного до ста. Преобладают бронзовые трехлопастные наконечники вытянутых пропорций со слабо выступающей втулкой и срезанными под прямым или острым углом ко втулке концами лопастей. Реже встречаются приземистые наконечники с опущенными в виде шипов одной или несколькими лопастями, а также трехгранные базисные или втульчатые наконечники. Единичные экземпляры украшены прочерченными треугольниками, крестиками, косыми линиями. На трех наконечниках из могильника Чауш отмечено рельефное изображение лука. При сопоставлении взаимовстречаемости тех или иных типов наконечников с определенными конструкциями погребальных ям выявлена определенная закономерность: разнотипные колчаные наборы с преобладанием в них базисных трехлопастных (рис. 4, 4—6) или трехгранных стрел с опущенными вниз шипами, датируемых V — IV вв. до н.э. (133, с. 23—25, табл. 8), встречены преимущественно в катакомбах I типа, ямах с уступами и в ряде простых грунтовых ям (Кубей, 12/1; Чауш, 16, 17, 19; Градешка 1, 4/4 и 5/1; Мреснота Могила, 13/1; Курчи, 27, 2 и др.). Разнотипные же наборы, но с преобладанием вытянутых трехлопастных втульчатых наконечников найдены в ряде катакомб I типа (Кочковатое, 38/1 и 48/2 и 3). Однотипные наборы с вытянутыми трехлопастными втульчатыми наконечниками (рис. 4, 7—9,

* Инвентарь могильников Кугурлуй, Дервент, Градешка известен нам только по источникам типа АО или кратких тезисов, что затрудняет использование его в данной работе.

13—16), датируемые IV — III вв. до н.э. (133, с. 25—29, табл. 9) встречаются преимущественно в простых ямах и катакомбах II типа (Дивизия, к. 20, п. 1; Хаджимус, 3/2; Кубей, 13/1 и др.).

Крайне немногочисленны наконечники из кости. Встречены они в единичных захоронениях в количестве до двух экземпляров. Все они четырехгранные, вытянутых пропорций со скрытой втулкой, изредка концы граней опущены вниз в виде шипов. Встречаются в скифских захоронениях IV — III вв. до н.э.

Железные наконечники встречены всего в трех комплексах; в тризне кургана 20 Семеновского могильника, погребении у Мангалии и погребении 3 кургана 48 у с. Кочковатое, причем в последнем колчаный набор состоял из бронзовых и железных наконечников (рис. 4, 10—13). Все наконечники трехлопастные с высокой втулкой. Распространяются в Северном Причерноморье в IV — III вв. до н.э. и бытуют вплоть до II в. до н.э. (133, с. 29). Имея широкий хронологический диапазон, они могут использоваться для датировки только в совокупности с другими предметами.

Наконечники копий и их фрагменты найдены более чем в 40 погребениях. Редки находки двух наконечников в одном захоронении и только в одном случае отмечены три экземпляра вместе (Плавни, к. 27). Из поддающихся определению наконечников копий выделяются две основные, практически равные по количеству, группы: с «остролистным» пером и ребром — рис. 4, 17, 21 (Плавни, к. 27; Плавни I, к. 32; Дивизия, 15/2) и с «остролистным» пером без ребра — рис. 4, 18, 20 (Кочковатое, 48/3, Градешка I, 4/4; Чауш, к. 12; Дивизия, 20/1). На втулках большинства наконечников отмечены кольцеобразные утолщения. Обособленно стоит наконечник из Кумпэны, на втулке которого надето бронзовое кольцо (274, рис. 2, 1). Размеры копий варьируют от 27 до 46 см, при длине втулок от 8 до 14 см. Наконечники копий часто сопровождаются находками железных подтоков и ворворок. Наконечники подобных типов широко распространены в степных скифских памятниках V — III вв. до н.э., преобладая в IV в. до н.э. (133, с. 40—44). Взаимосвязь той или иной группы наконечников с определенным типом погребальной конструкции не отмечена.

Мечи и их фрагменты найдены более чем в 20 погребениях. Традиционный меч-акинак встречен только в могильнике у с. Кисканы (рис. 4, 25) и обломок еще одного — в кургане 15 могильника Плавни I. Все остальные изделия, поддающиеся определению, относятся к однолезвийным с прямым клинком,

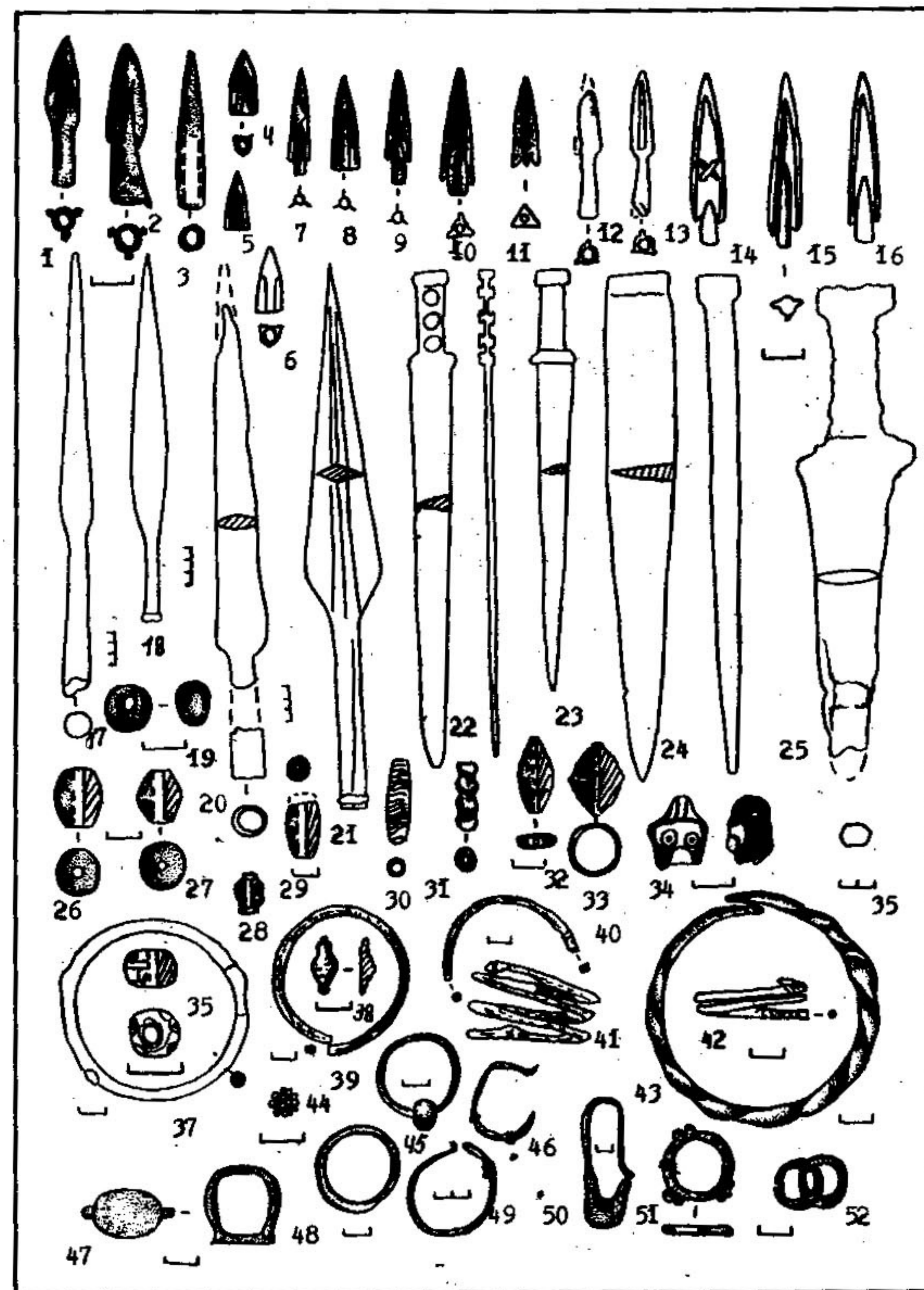

Рис. 4. Инвентарь погребений.

1—3 — Огородное II, 9/5; 4—6 — Чауш, 6/11; 7—9 — Чауш, 12/1; 10—13, 26—27, 33 — Кочковатое, 48/3; 14—16 — Дивизия, 16/5; 17 — Плавни, 27/1; 18 — Чауш, 12/1; 19, 29—30, 34, 37, 45, 48 — Дивизия, 20/4; 20 — Градешка 5, 1/6;

22 — Чауш, 15/1; 23 — Чауш, 12/1; 24 — Дивизия, 20/6; 25 — Кискани; 28, 35 — Курчи II, 25/2; 31 — Чауш, 18/2; 32 — Чауш, 9/1; 36 — Кочковатое, 48/2; 38 — Хаджимус, 1/1; 39—42 — Изманл; 43, 47 — Нагорное, 11/3; 44 — Огородное 1, 3/1; 46 — Констанца; 49 — Курчи I, 2/5; 50 — Курчи, 27/2; 51—52 — Чауш, 4/1, (1—2, 4—11, 14—16, 37, 39, 40—42, 45—46, 48—52 — бронза; 3, 31 — кость; 17—18, 20—25 — железо; 19, 26—27, 29—30, 32, 34—36 — стеклопаста; 28, 38, 44 — золото; 43, 47 — серебро).

редко встречающимся в степных скифских памятниках Северного Причерноморья IV — III вв. до н.э. (133, с. 59). Экземпляры из могильников Дивизия и Чауш имеют брусковидные перекрестья и навершия (рис. 4, 23, 24). На рукояти одного из мечей могильника Чауш сохранились следы деревянной обкладки, крепившейся железными заклепками (рис. 4, 22). От ручки меча из Кумпэны сохранилась костяная пластинка, орнаментированная четырьмя группами двойных концентрических кругов. Два меча из могильника Плавни I перекрестья не имели. Длина целых экземпляров 45—63 см. Происхождение подобного типа мечей не выяснено. По мнению Г. А. Дзис-Райко, они появляются на местной основе (80, с. 63, 64). Отрицая местные корни, А. И. Мелюкова вслед за В. Гинтерс полагает, что идея однолезвийного меча была позаимствована скифами из греческой или фракийской махайры (133, с. 59). Следует отметить, что в рассматриваемом регионе в отличие от всей остальной степной Скифии однолезвийные мечи практически полностью вытеснили традиционные скифские мечи-акинаки, что является дополнительным аргументом в пользу происхождения их от фракийских прототипов (43, с. 68, 69).

Железный обушковый боевой топор встречен всего в одном погребении могильника Плавни I (207, с. 115, рис. 4, 16).

Более редки находки защитного снаряжения. Практически все они происходят из разрушенных захоронений и представлены фрагментами панцирей (Семеновка, 15/1; 16/2; Мреснота Могила, 3/1; Островное, 3/1; Чауш, 6/1 и др.), щитом (Мреснота Могила, 3/1; Островное, 3/1), бронзовыми поясными пластинами (Семеновка, 23/3; Курчи II, 25/2), бытовавшими на всем протяжении скифской культуры.

Детали конской узды из железа, реже бронзы, изредка встречаются в погребениях и во рвах (в последнем случае, как правило, вместе с конским черепом). Фрагментарность их затрудняет классификацию.

В состав украшений, сопровождающих погребенных, входят бусы, браслеты, серьги, зеркала и др. Наиболее многочисленной категорией украшений являются бусы, встреченные более чем в 20% погребений. Чаще они отмечены в разрозненном состоянии и лишь в редких случаях составляли целые ожерелья из 20-80 бусин. Основное количество их изготовлено из стеклопасты синего, желтого, черного цветов и имеет округлую, биконическую, цилиндрическую и другие формы. Некоторые бусины украшены «глазками», «шишечками», фестонным орнаментом (рис. 4, 19, 26-27, 29-32, 35). Широко распространены в V — III вв. до н.э. (14; 15). Из их среды выделяется немногочисленная группа пирамидальных подвесок синего цвета, найденных в погребениях у с. Ново-Каменки и могильника Плавни I, бытование которых не выходит за пределы IV в. до н.э. (см. подборку в 207, с. 116). Из могильника у с. Дивизия происходит подвеска с личиной IV в. до н.э. (рис. 4, 34), а из могильников Кугурлуй, Градешка и Дервент — подвески с двумя личинами конца IV — начала III в. до н.э. (16, табл. 47, 22; 47, 3, 4, с. 41, тип. 462, 459).

Необычной является находка в погребении у с. Кочковатое глиняных бусин с позолотой (рис. 4, 33) округлой вытянутой формы; поверхность их покрыта точечным узором, разделенным рубчиком. Они бытуют с IV в. до н.э. по I в. н.э., причем большая часть находок относится к III — II вв. до н.э. (16, с. 28, табл. 46, 48, 49, рис. 21).

Изделия из золота и серебра немногочисленны. Они представлены рубчатыми бочонкообразными бусинами, амфоровидными подвесками (рис. 4, 28, 38) и бисером (Плавни I, Дивизия, Курчи II, Хаджимус). Золотые нашивные бляшки, выполненные в зверином стиле (рис. 5, 7, 9), или в виде округлых розеток (рис. 4, 44), встречены в единичных комплексах. Время бытования — V — III вв. до н.э.

Немногочисленны в погребениях браслеты из бронзы, серебра, железа. Нам известно около 30 экземпляров. Плохая сохранность железных браслетов не всегда позволяет установить их форму, но, судя по всему, они представляли собой замкнутые кольца из округлой в сечении проволоки. Браслеты из других материалов подразделяются на четыре типа: сплошное замкнутое кольцо с рельефными шишечками (рис. 4, 37); округлое кольцо с незамкнутыми концами (рис. 4, 39). Концы иногда расклепаны и оформлены в виде головок змеи, украшены горизонтальными насечками или точечным орнаментом; витое кольцо с незамкнутыми концами (рис. 4, 43); витой спиралевидный браслет в 3,5 витка с оформленными

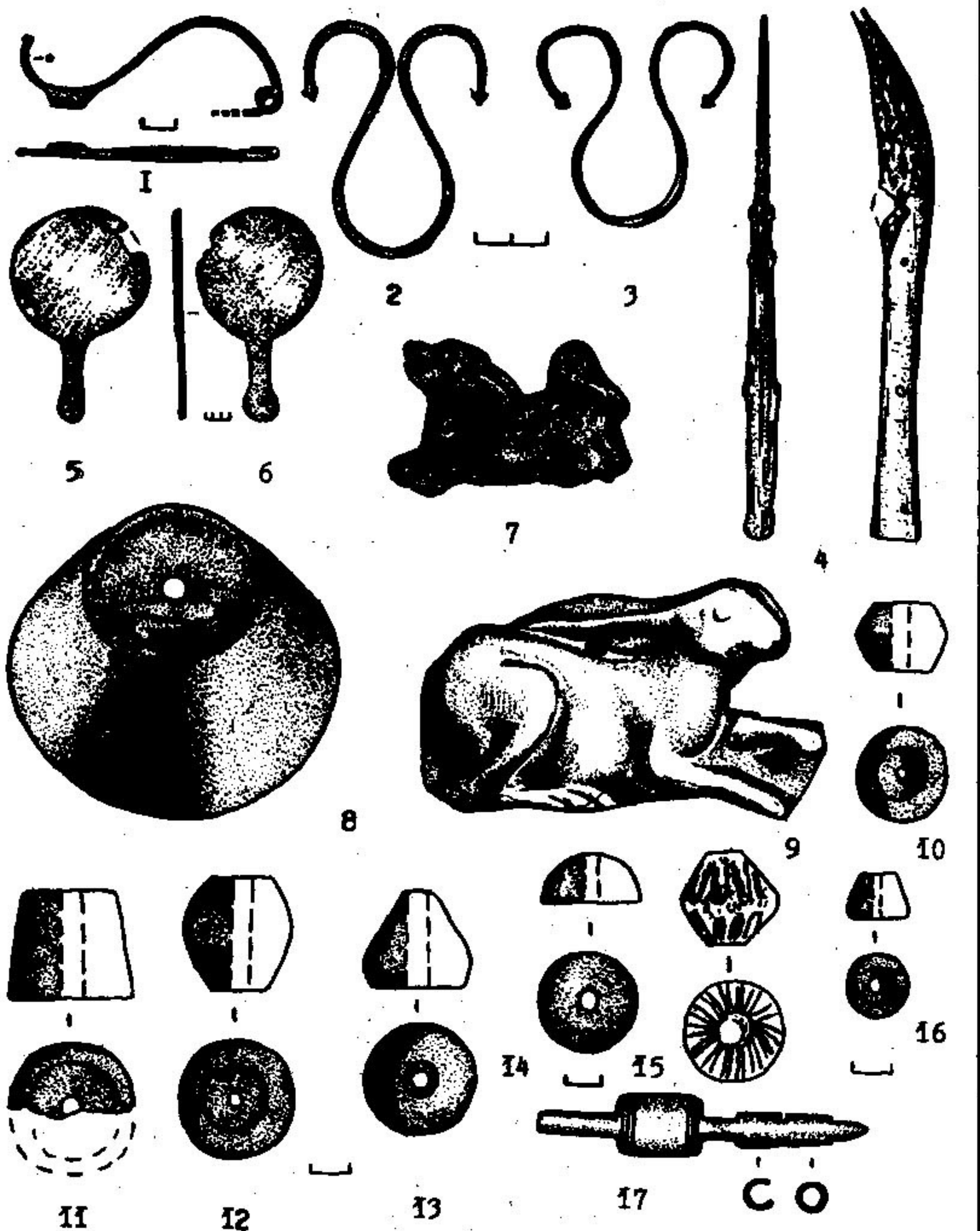

Рис. 5. Находки из погребений.

1 — Чауш, 14/1; 2—3 — Ярославка, 3/2; 4 — Плавни, 27/1; 5 — Измаил; 6, 14, 17 — Балабан, 6/2; 7 — Нагорное, 11/1; 8 — Арциз; 9 — Новокаменка; 10—11, 13 — Курчи II, 27/3; 12 — Нагорное, 11/3; 15 — Дивизия, 20/4; 16 — Кочковатое, 48/3; (1—3, 5, 6 — бронза; 4 — железо, кость; 7-9 — золото; 10—14, 16 — глина; 15 — свинец; 17 — кость).

в виде головок змей концами (рис. 4, 41). Все они получают широкое распространение с конца V в. до н.э. и бытуют до III в. до н.э. (172, с. 12—16, 55, 56, табл. 39, 43, 45).

Единичные находки колец из бронзы или серебра представлены тремя типами: из простой округлой проволоки (рис. 4, 48); спиралевидное в 2,5 витка (рис. 4, 42). Концы их расплющены, украшены косыми насечками; литой перстень с овальным щитком (рис. 4, 47). Время бытования — V — III вв. до н.э.

Височные украшения из серебра и бронзы встречены как в женских, так и в мужских захоронениях. Они представлены серьгами в виде «уточки» (рис. 4, 50); из округлой в сечении проволоки с нанизанными на нее бусинами, один конец оформлен крючком (рис. 4, 45); из округлой проволоки, один из концов которой завернут в виде петли вокруг себя, другой оформлен крючком (рис. 4, 49); из проволоки, закрученной в петли, которые разделены в центре бусинами (рис. 4, 46). Возможно, к височным украшениям относятся две спиралевидные золотые подвески в 5,5 оборота из погребения могильника Градешка I; золотые и серебряные, продетые друг в друга кольца (рис. 4, 52). Все они широко распространены в V — III вв. до н.э. Из этой категории предметов резко выделяются золотые калачиковидные серьги из Балабан, покрытые зернью и сканью, верхняя часть корпуса которых оформлена в виде головы грифона (218, с. 31—34, 190, рис. 13). Подобные изделия редки в Северном Причерноморье, и по мнению Н. А. Онайко, могли быть изготовлены в IV в. до н.э. в греческих мастерских (162, с. 122).

Зеркала в захоронениях представлены в основном фрагментами. Выделяются два типа: зеркала с литой ручкой, заканчивающейся овальным навершием (рис. 5, 5) и зеркала с накладной ручкой из железа или кости. В редких случаях зеркальный диск орнаментирован по краю овами. Появившись в Северном Причерноморье уже в VI в. до н.э., наибольшее распространение они получают в IV — III вв. до н.э. (171, с. 34, 35; 113, с. 35—46).

Другие изделия, относящиеся к категории украшений или к предметам туалета, встречаются в единичных экземплярах. Из их среды следует выделить целую серию вещей, широко распространенных во фракийском мире в V — III вв. до н.э. и взаимосвязь которых с западными территориями прослеживается концентрацией в комплексах, тяготеющих к устьям Дуная — фибулы фракийского типа (рис. 5, 1), бронзовые колокольчики, парные бронзовые колечки и кольца с шишечками (рис. 4, 5), лировидные подвески (рис. 5, 2, 3) — Чауш, Мреснота Могила, Измаил, Дервент, Кугурлуй, Градешка.

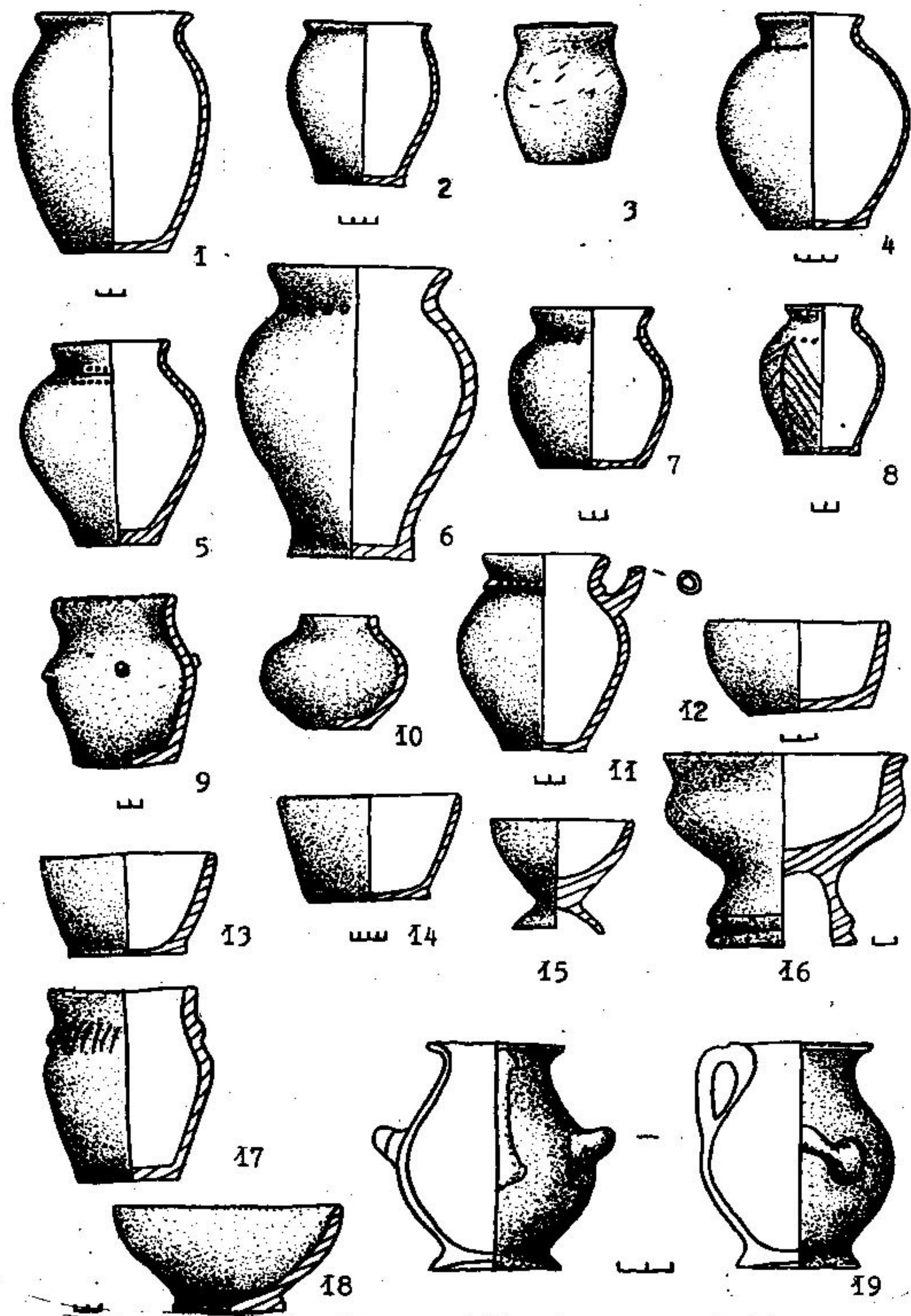

Рис. 6. Лепная и гончарная керамика скифских погребений. 1 — Курчи II, 27/2; 2, 6 — Белолесье, 1/11; 3 — Кискани; 4 — Чауш, 18/1; 5 — Чауш, 3/1; 7-8, 11 — Курчи II, 24/1; 9 — Семезовка, к. 1; 10 — Плавни I, 1/2; 12 — Нагорное, 11/3; 13 — Чауш, 9/1; 14 — Чауш, 15/1; 15 — Плавни, 23/2; 16 — Давизия, 7/1; 17 — Констанца-Квартал Медя; 18 — Хаджимус, 3/2; 19 — Кочковитое, 48/2.

Особо следует отметить находки трех греческих монет в придунайских могильниках: Плавни I — истрийская монета-колесико — V — IV вв. до н.э.; Дервент — истрийская драхма с изображением Диоскуров и орла на дельфине — конец IV в. до н.э.; Мреснота Могила — монета с изображением головы Аполлона и лошади с всадником — 359—311 гг. до н.э. (183, с. 62, 63).

Часты находки в погребениях бытовых предметов — ножей (рис. 5, 4), глиняных и свинцовых пряслиц (рис. 5, 10—16). Только в одном случае найдено костяное веретено (рис. 5, 17).

Посуда наиболее широко представлена в захоронениях компактных могильников. В погребениях одиночных курганов находки керамики единичны. В захоронениях находилось по одному, реже — два, и только в одном случае (Курчи II, 24/1) — три сосуда. Вся лепная посуда подразделяется на несколько типов. Наиболее многочисленной группой представлены горшки (рис. 6, 1—10, 17) средних размеров с высокой шейкой, отогнутым венчиком и наибольшим расширением тулова в верхней части. Миниатюрные горшки встречены, в основном, в детских погребениях. Часть горшков не орнаментирована, другая украшена по венчику и горловине насечками и вдавлениями; в единичных случаях — валиком, расчлененным защипами или косыми насечками; в одном случае — тремя шишечками. Сосуд из детского погребения могильника Курчи II дополнительно орнаментирован по тулову «елочкой». Подобные формы и орнаментация посуды широко представлены в скифских захоронениях IV — III вв. до н.э. (62, с. 40—55). Особняком стоят три горшка (рис. 6, 9, 10, 17), по составу теста аналогичные скифским, но по декору или форме сопоставимые с фракийской посудой. По-видимому, близость фракийского мира predeterminedли не только появление изредка гетских сосудов в скифских комплексах (ров кургана 2 у с. Талмазы — 31, с. 18), но и заимствование скифами отдельных элементов с фракийской керамики. Другой тип посуды, близкий по форме и орнаментации к горшкам — одноручные кувшины (рис. 6, 11) — встречен в погребениях гораздо реже. Вторая и третья по количеству группы лепной керамики представлены небольшими усеченно-коническими чашами и чашечками на высокой ножке (рис. 6, 12—15), также широко распространенными в скифских памятниках IV — III вв. до н.э. (62, с. 56—58).

Особую группу из пяти экземпляров составляют лепные курительницы. Четыре экземпляра, выделенные в два типа, аналогии которым имеются в Надлиманском и в Тираспольских курганах, найдены в катакомбах III типа могильников Кугурлуй

и Градешка. На основании сопутствующего инвентаря датируются не позже конца IV — начала III в. до н.э. (183 а). Пятый экземпляр, имеющий отдаленное сходство с гончарной курильницей из Балабан, найден в погребении 2 кургана 7 у с. Дивизия (рис. 6, 16).

Гончарная керамика насчитывает немногим более 20 целых сосудов. Она представлена в основном красно- и сероглиняными одноручными кувшинами (рис. 7, 2, 3), одним сероглиняным кувшином с двумя петельчатыми горизонтальными ручками (рис. 7, 1); несколькими мисками с отогнутым или прямым венчиком (рис. 6, 1; 7, 5) и уже упоминавшейся курильницей с крышкой черного цвета (рис. 7, 4). Практически все типы посуды широко распространены в Северо-Западном Причерноморье в V — III вв. до н.э. Ближайшие аналогии им найдены в Истрии, Аполлонии и в некоторых фракийских могильниках (92, с. 132—167; 252, р. 341—344). Необычен гончарный светло-коричневый трехручный сосуд на кольцевом поддоне, две ручки которого горизонтальны, а третья расположена вертикально (рис. 6, 19) — Кочковатое, 48/2. Ему близка по форме и тесту гидрия из некрополя Аполлонии, найденная в комплексе начала III в. до н.э. (92, с. 172, табл. 96, № 372а). Еще более позднюю дату имеет светильник из погребения у Мангалии, имеющий аналогии на Афинской Агоре в III — II вв. до н.э. (272, р. 121, fig. 13,3).

В погребении у с. Нагорное найден небольшой серебряный кувшин, происходящий из Фракии (рис. 8, 3) (26, с. 43).

Чернолаковая посуда встречена в погребальных комплексах редко, хотя по численности она равна гончарной керамике. Как правило, в захоронениях она представлена единичными экземплярами. Из этого круга резко выделяется погребение 3 кургана II у с. Нагорное, где найдено 8 сосудов — канфар, скифос, килик, лекана, лекиф, миска, две краснофигурные ойнохойи. Этот комплекс пополняется находками из близлежащих курганов у с. Плавни (рис. 7, 6—8; 8, 1, 2, 4, 5). По форме, штампу и орнаменту вся эта посуда датируется концом V — первой половиной IV в. до н.э. (304, р. 109-112, 247-258). Из их среды выходят канфар и чаша из могильника у с. Кисканы, которые по аналогии с находками на Афинской Агоре датированы третьей четвертью IV в. до н.э. (304, р. 408-422).

Самой многочисленной категорией посуды являются амфоры, целые и фрагментированные, встреченные в погребениях, насыпях курганов, рвах и отдельных тризнах. Основная доля импорта представлена Гераклеей (рис. 8, 6). Изделия других центров — Фасоса, Хиоса, Синопы, Херсонеса, Родоса, Косса, Менды (рис. 8, 7) — более редки.

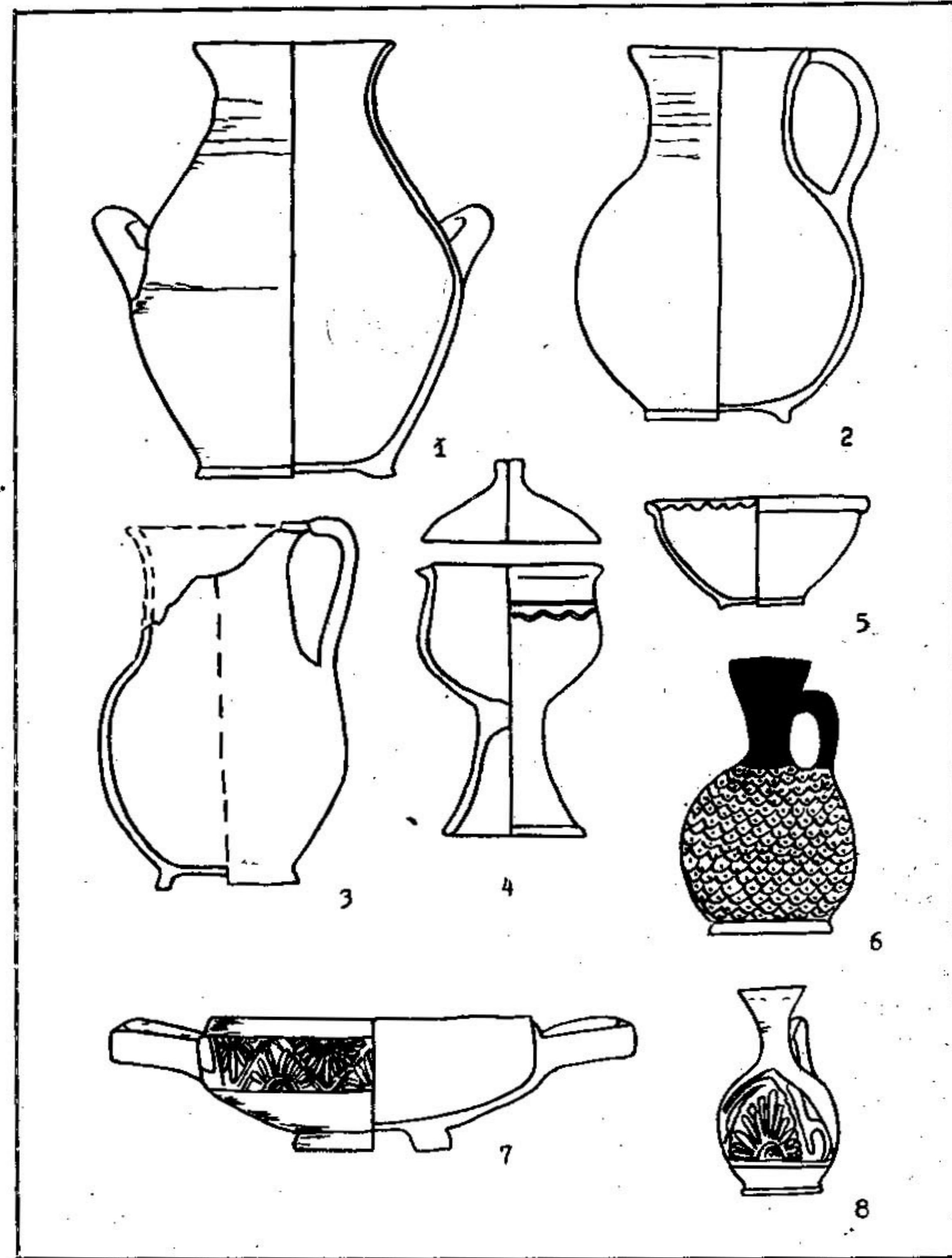

Рис. 7. Керамика скифских погребений. 1—2, 7—8 — Нагорное, 11/3; 3 — Констанца — Квартал Медея; 4 — Балабан, 6/2; 5 — Шаболат; 6 — Плавни, 23/2.

В настоящее время довольно полно разработана типология амфор, классификация гераклеических и фасосских клейм, в связи с чем данная категория инвентаря приобретает первостепенное значение для уточнения датировки отдельных комплексов. Так, концом V — началом IV в. до н.э. датируется курган 28 у с. Плавни, где найдены амфоры Менды (39, с. 69, рис. 2, 4) и Гераклеи с клеймами I группы (рис. 8, 18) по классификации Б. А. Василенко (49, с. 5, 6; 40, с. 6, 20). Сочетание гераклеических клейм I и III группы (49, с. 6, 7) и фасосского клейма (рис. 8, 8—17, 20, 21) позволяет отнести время существования могильника Дивизия к рубежу I — II четверти IV в. до н.э. Первой половиной IV в. до н.э. датируются могильники Чауш, Плавни I, Измаил, курган Цыганча II (рис. 8, 19, 24) и погребение у с. Островное, где найдены аналогичные гераклеические клейма и фасосские клейма III группы (52, с. 25—34). К концу IV — началу III в. до н.э. относится херсонесская амфора из Констанцы-Суд с двухстрочным клеймом I типа. На основании фрагментов амфор Косса и Родоса и клейм последнего (рис. 8, 22, 23) тризна кургана 20 Семеновского могильника и тризна III могильника Курчи датируются концом III — началом II в. до н.э. (259, р. 529).

Помимо погребальных комплексов, в IV в. до н.э. появляется скифская керамика на поселениях низовий Днестра, на гетских поселениях и могильниках Добруджи (270, р. 42—46, 66, fig. 4, 4; 5, 3; 5, 4; 271, р. 105, 107, fig. 3, 2; 2, 2; 2, 5; 138, с. 242). Этим же временем датируется скифская стоянка у с. Этулия на левобережье Дуная.

Детальное исследование динамики освоения скифами нижнедунайского региона затруднено тем, что многие комплексы пока не могут быть четко датированы и суммарно отнесены к IV в. до н.э. Вместе с тем, на основе некоторых категорий инвентаря, имеющих узкий диапазон бытования, и сопоставления их с известными конструкциями погребальных ям уже сейчас можно выделить несколько хронологических групп:

— к концу V — первой половине IV в. до н.э. отнесены погребения в прямоугольных ямах и катакомбах I и II типов на основании находок амфор Менды и Гераклеи с клеймами I и III типов, истрийских монет и аттической чернолаковой керамики — могильники Плавни I, Чауш, Мреснота Могила, Дивизия, Кубей, Васильевка, отдельные курганы у с. Плавни, Нагорное, Островное и др.;

— ко второй половине IV — началу III в. до н.э. отнесены погребения в прямоугольных ямах, катакомбах III типа, реже

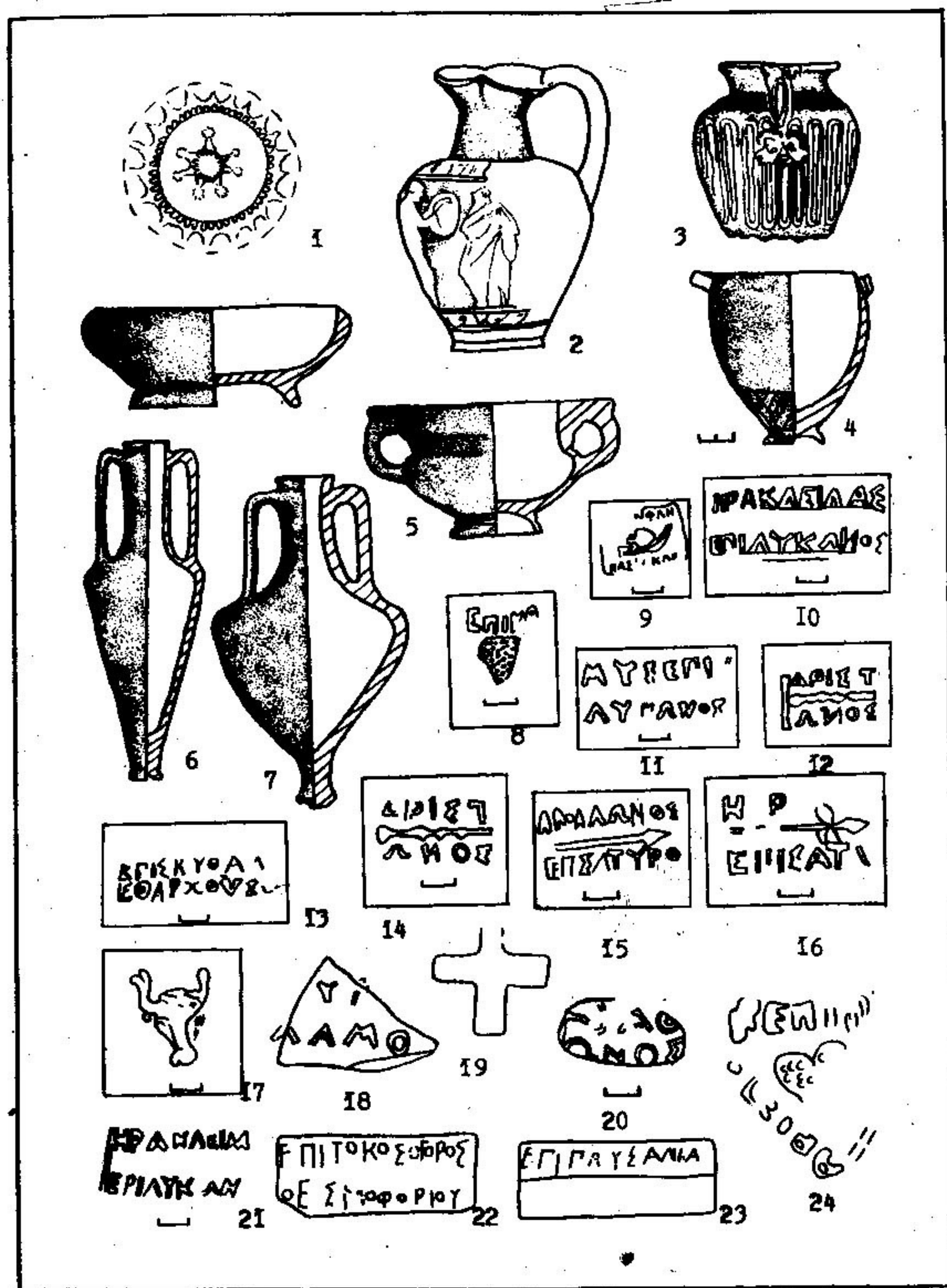

Рис. 8. Находки из скифских погребений. 1—5 — Нагорное, 11/3; 6 — Балабан, 6/1; 7 — Плавни, 28/1; 8-9 — Дивизия, к. 1, ров; 10—11, 13, 21 — Дивизия, к. 15, ров; 12 — Дивизия, к. 20, ров; 14—17 — Дивизия, к. 17, ров; 18 — Плавни, к. 28, ров; 19 — Цыганча II, к. 2, жертвенник; 20 — Дивизия, к. 16, ров; 22 — Курчи II, тризна; 23 — Курчи II, тризна; 24 — Цыганча, к. 2, ров.

СКИФЫ В НИЖНЕМ ПОДУНАВЬЕ В VI — IV вв. до н.э.

катакомбах I и II типов, на основании аттической керамики, клейм херсонесских амфор, отдельных гончарных сосудов, бус, монет — могильники Градешка, Дервент, Кугурлуй, Кисканы, отдельные курганы у с. Кочковатое, Огородное, Констанца-Суд.

С этими же группами суммарно можно соотнести и большинство находок скифской керамики на поселениях Нижнего Поднепровья и Добруджи.

С начала III в. до н.э. наблюдается резкое исчезновение скифских памятников на рассматриваемой территории. По крайней мере, оснований для выделения какой-либо группы комплексов III в. до н.э. в Буджакской степи не имеется. Тем более интересно в этой связи обнаружение на северо-востоке Добруджи скифской керамики в погребении могильника Николае Бэлческу, датирующемуся по клейму синопской амфоры второй половиной III в. до н.э. (270, р. 44, fig. 5, 4; 10, 14); на поселениях Мошняны и Аджижеа, самые ранние слои которых относятся к III в. до н.э. (272, р. 70); погребений III — II вв. до н.э. в каменных гробницах у Мангалии и 2 Мая (273, р. 118—123; 274, р. 67—72; fig. 2, 7—10; 3; 5, 1—17). В Дунай-Днестровском междуречье в составе более ранних могильников Семеновка и Курчи II зафиксированы тризны, первая из которых по налобнику с крючком, амфорам Родоса и Косса, а вторая — по клеймам Родоса датируются концом III — началом II в. до н.э.

Сопоставление археологической ситуации в Подунавье с восточными районами степной Скифии показывает абсолютное тождество в характере их развития.

I. Освоение скифами Дунай-Днестровского междуречья

Ко второй половине I тыс. до н.э. в Дунай-Днестровском междуречье происходят глубокие этно-культурные сдвиги. В это время к западу от Буджакской степи и в лесостепной Молдове начинается процесс формирования на местной основе гетского этноса. На побережье Черного моря выводятся греческие колонии. Сама же Буджакская степь, лишенная стабильного населения еще с начала I тыс. до н.э., постепенно становится местом эпизодических кочевий, а затем и массового проникновения и расселения скифских племен. В этой связи Нижнее Подунавье стало, в силу своего географического положения, связующим звеном между этими, разными по уровню экономического и социального развития, общностями.

Процесс освоения региона и установления взаимоотношений между перечисленными народами неодинаково освещен письменными и археологическими источниками, что предопределило возникновение существенных расхождений по этим вопросам в научной литературе. Еще в 20-х гг. румынским ученым В. Пырваном была выдвинута гипотеза, согласно которой земли к северо-востоку от Дуная вплоть до Днестра были заселены фракийскими племенами гетов, покоренными скифами в результате западной экспансии последних (290, р. 729—731). Эта идея подверглась обоснованной критике А. И. Мелюковой, убедительно доказавшей на основе анализа археологического материала, что говорить о генезисе фракийской культуры на территории Буджакской степи нет оснований (134). И тем не менее версия об автохтонности гето-фракийского населения на степных пространствах между Прутом и Днестром продолжает существовать в современной литературе. Так, И. Х. Кришан, не приводя каких-либо доказательств, пишет, что данная территория была важнейшей частью ареала, где происходило формирование на местной

основе гето-дакийской культуры. Рассматривая соотношение политических сил в регионе, исследователь утверждает, что геты здесь никогда не доминировали и были сначала покорены скифами, затем бастарнами и только во время Бурбисты они стали безраздельно господствовать на огромных пространствах от Карпат до Поднепровья (255, р. 116, 117, 258, 283).

Несколько иная трактовка этой проблемы предложена К. Йордановым. Отмечая, что вплоть до VI в. до н.э. на рассматриваемой территории проживали племена северных фракийцев, он говорит, что хотя с момента проникновения сюда скифов и наблюдается некоторое уменьшение численности гетского населения, однако именно здесь уже с VI в. до н.э. начинается формирование некоей синкретичной скифо-фракийской общности, просуществовавшей вплоть до конца скифской истории и охватившей не только все пространство между Прутом и Днестром, но в отдельные промежутки времени и прибрежную часть между устьем Днестра и Южным Бугом, а также какую-то часть Добруджи (269, р. 80; 94, с. 70—79).

Не отрицая того факта, что Дунай-Днестровское междуречье действительно было контактной зоной между скифами и фракийцами, полагаем, что их взаимоотношения нужно рассматривать в динамическом развитии, отдавая предпочтение на начальном этапе связям культурным, а не этническим. Территориально инфильтрации скифского и фракийского этноса могли возникать только в низовьях Дуная, Днестра и Буга и на границе с лесостепной Молдовой, где зафиксировано реальное присутствие фракийского компонента. Степные пространства междуречья Днестра и Прута до появления скифов оставались незаселенными, что согласуется и с археологическими данными и с высказыванием Геродота (IV, 11) о занятии ими безлюдной страны.

Благодаря современным исследованиям установлено, что автохтонное развитие фракийского этноса происходило только на территории лесостепной Молдовы (117, с. 130; 140, с. 224—234; 155, с. 11, 18). В Буджакской степи к настоящему времени открыто всего два погребения, относимых исследователями к фракийскому гальштату (47, с. 8), что может свидетельствовать только о каких-то эпизодических посещениях ранними фракийцами степной части Дунай-Днестровского междуречья, но не о стабильном проживании их здесь. Более примечательны в этом плане поселения у сел Орловка и Новосельское в низовьях Дуная, где зафиксирована керамика культуры Басарабь VIII — VII вв. до н.э. (42, с. 26; 44, с. 138, 139). Здесь же в окрестностях Орловки и Измаила известны

гетские поселения и могильники IV — III вв. до н.э. (134, с. 76). Генетическая связь между двумя этими группами памятников пока не прослеживается. Их концентрация только на побережье Дуная может говорить лишь в пользу того, что какие-то группы фракийского населения при благоприятном стечении политической ситуации перемещались на правый берег реки из Добруджи и осваивали близлежащие местности. Недавно было высказано довольно интересное предположение, что жителями этих поселков осуществлялся контроль над переправой через Дунай, эпизодически прерывавшийся в результате западных инвазий скифов (44, с. 138—141).

Освоение скифами западной периферии степного Северного Причерноморья вплоть до конца VI в. до н.э., судя по письменным и археологическим источникам, не имело массового характера. Так, согласно Геродоту (IV, 48, 80, 93, 118) уже в период войны с Дарием скифы соседствовали по Дунаю с гетами и агафирсами. Однако, невзирая на столь четкое разграничение народов, историк оставляет пространство между Истром и Гипанисом, за исключением низовий Тираса, незаселенным (IV, 51). Более того, повествуя об оборонительных действиях скифов, Геродот отмечает, что основное войско их было собрано далеко от Дуная, и только выступив навстречу персам, передовой отряд скифов встретил их на расстоянии трех дней пути от реки (IV, 121, 122). В то же время, наличие в Буджакской степи скифского погребения периода арханки у села Огородное, свидетельствует о вхождении ее в ареал передвижений скифов, что согласуется с указанием Геродота о прекрасной ориентировке их в придунайской местности (IV, 136).

Говоря об относительной малочисленности скифов в придунайских землях, нельзя преувеличивать и степень освоенности ими степных пространств, расположенных к востоку от Днестра. К настоящему времени для Скифии VII — VI вв. до н.э. известно всего около 30 захоронений, в большинстве своем впускных в курганы эпохи бронзы (148, с. 12—20; 221, с. 345). Сейчас широкое признание среди скифологов получила идея, согласно которой на раннем этапе своей истории скифы вели кочевой образ жизни, соотносимый по периодизации С. А. Плетневой (173) с первой, таборной стадией кочевания (61, с. 44; 62, с. 25; 142, с. 80, 81; 144, с. 25). Однако в свете крупномасштабных исследований в степном Причерноморье такое количество древнейших памятников, сохранившихся от более чем двухвековой жизни скифов, чрезвычайно мало даже с учетом специфики погребального обряда, характерного для таборного кочевания

(173, с. 16, 17). Мы полностью разделяем позицию тех исследователей, которые говорят о слабой заселенности степей Причерноморья в период архаики (148; 149; 11; 12; 176; 125, с. 115, 132; 51, с. 47—50).

Пустующие пространства Северного Причерноморья как нельзя лучше подходили грекам для вывода своих колоний и освоения близлежащих сельскохозяйственных территорий. Причем, что любопытно, здесь до конца VI в. до н.э. было основано больше городов, нежели в Западном Причерноморье (55, с. 374, 375), где греки сразу же попадали в плотное окружение земледельческих фракийских племен. Характерно, что Геродот, давший самое раннее описание скифов, никак не отражает взаимоотношения их и греческих полисов до похода Дария. И только более поздние авторы отмечают, что скифы уступали землю грекам в целях развития торговли или за плату (см. подборку: 215, с. 235; Страбон, VII, 4, 6). По всей видимости подобная ситуация могла сложиться только после окончательного освоения скифами причерноморских степей.

С момента появления на побережье Черного моря греческих центров устанавливаются тесные связи их с местным населением. По водным артериям Днепра, Буга, Днестра греческие товары проникают глубоко в лесостепь (161; 166, с. 47; 155, с. 40). Помимо торговых контактов, наблюдаются и непосредственные этнические взаимоотношения. Фиксируются они, в первую очередь, по наличию в комплексе лепной посуды архаических поселений VII — VI вв. до н.э. варварской керамики, свидетельствующей о проникновении в среду колонистов коренных жителей Причерноморья. Лучшее всего эта категория инвентаря изучена на памятниках Нижнего Побужья. На основе анализа ее К. К. Марченко пришел к выводу, что в состав эллинистических поселений на раннем этапе входили фракийцы Карпато-Дунайского региона, выходцы из лесостепных областей Среднего Поднепровья, в которых исследователь видит скифов-пахарей, и степняки — потомки населения эпохи бронзы. Возможность притока сюда переселенцев из отдаленных областей К. К. Марченко объясняет относительным запустением степей Причерноморья и отсутствием контроля со стороны скифов, создавшим возможность свободного передвижения здесь различных народов (125, с. 110—120, 131—133). Судя по количественному и качественному соотношению керамики скифоидного типа, которая составляет до 80% всего комплекса варварской посуды, большую часть ее следует связывать не с массовым оседанием кочевых скифов на землю (167, с. 55), а с перемещением в Нижнее Побужье лесостепных

земледельческих племен (125, с. 115—118). В то же время, редкие находки на поселениях Нижнего Побужья в слоях VI в. до н.э. сосудов, выделенных исследователем в вариант А I типа, особенно широко представленных здесь позднее и составляющих неотъемлемую часть керамического комплекса степных скифских памятников IV — III вв. до н.э. (125, с. 118—123), позволяют говорить о незначительном притоке сюда выходцев из кочевых скифов еще в период архаики.

В меньшей степени изучена скифоидная керамика на греческих поселениях Нижнего Поднестровья. По наблюдениям И. В. Бруяко, здесь также преобладает посуда лесостепных земледельческих племен (41, с. 28, 29). Аналогичная керамика в небольшом количестве зарегистрирована в Истрии и ее округе в слоях конца VII — VI вв. до н.э. (138, с. 106, 181, рис. 35). К. К. Марченко датирует приток земледельческого лесостепного населения в Побужье одновременно с появлением первых колонистов, или чуть позднее. Несколько иная ситуация прослежена недавно в Поднестровье и Подунавье. Известно, что греческая колонизация Поднестровья относится к концу VI — V в. до н.э. Однако на многослойных поселениях у с. Усатово близ Одессы и у с. Орловка на Дунае найдена керамика типа Черный Лес-2 и Жаботин VIII — VII вв. до н.э. (41, с. 29), что свидетельствует о знакомстве лесостепного населения с этим регионом еще до начала колонизации. Освоение греческими колонистами левобережья Днестра активизировало приток сюда варваров и для рубежа VI — V в. до н.э. здесь насчитывается уже 13 поселений со скифоидной керамикой лесостепного типа.

Фракийский компонент в составе архаических поселений Северного Причерноморья представлен в меньшем количестве. Так, на памятниках Нижнего Побужья фракийская керамика составляет от 11 до 30% всего комплекса местной лепной посуды (125, с. 111), а в Нижнем Поднестровье — до 20% (169, с. 27; 197, с. 41). Всеобщее признание получила точка зрения А. И. Мелюковой, что переселение фракийцев в Нижнее Поднестровье, а, возможно, и в Побужье происходило из-за Дуная (139, с. 142). К той же мысли склоняется и К. К. Марченко, говоря в целом о выходцах из Карпато-Дунайского региона (125, с. 115). Развивая это положение, С. Б. Охотников в то же время высказался о возможности притока на поселения Нижнего Поднестровья и какой-то части фракийцев из лесостепной Молдовы (167, с. 53, 54), где процесс формирования гетского этноса совпал с началом торговых контактов с греками, нашедших отражение в появлении античного

импорта в ранних слоях поселений у сел Ханска, Данчены, Селште, Бутучены (155, с. 5—7, 40).

Появление фракийцев в низовьях Днестра и Буга А. И. Мелюкова и К. К. Марченко объясняют результатом вовлечения их в колониационный процесс и рассматривают в тесной связи с выведением в Северное Причерноморье греческих колоний (138, с. 181; 125, с. 115). Полностью разделяя такую трактовку переселения фракийцев, отметим, что они появляются в Северном Причерноморье и только в местах размещения эллинов не ранее возникновения первых греческих поселений. Так, если в Нижнем Побужье фракийская керамика известна уже в слоях второй половины VII — VI вв. до н.э., то в низовьях Днестра она зафиксирована только для середины — конца VI в. до н.э., то есть также не ранее начала колонизации.

Что касается притока переселенцев в низовья Днестра из лесостепной Молдовы, то С. Б. Охотников ставит их перемещение в прямую зависимость от скифского воздействия. Допуская в принципе возможность таких миграций, заметим, что аргументация исследователя о причинности их не выдерживает критики. Анализ этнополитической ситуации в степях Причерноморья, по сути являвшихся вплоть до конца VI в. до н.э. периферией скифского мира, показывает, что переоценивать влияние скифов в это время на окружающие народы будет методически неверно. Скорее всего, можно говорить, что подобные перемещения, при отсутствии внешнего фактора, стали возможны в результате внутреннего, социально-экономического развития лесостепных фракийских племен и заинтересованности их в установлении непосредственных контактов с греческими переселенцами. Более привлекательна в этом плане гипотеза К. К. Марченко, допускавшего также возможность самостоятельного, независимого от греков, передвижения каких-то групп фракийцев сухопутным путем на восток вплоть до Нижнего Побужья, реального при отсутствии в степях стабильного населения (125, с. 114, 115). Однако заметим, что преувеличивать степень независимых от греков миграций фракийского населения как за Дунай, так и с верховий Днестра нельзя. В противном случае следовало бы ожидать значительного увеличения фракийского компонента и в процентном, и в количественном соотношении на поселениях Поднестровья, территориально более близких к фракийскому миру, нежели побужские. Но, как было показано выше, такой диспропорции не наблюдается.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что вплоть до рубежа VI — V вв. до н.э. для Буджакской степи характерно

довольно стабильное политическое равновесие, вызванное синхронностью освоения побережья Черного моря греками-колонистами, лесостепи Молдовы — земледельческими племенами гетов, степи — немногочисленными группами кочевых скифов. На начальном этапе расселения ни одна из этих этнических общностей не обладала высокой военно-политической мощью для завоевания господствующего положения, что, безусловно, не отрицает вообще возможности каких-либо конфронтаций (косвенным свидетельством того может служить отрицательная позиция ряда народов к идее создания скифами антиперсидской коалиции и угроза военного конфликта со стороны агафирсов в случае нарушения их границ — Геродот, IV, 119, 125). Центром культурной и экономической жизни при незаселенности степи становятся поселения греческих колонистов, стимулирующих приток варварского населения и где, вероятно, даже происходит смешение этносов (125, с. 132; 169, с. 58, 59). Причем, как совершенно верно отмечают К. К. Марченко и С. Б. Охотников, речь должна идти в первую очередь о «метизации аборигенов», а не о фрако-скифском слиянии, как о том говорит К. Йорданов (94, с. 88).

Совершенно иная обстановка складывается в степях Причерноморья, и в особенности в Подунавье, к рубежу VI — V вв. до н.э. Согласно мнению большинства ученых, хронологическим репером коренного изменения внешнеполитической ситуации, оказавшего существенное влияние на жизнь многих сопредельных народов, может служить разгром скифами Дария, после чего активность их резко возросла. Причины тому называются разные. В ряду одной из первых указывается на перемещение скифов после переднеазиатских походов в Северное Причерноморье и формирование центра их к концу VI в. до н.э. в Нижнем Поднепровье и Крыму (148, с. 100—104; 149, с. 51—65). По мнению Ю. Г. Виноградова, консолидация скифов и укрепление их военной мощи были следствием всего внутреннего развития общества, а разгром Дария лишь ускорил его (56, с. 84, сн. 17). В качестве ведущей причины резкого изменения внешней политики с мирной на захватническую исследователь называет внутридинастийную борьбу в скифском обществе, приведшую к появлению на престоле после Иданфирса представителя новой династии — Аргота. Правление последнего условно размещается в пределах 510—490 гг. до н.э., на которые как раз и приходится начало скифской агрессивной политики (54, с. 105—108). Совершенно иную интерпретацию этому дает А. Ю. Алексеев. Соглашаясь с мнением о смене скифской династии на рубеже VI — V вв.

до н.э., он объясняет ее вторжением с евразийских степей и, возможно, с Северного Кавказа новой многочисленной группы населения, вобравшей в себя своих предшественников и положившей начало классической скифской культуре со своеобразной экономикой и политикой, резко отличных от периода архаики (11; 12, с. 103—112). Свою трактовку событий в Северном Причерноморье на рубеже VI — V в. до н.э. предложил Б. Н. Мозолевский. Отрицая идею нового восточного импульса, он считает, что воцарение новой династии (скифов-царских — С. А.) совпало по времени с возвращением в Северное Причерноморье скифов после переднеазнатских походов, было обусловлено социально-экономическим развитием общества и знаменовало переход от таборной к полукочевой стадии кочевания. Отголоски этого события он видит в рассказе Геродота (IV, 3) о войне возвратившихся скифов с «потомками рабов» (144, с. 24—28). Иная точка зрения по этому фрагменту из «Истории» Геродота с широким историографическим обзором дана В. Ю. Мурзиным (149, с. 53—65).

Как бы ни расценивались причины военно-политической активизации скифов, несомненно, что с этих пор скифы стали играть главенствующую роль на обширных пространствах Северного Причерноморья. Буджакская степь, бывшая ранее только местом редких кочевий отдельных групп скифов, становится сейчас одним из центров активных взаимодействий, причем зачастую имевших агрессивный характер, различных народов, проживавших в сопредельных районах.

Известно, что одной из первых воинственных акций на западе стал поход скифов в 496 г. до н.э. (83, прим. 717) до Херсонеса Фракийского, предпринятый согласно Геродоту (VI, 40), в целях отмщения персам. Достоверность такой экспансии скифов сейчас общепризнана. Возможность массированного передвижения скифов обусловлена еще и тем, что геты, разгромленные ранее Дарием (Геродот, IV, 93, 118), не смогли оказать сопротивления очередному агрессору. Однако скифы столкнулись на Балканах с Одрисским царством, в результате противодействия которого они вынуждены были возвратиться на левый берег Дуная, ставшего пограничным рубежом между двумя варварскими мирами (Фукидид, II, 97). Противостояние, длившееся с 496 по 480 гг. до н.э., закончилось не только стабилизацией границ, но и заключением династического брака между Ариапифом — царем скифов и дочерью одрисского царя Тереса. Сейчас же был заключен еще один брак Ариапифа с истрианкой (Геродот, IV, 78, 80). Факт бракосочетания Ариапифа с фракийкой в литературе принято трактовать как I мирный договор скифов и фракийцев.

Встретив сильное сопротивление на юго-западе, скифы, по-видимому, переориентируются в своей захватнической политике и устремляются в земли агафирсов, с которыми они и ранее находились в состоянии вражды. Единственное краткое упоминание о военном конфликте между ними содержится у Геродота (IV, 78), сообщившего без каких-либо ремарок, что Ариапиф погиб от руки Спаргапифа, царя агафирсов. В связи с тем, что вопрос о расселении агафирсов до сих пор остается дискуссионным (130, с. 102; 110, с. 55, 56; 83, прим. 604; 210), не известна и локализация этого события. Однако следуя указаниям Геродота, что агафирсы были непосредственными соседями скифов, начиная от Истра (IV, 100), восточные границы их следует проводить по Пруту и здесь же, в Запрутской Молдове, следует, по-видимому, размещать место стычки между ними. В пользу этого сообщения говорит то, что на территории Запрутской Молдовы (Хушь, Васлуй, Ботошаны) и в районе Брэилы (Кисканы, Скорцару Веке, Гурбэнешты) известно несколько погребений и случайных находок оружия скифского типа (138, с. 110, 111; 199, с. 6, 18; 303, р. 15) конца VI — V в. до н.э., свидетельствующих о проникновении сюда скифов. С конфронтацией скифов и агафирсов А. Вулле связывает возникновение в конце VI — V в. до н.э. ряда городищ в Молдове (138, с. 111; 303, р. 17, 18).

По всей видимости, вторжение скифов в земли агафирсов, объединенных уже ко времени похода Дария в мощный военно-политический союз (110, с. 49, 50), стало непосредственной причиной рассматриваемой акции, предпринятой агафирсами, чтобы как-то обезопасить свои земли. Предположение И. Т. Никулицэ, что убийство Ариапифа было предпринято с целью помешать скифо-одрисскому союзу, направленному, якобы, против агафирсов (155, с. 24), довольно любопытно, но ничем не подкреплено. Какие-либо свидетельства о совместных военных планах скифов и одрисов в античной историографии отсутствуют. Кроме того, не нужно абсолютизировать значение договора между Ариапифом и Тересом. В оценке фрако-скифских отношений мы полностью разделяем мнение тех исследователей, которые говорят, что уже со времени похода скифов до Херсонеса Фракийского между этими двумя варварскими мирами начинается длительная полоса военных конфликтов, чередующихся мирными передышками (54, с. 108). Конфронтация скифов и фракийцев нашла выражение в полном исчезновении фракийской керамики на рубеже VI — V вв. до н.э. на

поселениях Побужья и Поднепровья* (125, с. 114, 115, 126; 169, с. 70). Скифы, установив свое господство в северопричерноморских степях, на длительное время резко сократили или даже перекрыли возможные пути проникновения фракийцев к востоку от Дуная, что свидетельствует о далеко не мирных отношениях. Кроме того, рассмотренный выше фрагмент из трагедии пс. — Эврипида «Рес», где повествуется об ожесточенном сражении скифов и фракийцев, свидетельствует, что мирные передышки сменялись зачастую ожесточенными сражениями.

Скифы не обошли своим вниманием и греческие города Нижнего Поднепровья. Историческая ситуация на левом берегу Днестра на рубеже VI — V вв. до н.э. аналогична той, что пережило население Нижнего Побужья: к концу VI — началу V в. до н.э. обрывается жизнь на сельских поселениях, полностью прекращается приток варварского земледельческого населения, начинается строительство оборонительных стен в Никонии (169, с. 43, 44, 70; 197, с. 45). Роль скифского фактора в этих изменениях видится по-разному. Ряд исследователей считает, что как раз в это время происходит реорганизация греческих полисов в сторону их урбанизации и концентрации населения в городе и, соответственно, разработка земельных угодий в его окрестностях. Неустойчивая военно-политическая обстановка в степях в связи с активизацией скифов рассматривается только как катализатор тех внутренних социально-политических и экономических изменений, что происходили в самой структуре греческих полисов (111, с. 95; 112, с. 14, 15). Другая точка зрения заключается в том, что в ходе освоения Северного Причерноморья скифы неоднократно нападали на греческие города, что привело к ликвидации хоры и строительству оборонительных стен, а впоследствии и к установлению над Ольвией и Никонией варварского протектората (55, с. 378, 379; 56, с. 86—91, 115, 120). С подчинением городов скифам связывают и тот факт, что Ольвия сейчас стала выпускать монеты с именами ΑΡΙΧ ΕΜΙΝΑΚΟ,

в которых предлагается видеть варварских ставленников скифских царей (56, с. 116, 117), или даже в последнем — имя самого царя, господствовавшего над греческим полисом (98, с. 179, 195; 104; 106, с. 49, 50).

Разделяя концепцию Ю. Г. Виноградова о варварском протекторате, мы не можем не остановиться на построениях С. Б. Охотникова. Чрезвычайно завышая нижнюю дату основания Никонии, он выдвинул предположение, что город был основан на рубеже VI — V вв. до н.э. Истрией, но под эгидой скифов и более того — даже поименован ими так в честь победы их над Дарием. Постулируя, таким образом, изначальный контроль скифов над Никонией с момента его основания, автор вдруг говорит о подчинении его номадами около 480 г. (169, с. 67, 70). Возникает вполне закономерный вопрос: зачем же было нужно насильственное подчинение города и так уже находившегося под контролем скифов. Ответа на него нет. Вместе с тем, многолетними исследованиями Никонии определена более ранняя дата его основания — вторая половина VI в. до н.э. (197, с. 5, 13—44), так что нет смысла увязывать этот момент со скифскими походами.

С установлением скифского протектората над Никонией связывается и эмиссия нескольких групп монет с надписью ΣΚΥ, ΣΚΥΛ, ΣΚΥΛΕ, в которой исследователи предлагают видеть имя царя Скила. Выпуск их датируется второй четвертью V в. до н.э., то есть временем его правления в Скифии (105; 98; 56, с. 106) и тесных связей с Ольвией.

Это единственное реальное свидетельство связи Скила с Никонией. Довольно любопытную версию взаимоотношений их предложил В. А. Анохин. Отрицая вообще возможность господства скифов над греческими городами и декларируя свободный торговый характер их контактов, он пришел к выводу, что «Скил намеревался строить на базе греческого Никонии свою, независимую от Ольвии, торговую и финансовую политику». Создав таким образом опасность торгового соперничества для Ольвии, «Скил стал жертвой интриг ольвиополитов, договорившихся со скифской верхушкой о замене его «настоящим скифом» (30, с. 76, 77). Подобная интерпретация эмиссии царских монет в Никонии не имеет под собой оснований, если вспомнить, что изгнанию Скила предшествовало установление еще Ариалифом протектората над Ольвией и продолжение сыном политики отца. Не находит реальных подтверждений и попытка А. Г. Загинайло увязать начало литья царских монет в Никонии с изгнанием Скила и превращением им этого города в опорный пункт для борьбы с Октамаса-

* О возможном присутствии в Нижнем Побужье каких-то незначительных групп фракийцев свидетельствуют только два граффито с Березани и из Ольвии с посвящениями Ахиллу и Аполлону, с ярко выраженными фракийскими именами, датирующиеся концом первой трети V в. до н.э. Пользуясь случаем, привошу благодарность Ю. Г. Виноградову, сообщившему эту информацию.

дом (88, с. 70, 71). Согласно Геродоту (IV, 78, 80), свержение Скила, бегство во Фракию и казнь его имели весьма стремительный характер, что не оставляло возможности для закрепления его в Никонии и, тем более, выпуска в такой экстремальной ситуации собственной монеты, разнотипность которой должна предполагать длительность эмиссии.

Малонизвестна история Тиры, основание которой относят к концу VI в. до н.э. (107, с. 42; 195, с. 86, 87) и, соответственно, ее взаимоотношения на раннем этапе с варварским миром. Существует предположение, что она значительно отставала в экономическом и политическом развитии от Никонии, который занимал ведущее положение в Поднепровье (190, с. 8). Однако, коль скоро имеются неоспоримые доказательства протяженности политического господства скифов с рубежа VI — V вв. до н.э. вплоть до Истра, то наверняка и Тира попала под скифский протекторат. В пользу этого положения может свидетельствовать и археологическая ситуация на правом берегу Днестра. Всеми исследователями неизменно подчеркивалось отсутствие сельских поселений вблизи Тиры вплоть до рубежа V — IV вв. до н.э. Т. Л. Самойлова склонна объяснять этот факт тем, что колонизация Нижнего Поднепровья проводилась двумя группами поселенцев, одна из которых основала Тиру, другая — Никоний и сельские поселения. Причем, если левобережье Днестра было объектом колонизационной деятельности Истрии и Ольвии, то Тира была основана Милетом. Этим, по мнению исследовательницы, и может объясняться факт изоляции Тиры на правом берегу, при относительно плотном заселении левобережья (195, с. 87, 88). Возможно и другое толкование: начальный момент жизни города совпал с активизацией деятельности скифов в Северном Причерноморье, что на длительное время предопределило экономическое отставание Тиры и невозможность выведения сельских поселений на правом берегу в период, когда как раз происходит свертывание хоры Ольвии и Никонии. Здесь уместно также вспомнить, что Страбон локализует весь поход Дария только в «скифской пустыне», то есть в Буджакской степи (VII, 14), без его восточного продолжения. Если это так, то не таким уж неправдоподобным будет предположение, что уже чуть ли не с момента основания Тиры находилась в эпицентре военно-политических событий — сначала поход Дария, потом ответный демарш скифов и, наконец, установление скифского контроля, — которые серьезно затрудняли ее развитие с самого начала.

Коренные изменения во взаимоотношениях скифов с греческими городами относятся к концу V — началу IV в. до н.э. Возрождаются сельские поселения вблизи Никонии и начинается освоение сельских территорий в округе Тиры (197, с. 60; 169, с. 70). По мнению Т. Л. Самойловой, расцвет Тиры и появление поселений в ее округе связаны с упадком Никонии и возможным переселением части греков с левого берега на правый (195, с. 92). Однако в работе Н. М. Секерской дано четкое обоснование того, что Никоний и возродившиеся заново сельские поселения (хора) переживают вплоть до конца III четверти IV в. до н.э. период экономического и культурного подъема (197, с. 70), то есть представляется возможным говорить об одновременном развитии с начала IV в. до н.э. этих двух городских центров в Нижнем Поднепровье. Подобная ситуация с возрождением хоры и развитием сельских поселений отмечена с рубежа V — IV вв. до н.э. и в районе Нижнего Побужья (56, с. 121).

Одна из основных причин возрождения сельской округи Ольвии, Никонии и формирования ее вблизи Тиры заключалась, безусловно, в тех политических и экономических изменениях, что происходили в скифском обществе на протяжении V в. до н.э. Письменной традицией зафиксированы два, хронологически четко увязываемых, свидетельства внутренних противоречий в среде причерноморских скифов, отрицательно сказавшихся на их внешнеполитическом положении. Оба источника затрагивают непосредственно и район Нижнего Подунавья. Так, по Геродоту (IV, 78, 80), известно, что сын Ариапифа — Скил, будучи уличен в эллинофильстве, был смещен скифами с престола и бежал во Фракию, боясь возмездия со стороны сводного брата Октамасада, сына фракиянки. Незадолго перед этим в Скифии укрылся брат одрисского правителя. Октамасад, преследовавший Скила, был остановлен у Истра фракийцами. Назревавший военный конфликт благодаря миролюбивым предложениям Ситалка завершился мирно, посредством взаимной выдачи беженцев.

Приведенный фрагмент из «Истории» Геродота служит прекрасной иллюстрацией внутрдинастийных распрей в варварских обществах, разворачивавшихся с учетом внешне благоприятствующих факторов. С одной стороны, мирное разрешение конфликта Октамасадом и Ситалком свидетельствует, казалось бы, о последовательной миролюбивой политике скифских и одрисских правителей. Однако сам факт поиска убежища бывшего царя скифов у фракийцев, и возможного претендента на одрисский престол — у скифов ярко отражает

состояние внутренней борьбы за власть и в том, и в другом обществе и, кроме того, наличие в них группировок, враждебных политике царских домов (83, прим. 466, 479). М. В. Скржинской выдвинуто привлекательное соображение, что Скил надеялся найти во Фракии не просто убежище, но и хотел собрать там силы для возвращения себе престола (201, с. 101). С этой точки зрения не столь уж абстрактным будет предположение, что такие же цели мог преследовать и брат Ситалка.

Другой внешний фактор, способствующий свержению Скила, назван Геродотом — это чрезмерное увлечение царя эллинскими обычаями, неприемлемыми для скифов. В оценке его действительности мы полностью разделяем мнение тех исследователей, которые видят в нем лишь формальный повод к смещению Скила, тогда как реальной причиной была внутридинастийная борьба (83, прим. 466, 479; 37, с. 24; 56, с. 116).

Свержение Скила и утверждение на престоле Октамасада датируется около середины V в. до н.э. Более позднее свидетельство внутренней нестабильности скифского общества оставлено Фукидидом (II, 97). Его сообщение четко датируется 429 г. до н.э. — временем подготовки (несостоявшегося) выступления одрисов во главе с Ситалком против Пердикки Македонского. Давая оценку общеполитической ситуации на Балканах, он пишет, что держава одрисов уступает скифам по военной силе и по количеству войска. С ними «не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостать скифам, если все они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел».

Отсутствие единства в скифском обществе, внутридинастийная борьба, зафиксированные письменной традицией, приводили к существенному ослаблению внутри- и внешнеполитического положения Скифии и, возможно, даже расколу ее (58, с. 38, 39; 282, S. 808). Именно эти причины, по мнению Ю. Г. Виноградова, привели к ослаблению, а затем и ликвидации скифского протектората над греческими городами на рубеже V — IV вв. до н.э. и возрождению полисной хоры (56, с. 116—118, 121).

Однако не последнюю роль в динамике греко-скифских отношений играли и те изменения, что происходят сейчас в экономике скифов. С окончательным освоением северо-причерноморских степей, в условиях экстенсивного характера

кочевого скотоводства и быстрого роста народонаселения становятся насущно необходимыми поиски новых источников существования, что приводит к переходу части кочевников на рубеже V — IV вв. до н.э. к оседлому образу жизни (61; 63). Трансформация экономики наряду с политической дестабилизацией, безусловно, способствовали снижению внешнеполитической активности скифов, выразившемуся по отношению к полисам в утрате диктата и поиску новых форм сосуществования. В IV в. до н.э. между этими обществами преобладали, видимо, торгово-экономические контакты, заключавшиеся на взаимовыгодной основе.

Весь ход развития Причерноморской степной Скифии находит адекватное отражение и на ее западных окраинах. До сих пор в советской и зарубежной историографии господствующим оставалось положение А. И. Мелюковой, что в VI — V вв. до н.э. западной границей политического образования (выделено нами — С. А.) скифов был Прут, тогда как в IV — III вв. до н.э. ею стал Днестр (134, с. 79; 138, с. 235, 236). Скудость археологических источников позволила исследовательнице утверждать, что Буджакская степь длительное время оставалась незаселенной, и только в период царствования Атея, перед его походом в Добруджу, скифы кратковременно закрепились на левом берегу Дуная (134, с. 79). Однако потерпев поражение в битве с Филиппом Македонским, скифы утратили господство в регионе и отодвинулись за Днестр, создав тем самым возможности для утверждения в Буджаке гетов.

Накопление археологического материала позволяет внести существенные коррективы в устоявшееся в историографии мнение о деятельности здесь скифов. Если для конца VI — V вв. до н.э. к западу от Днестра известны одиночные погребения и курганы, то к концу V в. до н.э. ситуация резко изменяется. На всем пространстве Дунай-Днестровского междуречья формируются довольно крупные компактные могильники, функционировавшие с конца V до рубежа IV — III вв. до н.э. Аналогичная ситуация наблюдается и на всем пространстве степной Скифии. Массовое распространение скифских памятников здесь уже с конца V — начала IV в. до н.э. и хронологически равномерное распределение их в Буджаке само по себе служит достаточным основанием для того, чтобы отказаться от бытовавших в историографии мнений, что освоение западных пространств степей Северного Причерноморья скифами происходило по причине давления с востока сарматов, повлекшего в свою очередь западную экспансию скифов под руководством Атея (126, с. 43, 52, рис. 2, 3; 134, с. 79). Расселение скифов на

западных рубежах имело независимый характер и происходило синхронно с освоением ими всего степного Причерноморья. Помимо археологических данных, сведения о стабильном проживании скифов в Дунай-Днестровском междуречье во II половине IV в. до н.э. сохранились в перипле пс. — Скилака (§68), который писал, что греческие города Никоний и Офиусса находятся в земле скифов, а также в наименовании Буджакской степи «скифской пустыней» (Страбон, VII, 3, 14; VII, 3, 17).

В низовьях Днестра начинается оседание скифов на землю, что нашло отражение в возникновении к середине IV в. до н.э. смешанных греко-варварских поселений (194, с. 53, 58; 195, с. 94). По наличию местной лепной посуды фиксируется присутствие скифов и в самих греческих городах Поднепровья (195, с. 94; 197, с. 68—70). В конце V, IV в. до н.э. налаживаются интенсивные экономические связи скифов с греками Поднепровья и Подунавья. Греческий импорт представлен в скифских захоронениях амфорным материалом, чернолаковой и гончарной посудой, украшениями и другими предметами обихода, поступавшими к варварам из Тиря, Никония и западнопонтских городов. Особо отметим наличие в скифских погребениях истрийских монет-колесиков. До недавнего времени был известен всего один экземпляр из кургана у с. Буторы, который, по мнению А. И. Мелюковой, попал туда из Никония (138, с. 151). Однако новые находки подобных монет в придунайских могильниках Плавни I, Дервент, Мреснота Могила (183) позволяют думать, что они проникали в скифскую среду непосредственно из Истрии. На основе этих находок Е. С. Оанчей было высказано предположение о зарождении товарно-денежных отношений между скифами и греками (158, с. 121). Однако для столь серьезного вывода мы располагаем чересчур малочисленными данными.

Тесное и длительное соседство скифов с фракийцами не оказало существенного влияния на культуру первых, но вместе с тем обусловило своеобразие ряда памятников Дунай-Днестровского междуречья, выделяющее их из общей массы северопричерноморских скифских комплексов. При обращении к погребальным памятникам скифов, расположенным в Буджакской степи, следует отметить, что они сохраняют традиционные скифские черты. Нет и инородных погребений в составе известных могильников. Вместе с тем, близость к фракийскому миру определила присутствие в погребальном инвентаре ряда изделий фракийского происхождения. В первую очередь это касается придунайских могильников — Мреснота Могила, Кугурлуй, Дервент, Градешка и др. — где отмечено довольно

значительное количество фибул фракийского типа, лировидных подвесок, браслетов, колец с шишечками, колокольчиков, которые традиционно относят к фракийскому кругу изделий (136, с. 185, 187; 172, с. 110). Находки в Никонии литейных форм для отдельных украшений подобного типа (197, рис. 55, б) показывают, что часть этой продукции выпускалась античными мастерами для сбыта варварскому окружению (158), однако концентрация ее именно в придунайских могильниках свидетельствует о том, что большинство ее шло не из городов Поднепровья, а из западнопонтских центров. Влияние фракийского мира проявилось и в наличии в скифских погребениях однолезвийных мечей, нехарактерных для скифов (43, с. 68, 69). Этим же фактором объясняется довольно представительное количество в нижнедунайских могильниках, и в меньшей степени в погребениях междуречья, сероглиняной и красноглиняной гончарной керамики (138, с. 156—158, рис. 41; 73). Находки этих изделий свидетельствуют о довольно тесных торгово-экономических контактах скифов с фракийским населением Подунавья.

Письменные источники умалчивают о возможных контактах скифов с фракийским населением лесостепной Молдовы. Поэтому какие-либо реконструкции их возможны только на основе археологического материала. До сих пор известно только одно скифское погребение VI в. у с. Ст.Куконешты, в самом центре фракийских земель, что свидетельствует о каких-то слабых инфильтрациях скифов в лесостепь еще в архаический период. Несколько иная ситуация складывается на пограничье степи и лесостепи после окончательного расселения скифов в Причерноморье. Заметим сразу, что тех разрушительных последствий, которыми сопровождалось завоевание скифами лесостепного населения к востоку от Днестра (56, с. 84—85, сн. 18—23), в Пруто-Днестровском междуречье не отмечено. Трудно ожидать, что в период активной завоевательной деятельности, характерной для начального этапа освоения скифами Причерноморья, этот регион остался полностью вне поля их зрения. Скорее всего, объяснение кроется в том, что основной удар скифов был направлен на более развитые фракийские области Подунавья и Запрутской Молдовы. Лесостепная Молдова с ее малочисленным населением представляла меньший интерес для скифов. Однако с резким ограничением их захватнических действий на юго-западе одрисами, а на западе — агафирсами они, видимо, обратили свое внимание на лесостепь, население которой не могло оказать существенного сопротивления. Характер взаимоотно-

шений скифов и фракийцев остается неясным, однако по аналогии с тем, что для лесостепного населения Подунавья и для греческих полисов констатируется подчинение скифам, то можно думать, что и часть пограничных фракийцев оказалась в зависимости от них.

На раннегетских памятниках VI — V вв. до н.э. (Бутучены, Пыржолтены, Олонешты, Суручены, Данчены, Паланка, Тудоров, Слободзея) известны многочисленные находки оружия, деталей конской узда, изготовленных скифами или по скифским образцам (117, с. 113—120, 131, рис. 38—45, 3, 4, 6, 7). Однако уже в конце V — IV вв. до н.э. на пограничье степи и лесостепи, в месте стабильного проживания гетов, появляются скифские захоронения. Так, к числу скифских отнесено погребение у с. Суручены, которое, по мнению А. И. Мелюковой, могло входить в состав Данченского могильника (138, с. 144). В самом Данченском могильнике исследованы два погребения, совершенные в несвойственных гетам катакомбах I типа, что свидетельствует о реальном проникновении скифского погребального обряда в гетскую среду (117, с. 58, табл. 8). На этом же памятнике В. Л. Лапушнян подметил сходство четырех погребений с деревянным перекрытием, два из которых имели и столбовую конструкцию со скифскими захоронениями из Балабан и Бутор. Кроме того, по меткому наблюдению исследователя в отличие от погребений с кремацией, все захоронения, совершенные по обряду труположения, подверглись ограблению, что также сближает их со скифскими памятниками. Любопытно, что сохранившийся в них инвентарь носит типично скифский характер. Еще один примечательный момент заключается в том, что в погребении 86 с кремацией найден скифский горшок (117, с. 58, 59, рис. 30, 1).

С учетом того, что практически все находки погребений и отдельных вещей скифского типа сконцентрированы на пограничье степи и лесостепи или на небольшом расстоянии от степной зоны, которая сейчас уже плотно заселена скифским населением, можно полагать, что оставлены они степняками. И. Т. Никулицэ, обращаясь к погребальному обряду гетов, указывал на наличие в их среде биритуализма. Отметив наибольшую частоту встречаемости захоронений с труположением на восточных границах фракийского мира, он объяснял это периферийным консерватизмом в эволюции погребального обряда (153, с. 85). Не оспаривая данного положения, отметим, что по наблюдениям этого же исследователя, в рядовых гетских захоронениях чрезвычайно редко встречается оружие (153, с. 120), которое как раз в массе

отмечено на перечисленных погребениях Данченского могильника. Таким образом, и этот довод является косвенным подтверждением того, что часть погребений этого памятника была оставлена скифами. Скифские погребения в Данчанах и присутствие скифской керамики, не предназначавшейся для торговли, в Ханске (132, с. 66; 134, с. 73; 153, с. 111) могут свидетельствовать, наверняка, о совместном и достаточно длительном проживании в пограничной зоне двух этносов.

Далек от разрешения и вопрос о времени появления фракийцев в степной зоне. Не отрицая вывода А. И. Мелюковой и К. К. Марченко о том, что основная масса гетов проникает в междуречье после скифо-македонского конфликта, локализуясь, в основном, в низовьях Днестра и Буга (134, с. 80; 138, с. 236, 237; 125, с. 126, 127), осмелимся предположить, что начало их появления в степи относится к более раннему времени и, по-видимому, тесно связано с процессом оседания скифов на землю.

Для доказательства сего обратимся к получившим широкую известность в литературе поселениям у с. Пивденное на правом берегу и Граденицы III на левобережье Днестра, которые на основании преваширования фракийской посуды принято считать гетскими, с протяженностью жизни от середины IV до середины III в. до н.э. Здесь нас интересует дата их основания. При определении ее мы основывались на современных разработках амфорных клейм. А. Г. Сальников указывает, что на поселении у с. Пивденное было найдено 108 клейм, однако в публикациях приведены рисунки всего 69 клейм, из которых определению поддаются 65. 54 клейма относятся ко второй половине IV — первой половине III в. до н.э., а 9 клейм уверенно датируются первой половиной IV в. до н.э. Ранние клейма распределены по центрам следующим образом: Гераклея Понтийская (192, рис. 2, 18—22; 193, рис. 11, 2, 6) — 7 клейм II и ранней III группы по классификации Б. А. Василенко (49, с. 6, 7); Синопа (193, рис. 12, 1, 8) — 2 клейма I группы по классификации В. И. Цехмистренко и Б. А. Василенко (207; 48). Не вошло в таблицы и известно только по описанию (193, с. 185) фасосское трехстрочное клеймо I группы по классификации Ю. Г. Виноградова, бытовавшей в I трети IV в. до н.э. (52, с. 20—22, табл. II). Невзирая на малочисленность ранних клейм, они встречены не только в культурном слое, но и на трех из четырех комплексов поселения. Соглашаясь с мнением А. Г. Сальникова и А. И. Мелюковой, что наибольшая интенсивность жизни в Пивденном приходится на вторую половину IV — начало III в. до н.э., основание

поселения следует относить к первой половине IV в. Тогда же, судя по распределению лепной керамики по слоям и в комплексах, здесь появляется и фракийское население.

По преобладанию гетской посуды над скифской с Пивденным сопоставимы поселения с левобережья Днестра — Граденицы III и V. По датировке А. И. Мелюковой наибольшая интенсивность жизни на поселении Граденицы III относится к IV — III вв. до н.э., а на поселении Граденицы V — к III — II вв. до н.э. (132, с. 70—72, рис. 20; 138, с. 162, 163). Полностью материалы этих поселений не опубликованы, что затрудняет уточнение их датировки и, тем самым, снижает корректность дальнейших рассуждений. Однако заметим, что по наблюдению А. И. Мелюковой поселение Граденицы III существовало одновременно с поселением у с. Николаевка, городищем Надлиманским и рядом других с левобережья, которые исследовательница считает скифскими (138, с. 162, 163). Возникновение поселения у с. Николаевка А. И. Мелюкова на основании амфорных клейм относит еще к первой половине IV в. до н.э. с наибольшей интенсивностью жизни — во второй половине столетия (136, с. 62—64). Отдавая предпочтение той датировке клейм Гераклеи и Синопы, что разработаны Б. А. Василенко и В. И. Цехмистренко, абсолютное большинство клейм этих центров мы относим к первой половине IV в. до н.э., в то время как для второй половины IV в. наиболее характерным был ввоз Фасоса (из 9 клейм только два укладываются в первую половину IV в.).

Относя, таким образом, основание поселений у с. Николаевка, где преобладает скифская посуда, и поселения у с. Пивденное и Граденицы III к первой половине IV в. до н.э., мы тем самым отодвигаем к более раннему времени момент появления на обоих берегах Днестра фракийского населения, вне связи с разгромом скифов македонцами. Как будет показано ниже, последствия скифо-македонского конфликта не носили столь глобального характера, как полагает ряд исследователей, и не могли резко изменить этническую и политическую ситуацию в регионе, хотя, несомненно, стали катализатором для более массового проникновения в степь фракийцев. Мы полагаем, что длительное соседство скифского кочевого и земледельческого фракийского населения привело не только к установлению экономических и культурных контактов, что хорошо прослеживается на материалах пограничных памятников, но с началом оседания скифов на землю предопределило возможность просачивания какой-то части гетского населения в заселенные скифами земли Поднестровья, и возможно,

Подунавья, благоприятные для занятия земледелием*. Сочетание в тех или иных процентных соотношениях гетской и скифской лепной керамики, не являвшейся товарной категорией предметов и изготовлявшейся непосредственно в быту, показывает, что поселения эти были смешанными по составу. По антропологическим данным в физическом облике сельского населения Нижнего Поднестровья IV — III вв. до н.э. прослеживаются черты скифов и южных европеоидов — греков или фракийцев (50, с. 62, 68, 69).

Возвращаясь в заключение к мысли К. Йорданова о формировании в Дунай-Днестровском междуречье синкретичной фрако-скифской общности уточним, что о начале этого процесса можно говорить не с VI в. до н.э. (94, с. 78), а гораздо позже — с конца V — начала IV в. до н.э. Причем, такое явление стало возможным только при унификации определенных черт хозяйства скифов и фракийцев и проявилось не для всей Буджакской степи, а в пограничных районах — на границе степи и лесостепи, в Подунавье и Поднестровье. Здесь следует упомянуть также, что археологическими разведками в степной части междуречья, в особенности по правобережью Днестра, в низовьях Прута и Дуная, а также по берегам степных рек зафиксировано довольно большое количество поселений с гетской керамикой IV — III вв. до н.э. (138, с. 143, рис. 29; 155, карта 3). Однако отсутствие четко датированных материалов не позволяет пока уточнить время их основания и, соответственно, привлекать эти памятники для подтверждения вышеизложенного.

2. Западная экспансия скифов в IV в. до н.э.

Отсутствие в письменной традиции каких-либо сведений о деятельности скифов в Нижнем Подунавье на протяжении более сотни лет — со второй половины V в. до второй половины IV в. до н.э. — за исключением довольно нейтральных сообщений Фукидида (II, 96) и пс. — Скилака (968) о присутствии их на левобережье Дуная, сменяется многочисленными сообщениями древних авторов о резкой активизации скифов в связи с их

*Это положение разделяет и А. И. Мелюкова (140а, с. 131).

продвижением на Балканы, началом конфронтации с фракийцами и поражением в битве с Филиппом II Македонским. Все эти события связаны с именем скифского царя Атея и получили широкий отклик в современной историографии, как в оценке личности самого царя, так и в оценке его деятельности на Балканах.

В качестве причин западной экспансии скифов назывались сокращение территориальных владений на востоке в результате сарматского натиска (126, с. 51, 52), или целенаправленная захватническая политика скифской державы (226, с. 56). Современное состояние исследовательности вопроса позволяет отказаться от таких объяснений. Неубедительна также гипотеза о создании тройственного антимакедонского союза скифов, кельтов и гетов, против которого, якобы, и были направлены все походы македонских полководцев (86). Как показывают исторические источники, в Подунавье противодействовали три разрозненные политические силы — скифы, фракийцы и Македония. О кельтах, применительно ко времени Атея, какие-либо упоминания полностью отсутствуют. Массовое продвижение их на Балканы и формирование вблизи Византия государства со столицей Тиле относится только к началу III в. до н.э., когда и Скифия и Македония не играют прежней политической роли.

В рамках традиционной трактовки экспансии Атея, которая часто видится как массовый и быстротечный эпизод, делались попытки рассматривать и археологические свидетельства. Так, с перемещением скифов за Дунай связывалось появление в Нижнем Поднестровье и Буджаке новой волны населения с Нижнего Поднепровья, принесшего обычай захоронения в катакомбах (131, с. 164), тогда как соратникам Атея отводились погребения в простых ямах (182, с. 32). Здесь необходимо внести некоторые коррективы. Как было показано в §2 I главы, в Буджакской степи синхронно с захоронениями в простых ямах практиковался и обряд погребения в катакомбах I и II типа. Он получил широкое распространение еще с начала IV в. до н.э., в период массового заселения скифами этого региона и задолго до зафиксированных письменными источниками действий Атея. Существование бок о бок одновременных стационарных могильников с разными типами погребальных сооружений, а иногда и сочетавших их, свидетельствует о длительном и стабильном проживании здесь населения с разными погребальными обрядами. Западные памятники отличаются от более восточных преобладанием простых могильных ям (160, с. 18). Объяснение тому, по видимому, заключается в том, что ко времени, когда в степях

Причерноморья началось массовое сооружение катакомб, западные области были уже плотно заселены и здесь в замедленной эволюции погребального обряда сыграл свою роль периферийный консерватизм; заметим попутно, что несколько скифских погребений IV в. до н.э. в катакомбах I типа исследованы на территории Болгарии (84, с. 120, 121, рис. 40) и свидетельствуют о передвижениях на Балканы населения, практикующего именно эти погребальные конструкции. С послееврейским периодом сопоставимы только катакомбы III типа, немногочисленные в Буджакской степи, но неизвестно были они принесены пришлым с востока населением или появились в связи с эволюцией погребального обряда местных жителей.

С констатацией плотной и, в общем то, равномерной заселенности западной окраины скифского мира в IV в. до н.э. можно выделить и другую причину начала западной экспансии. На наш взгляд, суть ее заключается, в первую очередь, во внутреннем экономическом, социальном и политическом развитии скифского общества. Уже с конца V — начала IV в. до н.э. по всей территории степной Скифии наблюдается увеличение численности памятников, фиксируется массовое появление курганов скифской знати, крупных городищ, то есть налицо все признаки вступления скифского общества в период своего экономического и политического расцвета. Связано это, в основном, с поворотом скифской экономики от кочевого к полуседлому типу хозяйства. Однако уже сейчас были заложены предпосылки к подспудному вызреванию кризисных явлений. Как известно, переход к такому типу хозяйства характеризуется перераспределением промысловых территорий, закреплением их за определенными группами (родами, племенами) (173, с. 36). В то же время наблюдается резкий рост народонаселения (62, с. 17—25), уже не вмещавшегося в существующие территориальные рамки. Нехватка земель и, возможно, истощение их стали, по нашему мнению, первопричиной новой завоевательной политики скифов. Помимо территориальных притязаний выбор скифами именно западного направления во внешней политике объясняется, видимо, стремлением установить тесные контакты, а то и подчинить своему контролю, западнотитийские города и развитое земледельческое фракийское население.

До сих пор традиционным было мнение, что скифы основное свое внимание устремили на Балканы. Мы полагаем, что в своих перемещениях они затронули и левобережье Дуная, к западу от Прута, будучи привлеченными сюда благодатными

условиями Бэрэганской равнины. Подтверждением тому являются обнаруженные недавно в районе Брэилы и Яломицы скифские могильники Кисканы и Мурджанка и отдельные подкурганые захоронения (302; 254, р. 230), самое отдаленное из которых расположено вблизи Бухареста (138, с. 137). Основная масса этих комплексов относится к IV в. до н.э. Но присутствие здесь погребений V в. до н.э. (Скорцару Веке, Кисканы — впускное погребение) показывает, что инфильтрация скифов сюда началась еще задолго до событий, связываемых с Атеем.

Массовое проникновение скифов в Добруджу мы, вслед за большинством исследователей (226, с. 57—58, сн. 15—26; 138, с. 241, сн. 19—23; 268, р. 13—24; 36, с. 80), относим ко времени распада державы одрисов после смерти Котиса I, то есть не ранее 357 г. до н.э. Однако следует отметить, что междоусобная борьба разгоревшаяся в конце V — начале IV в. до н.э. между наследниками Севта I и неблагоприятные внешние условия сложившиеся ко времени объединения державы Котисом I ослабляли царство одрисов и отвлекали от охраны северных границ, что, безусловно, способствовало началу более ранних переходов скифов за Дунай.

В письменной традиции экспансия скифов Атея за Дунай сопряжена с резким обострением военно-политической обстановки в регионе, в орбиту которой втягиваются не только близлежащие фракийские народы, но и отдаленные трибаллы, а впоследствии и Македония. В то же время рассматривать пребывание скифов на правобережье Дуная только с точки зрения их военных столкновений будет несколько одномерно. Как убедительно показал М. Иримия на основе картографирования памятников Добруджи, вторжение скифов не нарушило нормального течения жизни гетских племен. Продолжается жизнь на поселениях, функционируют могильники и только к концу II — I вв. до н.э. их число резко уменьшается (270, р. 62, 63; 274, р. 75—82). На ряде гетских поселений и могильников IV в. до н.э. — Диногечия, Арса, Албешты, Меджидия, Николае Бэлческу, Топрайсар — зафиксирована скифская керамика, появление которой совершенно справедливо связывают со скифским этническим присутствием (270; 272; 274; 286, р. 170—172; 138, с. 139, 242). Расценивая действия Атея в Добрудже с политической стороны В. Илиеску считает, что здесь была сформирована особая «скифская зона». Бытовавшие здесь ранее поселения были не только оккупированы скифами, но и попали под протекторат Атея, а некоторые — Либистос, Зигеры, Рокобы, известные по сообщению Плиния (IV, 44) —

были основаны непосредственно скифами Атея вследствие их оседания на землю (265, р. 95; 263, р. 190, 191). К сожалению, по археологическим материалам такую зону четко выделить невозможно и, кроме того, как уже неоднократно отмечалось М. Иримией и присоединившимся к нему Е. Москалу, в Добрудже не отмечено чисто скифских поселений. Исходя из археологических реалий М. Иримия справедливо полагает, что население этих поселков было смешанным — скифо-гетским, с большой примесью в прибрежной зоне греческого этноса (272, р. 72, 73; 273, р. 77; 274, р. 79—82). Подтверждается этот вывод и наличием в среде гетских могильников, наиболее ярким из которых является погребальный комплекс у с. Николае Бэлческу, скифских захоронений с традиционной керамикой.

Схематично реконструкция перемещений скифов в Добруджу видится следующим образом: в связи с отсутствием сильных фракийских группировок в Подунавье, начинается массовое передвижение и расселение скифов по обоим берегам реки, причем основной контингент переселенцев составляли не военные подразделения Атея, а мирное население. В своих передвижениях скифы, возможно, и вступают в военные конфликты с небольшими местными формированиями, становление которых на севере Добруджи и северо-востоке Мунтении как-раз в это время предполагают Г. Трохани и Л. Немойану, однако это никак не отразилось на их притоке сюда (311, р. 272, 273, 276). После захвата новых земель и покорения местных жителей, основная масса скифов возвращается к производительному труду, происходит инфильтрация части пришельцев во фракийскую среду, где и становится возможным их смешение.

Однако вернемся к событиям, отмеченным в письменных источниках. Наибольшее освещение в них получил конфликт Атея с Филиппом II Македонским, переросший в военное столкновение, в ходе которого скифский царь погиб. Анализ последствий скифо-македонского конфликта породил в историографии обширную дискуссию, основные аспекты которой касаются интерпретации дальнейшей судьбы всей Причерноморской Скифии. Согласно мнению ряда исследователей последствия скифо-македонского конфликта заключаются в том, что скифы после сокрушительного поражения не могли играть прежнюю роль гегемона (225, с. 39—40; 226, с. 63; 28, с. 14; 29, с. 41). Другие же исследователи считают, что и после конфликта с Македонией скифы выступают как активная военно-политическая сила и расцвет их культуры продолжается (126, с. 51—52; 215, с. 245; 175, с. 25).

Подобные расхождения в интерпретации последствий скифо-македонского конфликта связаны с ролью, которая отводится скифскому царю Атею сторонниками той или иной гипотезы. Основные споры ведутся по поводу того, считать ли Атея царем объединенной Скифии или же предводителем какого-то небольшого военно-политического формирования. Эта проблема с широким историографическим обзором освещена в специальных работах (225; 226; 103; 239; 262; 267; 268). Отметим вкратце только основные точки зрения.

Исходя из анализа письменных источников, в первую очередь свидетельства Страбона (VII, 3, 18), с привлечением нумизматического материала, Д. Б. Шелов пришел к выводу о протяженности скифского царства от Азовского моря до восточных отрогов Балканского хребта (225, с. 19, 32; 226, с. 56—58). Согласно концепции о Великой Скифии в орбиту Атеевской державы входит и земледельческое население Нижнего Поднепровья, причем указывается даже на возможность основания здесь во времена Атея столицы государства (70, с. 172). Другие же исследователи определяют границы скифского государства более скромно — от устья Днепра и Перекопского перешейка на востоке и до Нижнего Дуная на западе (103, с. 56, 57) без указания его центра, включая в состав государства только кочевые племена прибрежной зоны.

И, наконец, представители третьей точки зрения отстаивают вывод о том, что государство Атея в период, предшествующий битве с Филиппом II, было локализовано в области Нижнего Дуная (220), вероятнее всего в Добрудже (97, с. 124—130) и, если ранее оно занимало обширные причерноморские степи, то с переходом в Добруджу прервало всякие связи с левобережьем Дуная (29, с. 39, 40). Центр скифской державы размещается ими между западнопонтийскими городами Томи и Дионисополем, откуда Атей отражал атаки трибаллов и вел переговоры с Филиппом, осуществляя в то же время протекторат над всеми греческими полисами Добруджи — от Истрии до Одесса (239, р. 90; 262, р. 176; 263, р. 191—195; 265, р. 95, 96; 267, р. 667—669; 268, р. 17—21).

Большое оживление в дискуссии о державе Атея вызвали монеты царя, истинность или фальшивость которых длительное время дебатировалась среди нумизматов (28; 29; 38; 66; 67; 184—186). Факт чеканки монет скифским правителем использовался как для констатации могущества державы Атея, обусловленного огромной территорией (225, с. 24; 226, с. 56, 57), так и при ограничении ее границ районом Добруджи (29, с. 39). Среди нумизматов, признающих истинность монет, не вызывало

сомнения только место чекана одного из типов — с изображением Артемиды на аверсе — в Каллатии*. По поводу же времени и лица, заинтересованного в их выпуске, до сих пор нет единого мнения. Так, если В. А. Анохин относит эмиссии Атея к 364—345 и 345—339 гг. до н.э. (29, с. 38), то А. Рогальский и И. И. Руссу допускают возможность посмертного выпуска монет Атея Каллатией или же наследником царя в конце столетия или в III в. до н.э. (184, с. 26; 300, р. 142). Румынский исследователь Х. Поенару-Бордя высказал ничем не обоснованное предположение, что рассматриваемые монеты относятся даже не к историческому Атею, а к Атею, господствовавшему в Добрудже на рубеже III — II вв. до н.э. и стоявшему в одном ряду с правителями Малой Скифии — Танусой, Кани-том и др. (295, р. 24).

Разделяя мнение В. А. Анохина относительно атрибуции и датировки монет Атея, отметим, что они служат прекрасным источником для решения вопросов, связанных с социально-экономической и политической жизнедеятельностью скифского государства. В особенности это касается проблем взаимоотношения Атея с западнопонтийскими городами. В меньшей степени царские монеты являются показателем территориальных владений Атея, тем более что выпуск их относится только ко времени западной экспансии скифов. В этом плане первостепенное значение приобретают письменные и археологические источники.

Так, в письменной традиции вся деятельность скифского царя локализуется только в Нижнем Подунавье, в частности, на правом берегу реки. При всей неисследованности Добруджи, отмеченная румынскими археологами концентрация скифских захоронений в совокупности с находками скифской керамики на гетских поселениях и могильниках в прибрежной зоне от устья Дуная до Каллатии, позволяет безоговорочно отнести данный регион к владениям Атея. Находки нескольких скифских погребений IV в. до н.э. в Шуменском округе Болгарии

*В. А. Кутайсов ошибочно отнес этот тип к выпускам Гераклен Понтийской и предположил, что «оригиналом для подражания монетам Атея и Керкинитиды послужили разные стороны одного и того же монетного типа Гераклен» и более того — штемпель для царских и городских монет был вырезан одним мастером (115, с. 156). Дальше пошел В. И. Павленков, считая, что монеты Атея послужили в качестве образца для керкинитских монетариев (170, с. 84):

свидетельствуют о проникновении скифов вплоть до восточных отрогов Балканского хребта. Однако о прочности их позиций здесь на таком скудном материале пока судить нельзя. Что же касается построений В. Илиеску, пытавшегося на основе сведений Деметрия Каллатийского и Плиния Старшего локализовать центр государства между Каллатией и Томами, то они не вполне корректны, так как эти источники характеризуют обстановку в Подунавье спустя столетие после деятельности Атея.

С включением Добруджи в сферу своего влияния Атей продолжал сохранять свою власть и в Буджакской степи, о чем свидетельствует наличие здесь большого количества погребальных памятников соответствующего периода. По крайней мере, перемещение массы скифов в Добруджу никак не отражается на археологической карте этой области. Определенные изменения зафиксированы для более позднего периода.

Для Буджакской степи и Добруджи характерны в основном памятники рядового населения. Небольшое количество более представительных курганов (Плавни, кк. 27 и 28; Нагорное, к. 11; Мреснота Могила, к. 3; Топрайсар) могли принадлежать только лишь состоятельным членам общества. Это резко отличает западный регион от всего остального скифского мира, где отмечено несколько районов с концентрацией курганов высшей знати и так называемых «царских» — Поднепровье, Поингулье, Крым (144), а также Северное Приазовье и дельта Дона (282, S. 809). Мы полностью разделяем здесь мнение К. К. Марченко и Ю. А. Виноградова, которые на основе такого районирования выделяют для Скифии IV в. до н.э. несколько самостоятельных политических центров (58, с. 39; 282, S. 809).

Действительно, будь Атей предводителем большой державы от Меотиды до Балкан, логично полагать о необходимости расположения его ставки до и во время скифо-македонского конфликта в низовьях Дуная, откуда и задавался бы тон западной политики государства. Ведь, как уже неоднократно отмечалось в литературе, действия Атея в Подунавье охватывают длительный промежуток времени и предполагают личное его присутствие (234). По крайней мере, как явствует из письменных источников, попытки к установлению определенных контактов с западнопонтийскими городами и Филиппом II исходили непосредственно от Атея. Однако на археологическом материале это пока не прослеживается. Здесь преобладают, как отмечалось, рядовые памятники. И это, похоже, подтверждает ответ Атея о бедности скифов, в чем

македонцы убедились после победы над ними (Юстин, IX, 2, 7, 9, 15, 16), и косвенно может свидетельствовать о скромности размеров его державы.

Далее, все сведения, касающиеся военных действий Атея отмечают его слабость и уязвимость. Первое по времени свидетельство о столкновении скифов Атея с фракийским племенем трибаллов оставлено Фронтином (II, 4, 20) и Полиеном (VII, 44, 1), но в другой редакции и без имени Атея. Оба автора говорят, что скифы выиграли битву только благодаря своей хитрости. Так, по Фронтину «скифский царь Атей, когда ему пришлось сразиться с более значительными силами трибаллов, приказал женщинам, детям и всей нестроевой толпе подогнать к тылу неприятелей стада ослов и быков и при этом нести впереди поднятые копья; затем он распустил слух, что будто бы к нему идут подкрепления от более отдаленных скифов; этими уверениями он убедил неприятелей отступить». У Полиена в качестве подмоги скифским воинам названы «земледельцы и коневоды».

В этом фрагменте примечательны следующие моменты: 1) участие в военных действиях нестроевого населения вряд ли предполагает проведение их вдали от занимаемой скифами территории. Театр военных действий, по всей видимости, нужно искать где-то в низовьях Дуная. В этой связи возникает необходимость уточнения, кого же нужно понимать под «нестроевой толпой» Фронтина. Так, В. В. Латышев видел в ней скифов с верховий Днепра (119, с. 217); А. И. Мелюкова — покоренных жителей Дунай-Днестровского междуречья (134, с. 79, 80). Новые археологические данные позволяют по иному трактовать этот вопрос. Массовое заселение скифами Дунай-Днестровского региона, появление памятников их в Добрудже свидетельствуют в пользу того, что под «нестроевой толпой» следует понимать конкретно скифское население указанного района. Косвенным подтверждением многочисленности здесь скифов является и упоминание Помпея Трога (пусть гиперболизированное) о пленении Филиппом II 20 тысяч детей и женщин (Юстин, IX, 2, 15); 2) Фронтин говорит, что силы трибаллов превышали скифские, что также делает уязвимой версию об Атее, как предводителе огромного государства; 3) сомнительно, что владыка мощной державы обладал столь малой военной силой, что вынужден был пользоваться услугами нестроевого населения.

Не рассматривая подробно весь ход скифо-македонского конфликта, широко представленного в литературе, остановимся также только на констатации слабости Атея. Под

угрозой поражения в войне с истрианами (отметим, что во Фракии IV в. до н.э. отсутствовали мощные военно-политические объединения, которые можно было бы сопоставить с мощью единой Скифии), Атей вынужден был обратиться за помощью к Филиппу, чье войско уже было измотано длительной осадой Византия (Юстин, IX, 2, 1). Когда же намечавшийся альянс разрушился, Атей воспротивился прохождению Филиппа к устьям Дуная, говоря что «...с войском вступить в свои владения он не позволит; если же Филипп поставит статую против желаний скифов, то по его удалении он ее ниспровергнет» (Юстин, IX, 2, 12, 13). Сам факт осознания Атеем возможности достижения Филиппом Дуная, невзирая на противодействие скифов и угроза уничтожения статуи только после ухода македонцев, показывает, что силы скифов были отнюдь не велики.

Совершенно иную интерпретацию этих событий дает Д. Б. Шелов (225, с. 29—33; 226, с. 57—59). Однако ни археологические материалы, ни письменные источники не подтверждают мнения об огромной протяженности державы Атея. Более того, как подметил Д. Б. Шелов, столкновение македонцев со скифами не вызвало никакого резонанса в Греции (226, с. 62). Учитывая, что скифы всегда привлекали пристальное внимание античного мира, сомнительно, чтобы столкновение двух наиболее значительных сил древности не нашло соответствующего отражения в литературной традиции. По-видимому, в Атее следует видеть все-таки предводителя небольшого военно-политического объединения, действовавшего на юго-западе Скифии, разгром военных сил которого не повлек за собой глобальных губительных изменений для всего остального скифского мира.

Основные негативные последствия поражения скифов имели локальный характер. Появление на северо-востоке Балкан Македонии, быстрый рост фракийских объединений, окончательное перемещение к устьям Дуная трибаллов отрицательно сказались на поступательном продвижении скифов за Дунай и надолго ликвидировали их господство среди фракийцев, которое они уже никогда не могли восстановить в прежней мере.

3. Этно-политическая ситуация на левобережье Дуная после скифо-македонского конфликта

На материалах степной Причерноморской Скифии негативные последствия разгрома скифов Атея не фиксируются.

Здесь продолжается расцвет скифской культуры, функционируют могильники, сооружаются многочисленные «царские» курганы и курганы высшей знати (175, с. 25; 11, с. 41—47). Более проблематична оценка этно-политической ситуации последних десятилетий IV — начала III вв. до н.э. в Буджакской степи. Традиционным стало мнение, высказанное А. И. Мелюковой в 1969 г., что с поражением в битве с Македонией скифы навсегда утратили свое влияние в регионе и в связи с возрастанием политической активности гетов были окончательно вытеснены за Днестр, который и стал рубежом между этими народами (134, с. 80). И хотя позднее исследовательница, учитывая все более увеличивающееся число скифских памятников IV — III вв. до н.э. в Буджакской степи, более осторожно подошла к этому вопросу (138, с. 236, 237), тезис об установлении гетами господства вплоть до Днестра уже в конце IV в. продолжает оставаться в силе. Мало внимания уделено и выводу о том, что граница между скифами и гетами была сломлена в середине I в. до н.э. в результате походов Бурбисты (138, с. 238).

Каковы же археологические реалии к сегодняшнему дню? Путем хронологического членения скифских погребальных комплексов Дунай-Днестровского междуречья сейчас выделена представительная группа памятников конца IV в. до н.э., включающая не только отдельные курганы (Огородное, 3; Кочковатое, 48), но и целые могильники, локализующиеся в дельте Дуная (Градешка, Кугурлуй, Дервент), что свидетельствует о стабильном проживании здесь скифов. Показательно также присутствие в исконно фракийских землях (северо-восток Мунтении) могильника Кискани, суммарно датирующегося послеатеевским временем. Первоиздатели этого памятника относили его основание к скифам Атея, изгнанным Филиппом из Добруджи (260, р. 57). Такое объяснение маловероятно хотя бы потому, что скифам проще было отступить в принадлежавшие им буджакские земли, нежели обескровленными вторгаться на плотно заселенную гетами территорию. Более справедливо утверждение В. Сырбу, говорящего о совместном длительном проживании здесь скифов и гетов уже с конца V — начала IV в. до н.э. (302, р. 39, 40). Учитывая, что военные действия между Филиппом и Атеем происходили южнее Дуная, следует признать, что основной скифский массив к северу от реки остался практически не затронутым, хотя его численность, возможно, и уменьшилась в связи с пленением Филиппом огромного числа населения.

Что же касается расселения в Буджакской степи гетов, то мы разделяем мнение А. И. Мелюковой, что наибольший приток их сюда приходится на время после скифо-македонского конфликта и связан с определенным ослаблением политического контроля скифов (138, с. 236, 237). Однако, как мы уже попытались показать выше, начало их проникновения в степную часть района следует относить к более раннему периоду и сопрягать с процессом оседания скифов на землю. Заметим, что о раннем расселении гетов севернее Дуная можно заключить и из сообщений Страбона (VII, 3, 8) и Арриана (I, 3, 5; I, 4, 1—5) о разгроме Александром Великим гетского города, расположенного на левобережье реки. Трудно предположить, что за столь короткое время, прошедшее со времени битвы Атея с Филиппом до похода Александра в 335 г., геты смогли основать даже не поселение, а целый город и освоить обширную сельскую территорию в области, по-прежнему плотно занятой скифами.

Кроме того, не следует преуменьшать силы скифов в послелатинский период. О наличии на левобережье Дуная после конфликта с Македонией определенного политически активного скифского населения, помимо археологических данных, говорят и письменные источники. В первую очередь это относится к сообщению Плутарха (I, 3) применительно ко времени северного похода Александра, что в устье Дуная живут скифы, представляющие угрозу для соседних народов. Следующее свидетельство относится к экспедиции Зопириона, направленной по Юстину против скифов (II, §3, 4; XII, I, 4; XII, 2, 16), или, по Курцию Руфу, против гетов (X, I, 43). Поход Зопириона широко рассматривался в историографии (266; 57), так что нет необходимости подробно останавливаться здесь на его освещении, да это и выходит за рамки нашей темы. Заметим только, что общепризнанной считается версия в изложении Юстина. Не нашла сторонников и гипотеза А. Сучевяну о двух походах Зопириона — дальнем, против Ольвии и скифов, состоявшемся в 331 г. и ближнем — против гетов, представлявших реальную опасность македонскому господству в Добрудже — в 326/325 г. (306), хотя бы уже потому, что приходится признать гибель македонского полководца еще в первом походе. Возможно, такое разночтение объясняется тем, что к этому времени земли к северу от Дуная были плотно заселены как скифами, так и гетами, и в своем походе Зопирион столкнулся одновременно и с теми и с другими. Заметим попутно, что к концу IV в. до н.э. возрастает мощь северофракийских племен и они начинают привлекать к себе все большее

внимание античного мира (155, с. 191—195). Последнее свидетельство о скифах в рамках IV в. до н.э. относится к 313 г. и фиксирует союз греков, скифов и фракийцев в борьбе против Лисимаха (Диодор, XIX, 73). Коалиция союзников была столь сильна, что Лисимаху пришлось разгромить отдельно фракийцев, привлечь их на свою сторону и только потом он одержал победу над скифами и греками.

Совокупность археологических и письменных источников показывает, что вплоть до конца IV в. до н.э. скифы продолжали господствовать в Буджакской степи, невзирая на приток сюда фракийского населения. Кроме того, картографированием археологических памятников отмечено, что фракийцы селились в основном в долинах степных рек, выбирая удобные для ведения сельского хозяйства места, что предполагает достаточно мирный характер их расселения. Заметим также, что все фракийские поселения, известные в степи, лишены укреплений и к разряду городищ можно пока отнести только Пивденное, Орловку и Новосельское, малочисленность и разобщенность которых не позволяет говорить о присутствии здесь централизованного и политически активного фракийского населения.

Совершенно иная ситуация складывается в Буджакской степи в начале III в. до н.э. Полностью отсутствуют какие-либо упоминания о действиях здесь скифов в письменных источниках. Исчезают погребальные памятники скифов, столь широко представленные в предыдущий период. Не выдержала проверки временем и гипотеза А. И. Мелюковой о господстве скифов на левобережье Днестра с IV до конца II — начала I в. до н.э. Сейчас предпринята передатировка Тираспольской группы курганов (177, с. 45—49), согласно которой выделение скифских погребений III — начала II вв. не подтверждается. Выделены две хронологические группы: IV — начала III и II — I вв. до н.э. Немногочисленность последней группы не позволяет видеть здесь стабильного присутствия скифского населения. Подобные изменения прослеживаются и на всем остальном пространстве Северного Причерноморья и связаны с окончательным угасанием степной Скифии, вызванном, как представляется в первую очередь, кризисом экстенсивной экономики скифского общества, усугубившемся ухудшением климата (62, с. 94, 95; 177, с. 103—105), хотя до сих пор жив тезис о сарматском завоевании Скифии (232, с. 32; 58, с. 39; 282, S. 811).

Нет оснований преувеличивать роль кельтов в Подунавье применительно к рубежу IV — III вв. до н.э. (86; 233). Деятельность их на Балканах сейчас расценивается гораздо скромнее и локализуется только вблизи Византия, без участия в делах

Северо-Западного Причерноморья (84, с. 80—85, 110—155; 177, с. 25—33, 101). При всей событийной насыщенности в этом регионе, привлекавшем пристальное внимание античного мира, они ни разу не упомянуты в письменных источниках. Основные противостоящие друг другу силы — это Македония и скифы, Македония и альянс греков, скифов и фракийцев и, наконец, Македония и фракийцы.

При всем том, следует учитывать и периферийный фактор в исчезновении западных скифских памятников. Не последнюю роль в этом сыграло, несомненно, формирование новых политических сил в виде крупных гетских объединений. Действия одного из них, возглавляемого Дромихетом, размещаются древними авторами непосредственно в Буджакской степи (Страбон, VII, 3, 8; VII, 3, 14). По поводу локализации владений Дромихета в историографии развернулась обширная дискуссия (90, с. 56—60; 153, с. 126—129; 138, с. 237, 238; 311, р. 274, 275; 155, с. 191—193). При всей полярности взглядов по этому вопросу, авторы, размещавшие сражения Дромихета с Лисимахом в «гетской пустыне» Страбона, отмечают, что центр государства здесь локализовать никак нельзя. Это исходит из малочисленности гетского населения в Буджакской степи и отсутствия массы укрепленных пунктов. Даже если эти земли и входили в состав владений Дромихета, то только в качестве периферии, слабая заселенность которой позволила фракийскому предводителю использовать «скифскую» тактику ведения боя (153, с. 126—129).

Резкое ухудшение военно-политической ситуации в регионе во второй половине IV — начале III вв. до н.э. фиксируется еще по ряду источников. Так, картографированием монетных кладов в Буджаке к этому периоду относится клад у с. Орловка, время тезаврации которого определяют 340/330 г., и Ларгуцы — 315/310, а также, возможно, клад из Сараты и Гура-Галбеней, сохранившиеся экземпляры которых дают дату не позднее 280 г. до н.э. 330 г. до н.э. определяется время зарытия клада у с. Дороцкое на левобережье Днестра (156, с. 158). Второй половиной IV в. до н.э. датируется и клад парадных доспехов из с. Олонешты на правом берегу Днестра. Тезаврация кладов, как общеизвестно, характерна для периодов военной нестабильности, которая в данном случае связывается с неоднократными северными походами македонских полководцев.

Таким образом, то мирное течение жизни в степной части Подунавья, что было присуще для периода господства скифов, окончательно кануло в Лету. Геты здесь не смогли достичь того могущества, что скифы, тем более, что после смерти

Дромихета царство его распалось (153, с. 130) и далее, вплоть до Бурбисты, в близлежащем фракийском мире известны только небольшие племенные объединения, которые не могли в корне изменить этно-политическую карту в регионе. В этой связи еще раз напомним уже приводившееся ранее мнение И. Х. Кришана о том, что геты здесь начинают господствовать только во время Бурбисты (255, р. 258).

Что же касается непосредственного этнического присутствия гетов в Буджакской степи, то следует отметить, что здесь наблюдается прекращение жизни на известных поселениях, начавшееся, очевидно, синхронно с угасанием жизни в Нижнем Поднестровье. Этот процесс серьезно затронул и фракийские памятники лесостепной Молдовы, что совершенно справедливо связывается не только с внешними воздействиями, но и с внутренним развитием всего гетского общества (155, с. 204). Буджакская степь второй половины III — I вв. до н.э. характеризуется отсутствием стабильного населения, хотя отдельные разрозненные сведения о смешанных с фракийцами скифах в устьях Дуная (Апол. Род., IV, 320), или распространившихся до Днестра истрианах (Мела, 2, 7—8) продолжают встречаться в письменных источниках.

Коренной перелом, приведший к практически полному опустошению степей Дунай-Днестровского междуречья, связан с появлением в конце III в. до н.э. в низовьях Дуная бастарнов, которые на протяжении столетия являлись определяющей военно-политической силой в регионе (121; 127). Общепризнано их участие в сложении культуры типа Поянешты-Лукашевка, локализуемой в лесостепной и Запрутской Молдовах (187; 154; 155, с. 196—208; 242).

Единственное, но достаточно емкое свидетельство военной угрозы с запада оставлено в декрете в честь Протогена (*IOSPE*, 1², № 32), где говорится о союзе скиров и галатов, планирующих поход на Ольвию, в страхе перед которым окрестные народы ищут убежища за стенами города. Этот документ убедительно датирован предпоследним десятилетием III в. до н.э. (56, с. 182, сн. 16).

С упомянутыми событиями можно связать тезаврацию кладов у с. Анадол и, возможно, у с. Павловка близ Арциза (156, с. 158). Синхронны им и скифские тризны из могильников Курчи и Семеновка.

Более никаких свидетельств в археологическом плане о хотя бы каком-то слабом присутствии скифов к северу от Дуная нет. Все дальнейшие источники локализуют их на территории Добруджи.

4. Этапы проникновения скифов за Дунай

На протяжении всего периода господства скифов в Северном Причерноморье район Нижнего Подунавья традиционно входил в сферу скифских интересов. Письменные источники, подкрепленные археологическими данными, указывают на неоднократные попытки проникновения и закрепления скифов к западу от Прута и на правобережье Дуная.

Тема западных притязаний скифов имеет довольно обширную историографию. Длительное время среди исследователей господствовала выдвинутая еще в начале XX в. М. И. Ростовцевым, а в дальнейшем развитая В. Пырваном теория скифской экспансии на запад, разрушения местных культур и установления гегемонии пришельцев (188; 290). Основанием для подобной трактовки послужили сведения древних авторов, всегда связывавших передвижения скифов с военной деятельностью и находки скифского облика из курганов фракийской знати. В 50—60 годах эта идея была подвергнута обстоятельной критике в работах А. И. Мелюковой, Д. М. Пиппиди и Д. Берчиу и др. (129; 294, р. 99—105).

В настоящее время роль скифов в истории народов Карпато-Дунайского региона расценивается значительно скромнее, хотя и сейчас проскальзывают ничем не аргументированные высказывания об исчезновении ряда фракийских культур под влиянием скифского натиска (302, р. 11, 40). В литературе, посвященной западным контактам скифов, помимо культурных взаимодействий, наиболее ярко проявившихся в сфере искусства (137), общепризнана также реальность переходов скифов за Дунай и даже пребывание их там в течение определенного времени. Вместе с тем, в оценке степени их влияния на этническую и военно-политическую картину в Нижнем Подунавье существуют значительные разногласия, что побудило нас предпринять здесь самостоятельный анализ данной проблемы.

Античной традицией зафиксированы три основных момента пересечения скифами линии Дуная — поход скифов до Херсонеса Фракийского (Геродот, VI, 40); столкновения Атея с трибаллами и истрианами и разгром его войск Филиппом II Македонским (Юстин, IX, 1, 2—16; Полиен, VII, 44, 1; Фронтин, II, 4, 20); формирование Малой Скифии на исконно фракийских землях (Страбон, VII, 4, 5). Исходя из этих сообщений проникновение скифов в Добруджу в современной историографии

зачастую представляется в виде двух или трех валов или этапов, не связанных друг с другом хронологически и имеющих разные последствия (294, р. 215; 312, р. 140).

Наиболее единодушны исследователи в оценке первого свидетельства пребывания скифов за Дунаем. Проникновение их в Добруджу в конце VI — начале V вв. до н.э. трактуется как кратковременный рейд скифской армии за персами, не повлиявший на развитие местных фракийских племен (294, р. 162; 138, с. 239). Выдвинутое было Т. В. Блаватской предположение об удержании скифами в своих руках северной части Добруджи (35, с. 207) пересмотрено ею же в последующей работе (36, с. 48, сн. 1). Археологический материал также не дает возможности говорить о каком-либо сильном влиянии здесь скифского этнического компонента. В свое время А. И. Мелюковой отмечалось, что наличие скифской керамики в архаических слоях Истрии и Тариверде может отражать присутствие в Добрудже немногочисленной группы скифов еще до похода Дария (138, с. 239). Однако в румынской историографии неоднократно высказывалось предположение, что те или иные изделия попадали в Добруджу в результате не прямых, а опосредованных контактов между скифами и фракийцами, хотя не исключалось кратковременное проникновение сюда скифов и быстрая ассимиляция их местным населением (270, р. 66; 272, р. 72—73). Вместе с тем, недавно была сделана попытка подвергнуть сомнению возможность соотнесения этой посуды со степными скифами и предложено видеть в носителях ее земледельческое население лесостепи (41). Этот тезис подтверждается и находками последних лет на севере Добруджи, в районе г. Тулчи, погребения VII — VI вв. до н.э. у с. Сабанжи и серии захоронений VI — V вв. до н.э. в могильнике Чилик-Дере (256а)*.

Причины и условия появления какой-то группы населения из скифской лесостепи на севере Добруджи универсальны для Северо-Западного Причерноморья: они вызваны началом греческой колонизации и стоят в одном ряду с проникновением населения лесостепи в Нижнее Побужье и Нижнее Поднепровье. Кроме того, сам факт исчезновения керамики

*Более детальные выводы будут возможны по окончании работ на базовых памятниках — поселении и могильнике Чилик-Дере — и вводе их в научный оборот.

скифоидного типа с поселений Добруджи на рубеже VI — V вв. до н.э. и следы пожарищ в Истрии (294, р. 162) находят ярчайшие аналогии с подобной же ситуацией на греческих поселениях в устьях Буга и Днестра, когда в результате освоения скифами степного Причерноморья здесь исчезает варварский элемент и резко сокращается хора городов.

О реальном присутствии степных скифов за Дунаем и их прямых контактах с местным населением можно говорить только для очень короткого промежутка времени, в пределах 15 лет, от их похода вглубь Фракии до установления границ Одрисского царства по течению Дуная. Археологически этот момент просто неуловим. Однако на севере Добруджи найдены три каменных изваяния VI — V вв. до н.э., скифское происхождение которых в советской литературе общепризнано (178, с. 110—114; 138, с. 111, 112). По мнению ряда исследователей, они могут быть связаны с погребением скифских военачальников, участников войны с Дарием (138, с. 112). Возможно и другое объяснение, основанное на выводах В. П. Белозора. Исходя из картографирования каменных изваяний, автор сделал заключение, что они могут служить определяющим признаком разграничения разных этно-культурных зон (33, с. 5). В этой связи стелы Добруджи вполне допустимо рассматривать как попытку фиксации скифами занятых земель, с которых они вскоре были вытеснены одрисами. Примечательно, что после овладения Одрисским царством этой территорией подобные изваяния здесь больше не встречаются, хотя известны на левобережье Дуная.

Помимо следов пожарищ в Истрии каких-либо других негативных последствий скифского присутствия за Дунаем не отмечено. Выдвинутый было румынским исследователем А. Арическу тезис о запустении внутреннего района Добруджи, поскольку он стал местом скифских кочевий и передвижений различных военных группировок, аргументированно опровергнут И. Т. Никулицэ (155, с. 6, 7, карта 1).

После окончательного оформления границ между скифами и одрисами по Дунаю (Фукидид, II, 96) вся деятельность скифов на западе ограничивается контактами с фракийской и греческой аристократией, в основном династийного характера (Геродот, IV, 78, 80). Скифских погребений в Добрудже для этого периода не обнаружено, а находки вещей престижного характера, получивших в литературе широкую известность, мы склонны вслед за румынскими исследователями (275, р. 159, 166; 294, р. 102) расценивать как свидетельство тесных культурных связей, стимулируемых местной аристократией,

без присутствия здесь выходцев из Скифии. Однако недавно С. В. Полин выдвинул предположение, что даже в период существования царства одрисов Дунай не являлся препятствием для кочевников. По мнению автора можно говорить о эзонных, связанных со скотоводческими циклами, проникновениях скифов в северную Добруджу, где имелись прекрасные пойменные пастбища, и даже о мирном расселении их здесь (177, с. 100, 101). Не отрицая постоянной заинтересованности скифов в задунайских землях, отметим все же, что на всем протяжении господства здесь одрисов свободные (выделено нами — С. А.) и массовые передвижения скифов на правый берег реки были невозможны. В литературе зафиксированы только две попытки пересечения ими Дуная (Геродот, IV, 80; Эврипид, Рес, фр. 424—431) и всегда фракийцы непоколебимо стоят на страже своих владений, отражая поползновения скифов то-ли путем мирных переговоров, то-ли военными действиями.

Следующее свидетельство о проникновении скифов в Добруджу связывается исторической традицией с именем Атея и поражением его в битве с Филиппом II Македонским. Здесь основным является вопрос о времени перехода скифами Дуная и длительности их пребывания там. Наиболее аргументировано эта проблема, с широким привлечением библиографии, рассмотрена в работе Д. Б. Шелова (226, с. 57, 58, сн. 15—25). Отметим сразу, что разделяя мнение Т. В. Блаватской о раннем проникновении скифов в Добруджу, связываемом ею с ослаблением фракийского государства и началом антифракийской деятельности Филиппа (36, с. 80), подтверждение тому мы видим в резком увеличении числа скифских памятников на левобережье Нижнего Подунавья с конца V — начала IV вв. до н.э., особенно четко прослеживаемом в районе переправы через Дунай. Косвенным подтверждением длительности пребывания скифов за Дунаем может служить и ход переговоров Атея с Филиппом, подразделяющийся в литературе на несколько этапов (234, с. 50).

В румынской историографии до сих пор по этому вопросу существуют два направления. Согласно первому, скифы вторглись в Добруджу непосредственно перед битвой с македонцами (256, р. 531; 255, р. 132); согласно второму проникновение скифов к югу от Дуная происходит задолго до конфликта с Македонией. В течение этого периода происходит оседание их на землю в районе между Томи и Каллатией. Здесь локализуется и ставка Атея (262, р. 174—176; 268, р. 16—23).

Отметим, что в археологическом плане Добруджа почти не исследована. Поэтому даже те немногочисленные находки

скифской лепной керамики на гетских поселениях IV в. до н.э. и захоронений с оружием, а иногда и посудой скифского облика, по которым определяется их северо-понтийское происхождение (270, р. 66—67; 271; 272, р. 72—73), известные в прибрежной зоне между Констанцей и Мангалией, могут служить реальным свидетельством длительности пребывания скифов за Дунаем. Более высокую концентрацию скифов в этом районе и проникновение их даже в Южную Добруджу позволяет предполагать открытие в составе двух могильников у сел Браничево и Кельново Шуменского округа Болгарии захоронений в нехарактерных для фракийцев подбойных ямах и с типично скифским инвентарем (84, с. 118—121).

Не останавливаясь подробно на всем комплексе проблем, связанных с пребыванием скифов Атея за Дунаем, которых мы коснулись выше, отметим только, что разгром их Филиппом II неоднозначно понимается в историографии, а отсюда уже по-разному трактуется факт формирования в Добрудже Малой Скифии.

Помимо не получивших признания высказываний о существовании Малой Скифии еще в атеевский период, до сих пор в специальной литературе не решен окончательно вопрос, какие же именно группы скифов дали такое название Добрудже — то ли это были остатки войск Атея; то ли какие-то группировки населения, переправившиеся за Дунай в результате катаклизмов, происходящих в степях Причерноморья на рубеже IV — III вв. до н.э.; то ли начиная с IV в. до н.э. следует говорить о непрекращающихся передвижениях скифов в районе Подунавья, завершившихся во второй половине III в. до н.э. их консолидацией и переименованием региона.

Согласно одному из направлений в историографии в результате разгрома скифов македонцами заканчивается второй и последний этап проникновения их за Дунай. Полного изгнания из Добруджи остатков Атеевского войска не произошло и они некоторое время находились под властью гетов (268, р. 23), а в дальнейшем послужили основой для образования здесь Малой Скифии (35, с. 209; 36, с. 83, 143, 144). Сторонники другой точки зрения неоднократно указывали на то, что в результате поражения скифы были полностью вытеснены на левый берег Дуная (294, р. 214; 256, р. 531), или даже покинули левобережье Дуная (10, с. 41). Более того, делаются попытки привязать определенные памятники, оставленные скифами на левобережье Дуная к западу от Прута (в частности, могильник у с. Кисканы, округ Брэила) с разгромом скифов македонцами и полным уходом из Добруджи (260, р. 5—7). Формирование

Малой Скифии соотносится с другими группами скифов, перешедших за Дунай позднее.

Некоторую ясность в решение этого вопроса могут внести, на наш взгляд, древние авторы. В первую очередь следует отметить их свидетельства о многочисленности в Подунавье скифов. Так, в упоминаниях о битве их с трибаллами авторы говорят о большом количестве нестроевого населения, проживавшего, видимо, на этой территории (Полиен, VII, 44, 1; Фронтин, II, 4, 20); говоря о победе Филиппа, Помпей Трог называет огромное количество пленных — 20 тысяч женщин и детей. Вместе с тем, Помпей Трог, довольно подробно описавший весь ход скифо-македонского конфликта, неоднократно указывает, что сразу же после победы над Атеем и сбора «трофеев», Филипп отправился домой, не предприняв против скифов более никаких действий.

Однако после столь жестокой акции скифы, видимо, длительное время были обескровлены, чем и объясняется краткость упоминаний о них при освещении древними авторами последующих событий в регионе. Говоря о населении левобережья Дуная во время похода Александра против трибаллов Арриан (1, 3, 1—2) и Плутарх размещали здесь скифов вплоть до самого устья (102, с. 46, сн. 60; 57, с. 33, сн. 161). Немного позднее в «гетской пустыне», недалеко от переправы через Дунай (57, с. 26, сн. 4; 107, с. 63) скифами был разбит полководец Александра Зопирион (Юстин, XII, 1, 4).

Поражение Зопириона и занятость Македонии в восточных делах способствовали победе антимакедонского движения и освобождению Фракии вплоть до смерти Александра (36, с. 90). В этой связи вполне логично предположить, что скифы после разгрома Зопириона могли возобновить свои переходы через Дунай, прекратившиеся или уменьшившиеся с переходом власти к Лисимаху. По крайней мере уже через 10 лет после смерти Александра они выступают как активная политическая сила на стороне Каллатии против Лисимаха (Диодор, XIX, 73). Указание Диодора, что в результате сражения с Лисимахом скифы были вытеснены за «пределы», многими исследователями интерпретируется как то, что они были вынуждены покинуть Добруджу и перейти на левый берег Дуная (102, с. 46, сн. 62), а попытка Т. В. Блаватской разграничить владения скифов и македонцев внутри Добруджи, отведя македонцам прибрежную область, а скифам — внутренние районы (35, с. 209) не нашла последователей. Гипотеза Т. В. Блаватской не находит подтверждения и в археологическом материале. Как уже было указано, наибольшая концентрация хотя и немногочисленных

скифских памятников, что известны в Добрудже, отмечена вблизи побережья (272; 273), в районе действий Лисимаха.

Возможно следующее предположение, не лишнее, как нам кажется, оснований. В результате разгрома Лисимахом скифских отрядов, они были вытеснены за пределы Добруджи. Но здесь же, судя по находкам скифской керамики на поселениях (270, р. 66), жило и осевшее на землю скифское население, вероятно, частично смешанное с фракийцами. Первые данные о смешении скифских и фракийских народов известны с середины III в. до н.э. (Аполлоний Родосский, IV, 320; Страбон, VII, 3, 2; VII, 3, 13). Наличие скифской керамики на фракийских поселениях IV в. до н.э., по-видимому, свидетельствует о более раннем начале процесса слияния двух этносов. Диодор, описывая борьбу Лисимаха со скифами и фракийцами, говорит об изгнании только восставших скифов. Судьба же остального населения остается неосвещенной.

О том, что здесь продолжало оставаться какое-то скифское население, вероятно, весьма малочисленное, свидетельствует и то, что уже в середине III в. до н.э. у Том и Дионисополя живут скифы, занимающиеся земледелием и имеющие свои города (пс. — Скимн, 756; Плиний, IV, 44). Причем ареал распространения скифских комплексов атеевского периода и зафиксированные древними авторами границы проживания скифов в III в. до н.э. практически совпадают. Отстаивая непрерывность проживания здесь скифов, следует отметить, что с 313 до 281 г. до н.э., года смерти Лисимаха, переходы их через Дунай были весьма затруднительны. Дело в том, что Лисимах осуществлял в Добрудже довольно жесткую политику контроля путем введения в западнопонтийские города своих гарнизонов, возведения укреплений и пресечения всякого рода антимакедонских выступлений (36, с. 93—107; 74). Более того, он пытался даже распространить свою власть и на левобережье Дуная, где потерпел неудачу в борьбе с Дромихетом (Страбон, VII, 3, 8; VII, 3, 14; 138, с. 237, 238; 155, с. 192—193).

После смерти Лисимаха население Западного Причерноморья обрело независимость и сейчас же возобновляются, видимо, переходы скифов на правый берег Дуная. Однако на северо-западе Добруджи уже с начала III в. до н.э. возникают военно-политические объединения гетов сначала под предводительством Москона, затем Залмодегика (296; 292, р. 194), затруднявшие свободные перемещения скифов. В этой связи, видимо, надо рассматривать указание Страбона, что «фракийцы уступали им землю, отчасти принуждаемые силой» (VII, 4, 5); то есть вполне возможно допустить организацию подобным

объединением сопротивления переправлявшимся скифам. Сомнительно поэтому, чтобы силами только появившихся в Добрудже скифов, продвижению которых всячески мешали фракийцы, можно было за каких-то 20—30 лет, истекших после смерти Лисимаха, распространить свое влияние на довольно обширной территории от Том до Дионисополя и возвести здесь ряд городов. Посильное участие в этом, видимо, принимало и проживавшее здесь ранее скифское население.

С окончательным исчезновением скифской культуры в степной части Северного Причерноморья в первой половине III в. до н.э., поток скифов-переселенцев окончательно иссякает, а к концу столетия на левобережье Дуная появляются новые воинственные этнические группировки. С середины III в. до н.э. скифы окончательно концентрируются в Добрудже. С этого времени их связи с Северным Причерноморьем становятся весьма эпизодическими и фиксируются в основном по нумизматическим находкам (99; 19; 21) и гораздо реже — археологическим (23).

Подводя итог вышесказанному, мы выделяем следующие этапы передвижения скифов на правобережье Дуная и их взаимодействия с фракийцами:

I этап — первая четверть V в. до н.э.: поход скифов до Херсонеса Фракийского. Маркируется каменными изваяниями и случайными находками скифских вещей. Разгромных последствий для автохтонного населения не прослеживается.

Причина скифского рейда во фракийские земли, помимо названной Геродотом, кроется в агрессивной экспансионистской политике скифов, характерной для I стадии кочевания, которая синхронна времени окончательного освоения скифами степей Северного Причерноморья. Подобное вторжение было возможно в условиях разобщенности гетских племен и ослабления их в результате похода Дария I. Завершается данный этап с установлением границ царства одрисов по течению Дуная, заключением брака Ариапифа с дочерью Тереса и уходом скифов с правобережья Дуная.

II этап — вторая четверть — конец V в. до н.э.: стабильные политические отношения между правителями одрисов и скифов, мирное урегулирование пограничных конфликтов (переговоры Ситалка и Октамасада в связи с бегством Скила во Фракию).

К концу этого этапа или к началу следующего относится упоминание в трагедии Эврипида «Рес» об ожесточенном сражении скифов и фракийцев и победе последних.

III этап — конец V — рубеж IV — III вв. до н.э.: возобновление скифских вторжений в Добруджу. Маркируется

скифскими погребениями и находками скифской керамики на гетских поселениях в прибрежной части региона. Возможно оседание части пришельцев и смешение с автохтонным населением.

Причины нового этапа вторжений, как было показано выше (см. §2, гл. II), заключаются в: а) необходимости захвата новых земель, вызванной ростом народонаселения Скифии, жестким разграничением промысловых территорий и экстенсивным способом ведения хозяйства; б) попытках установления контактов с греческими городами Западного Понта и фракийским населением.

Выделены следующие фазы этого, наиболее сложного этапа:

1) конец V в. до н.э. — 357 г. до н.э.: незначительные перемещения скифов на правый берег Дуная. Благоприятные условия этому были созданы в связи с распадом царства одрисов и борьбой наследников Севта I за престол. Уменьшение численности, но не прекращение инфильтрации скифов в Добруджу происходит в период объединения фракийцев Котисом I в сложной внешнеполитической обстановке;

2) 357—339 гг. до н.э. После смерти Котиса I наплыв скифов в Добруджу усиливается. В 40-х гг. IV в. до н.э. в регионе наблюдается резкое обострение военно-политической ситуации, вызванное захватнической деятельностью Атея, Филиппа II, продвижением к устьям Дуная трибаллов и борьбой фракийцев за независимость;

3) 339 г. — первая четверть III в. до н.э.: постоянные инфильтрации скифов в Добруджу, периодически прерываемые военными действиями в регионе Александра Македонского (335 г.), Зопириона (331/330 г.) и Лисимаха (313 г.). С угрозой подчинения Македонии происходит перегруппировка ранее враждебных военно-политических сил и создание тройственного антимакедонского союза — гетов и скифов и греческих городов под эгидой Каллатии, разгромленного Лисимахом. Завершается данный этап с запустением северо-причерноморских степей и локализацией скифов в Крыму, Нижнем Поднепровье и Добрудже.

IV этап — середина III — начало I в. до н.э.: стабильное проживание скифов в Добрудже в рамках «Малой Скифии». Маркируется скифскими погребениями вблизи Мангалии и 2 Мая, находками скифской керамики на гетских поселениях, эпиграфическими и нумизматическими данными. Вначале возможны мелкие стычки с гетскими объединениями за обладание территорией. Со второй половины III в. до н.э. скифы

локализуются в прибрежной части Добруджи между Томами и Одессом. К рубежу III — II вв. до н.э. они формируют государственное образование, известное, по Страбону, как Малая Скифия, и устанавливают протекторат над греческими городами. В состав населения государства входят геты, скифы и греки, предводительствуемые последовательно правящими скифскими царями Танусом, Канитом, Сариаком, Акросой, Хараспом и Айлием.

Завершается последний этап, как и пребывание скифов в Добрудже в целом, включением западнопонтских народов в антиримскую коалицию Митридата VI и растворением скифов во фракийской среде.

В заключение отметим, что, придерживаясь мнения о непрерывности обитания в Добрудже скифского населения с IV по начало I в. до н.э., мы ни в коей мере не являемся сторонником идеи массового проникновения или разрушительной военной экспансии скифов. Судя по всем видам источников — письменным, археологическим, эпиграфическим, нумизматическим, — вторжения скифов никогда не приводили к массовой гибели автохтонных культур, более того, скифы никогда не составляли большинства населения в Добрудже, и бок о бок с ними, а то и смешанно, проживало местное фракийское население, имевшее свою традиционную культуру.

МАЛАЯ СКИФИЯ В ДОБРУДЖЕ

1. Территория Малой Скифии

В научной литературе широкую известность получило свидетельство Страбона, которое указывает на существование двух независимых, разделенных большим расстоянием этно-территориальных образований с одинаковым названием: «Вся эта страна, а также, пожалуй, и область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией. Вследствие множества переселенцев, переправлявшихся отсюда за Тиру и Истр и заселявших ту страну, значительная часть ее также получила название Малой Скифии, так как фракийцы уступали им землю, отчасти принуждаемые силой, отчасти же вследствие плохого качества почвы, так как большая часть этой страны болотиста» (Страбон, VII, 4, 5).

К сожалению, этот фрагмент приведен Страбоном без какого-либо указания на время происшедших событий. Анализ изменения этно-политической ситуации и климатических условий в Северном Причерноморье показал, что с начала III в. до н. э. происходит упадок степной Скифии, уменьшение численности, а затем и исчезновение здесь скифского населения и концентрация его с середины века в Степном Крыму и Нижнем Поднепровье, с одной стороны, и к югу от Дуная, в современной Добрудже — с другой (59, с. 184; 126, с. 51—53; 102, с. 47—49; 103, с. 59; 107, с. 66—67; 175). Полагают, что Крымская Малая Скифия древнее Малой Скифии в Добрудже (126, с. 53).

Относительно Крымской и Добруджанской «Малых Скифий» в литературе используется термин «государство». Правомерность употребления его для Крыма обоснована в специальных работах (216; 232). Для дунайской Скифии этот вопрос практически не разработан. Принимая такую терминологию, отметим, что для государства общепризнаны следующие критерии: единство территории, публичная власть и налоговая система. В какой степени они работают для нашего региона?

— территория: Добруджа называется «Скифией» в истрийском декрете в честь Агафокла (5, № 131) и «Малой Скифией» у Страбона (VII, 4, 5; VII, 5, 12). Причем, если в первом документе это наименование носит аморфный характер, то у Страбона прямо отмечен захват территории и расселение на ней скифов. Компактность размещения переселенцев в прибрежной зоне Добруджи и наличие у них городов отмечены также у Плиния Старшего (IV, 18; IV, 44) и подтверждается присутствием скифской керамики на поселениях и погребениях в указанной авторами зоне (272; 274);

— публичная власть — аппарат управления и армия: Верховная власть осуществлялась царями, чьи имена известны по эпиграфическим (3, с. 251; 5, № 124; 116; 278) и нумизматическим материалам (251). Наличие верховной власти уже само собой предполагает существование каких-то воинских формирований. По источникам они не известны. Однако свидетельство Страбона о военных столкновениях скифов с фракийцами, сопровождавших захват первыми дунайских земель, служит косвенным подтверждением наличия определенной военной организации у пришельцев. Более того, вторжение и расселение скифов на фракийской территории, подчинивших себе какое-то автохтонное население, и длительное проживание их в чужеродном этническом окружении должно было приводить к консолидации и укреплению военной мощи, необходимой как для защиты границ, так и для удержания в подчинении покоренных народов;

— налоговая система: По данному признаку какие-либо источники для Малой Скифии отсутствуют. Исходя из того, что уже с самого начала формирования верховной власти она отрывается от сферы производства и живет за счет труда подвластного населения, эксплуатация которого осуществляется то ли введением регулярных повинностей и налогов, то ли в форме дани или полюдья, то вполне допустимо предположение, что какие-то формы принуждения присутствовали и в Малой Скифии. Кроме того, сам факт монетной эмиссии на протяжении длительного времени правителями Малой Скифии свидетельствует о централизации экономики и контроле над ней верховной власти.

Приведенные выше соображения показывают, что основные признаки государственности в той или иной мере присущи и для западной Малой Скифии.

Для понимания места и роли Малой Скифии в жизни населения Западного Причерноморья в первую очередь необходимо уточнить, какую же территорию занимало это государ-

ство. В большинстве работ, касающихся данного вопроса, указывается, что скифы владели всей Добруджей (298; 285; 163, с. 4—22; 164, с. 218—219; 35, с. 210—211; 36, с. 145; 294, р. 232—233; 268, р. 23—24), причем западными и северными границами государства единогласно признавалось течение Дуная, а восточной — Черное море. Небольшие разногласия наблюдались только в определении южной границы — некоторые исследователи проводили ее вплоть до восточных отрогов Балканских гор (35, с. 211; 36, с. 145; 268, р. 123—124), другие ограничивали ее течением реки Батовы (250, р. 3).

Столь обширная территория, подвластная Малой Скифии, по идее должна была бы привести к гегемонии ее над всем западнотонтийским регионом и возможности влиять на политическую и экономическую жизнь населения сопредельных районов. Однако, имеются данные, позволяющие значительно сузить ее границы. Наиболее полный анализ всех сведений о территории государства проделан в работах У. Кнехтла (277, р. 29—34), В. Канараке (249, р. 77—83; 251, р. 225), П. О. Карышковского (102, с. 50—51).

Напомним, что основными источниками по истории Малой Скифии являются нумизматические и эпиграфические данные и ряд письменных свидетельств. Обращаясь к произведениям древних авторов, следует отметить, что помимо уже упомянутых сведений о заселении скифами болотистых земель (Страбон, VII, 4, 5; VII, 5, 12), их постоянном расселении на правый берег Дуная и проживании смешанно с фракийцами (Страбон, VII, 3, 2; VII, 3, 13; Аполлоний Родосский, IV, 320), наиболее четкие указания о расселении скифов имеются у пс.—Скимна, опиравшегося при описании Западного Причерноморья на произведения Деметрия Каллатийского, жившего на рубеже III—II вв. до н. э. (189, с. 26—28; 200, с. 33). Так, характеризуя население Добруджи, он пишет, что всю область вокруг Том занимали скифы, граничащие у Дионисополя с фракийским племенем кробизов, а южнее, у Одесса, проживали уже одни фракийцы (пс.—Скимн, 750, 756, 766). Таким образом, эти данные позволяют, казалось бы, рассматривать как подвластные скифам все земли от Дуная на севере до какого-то пограничного пункта между Дионисополем и Одессом на юге (249, р. 78—79; 102, с. 50—51). Под таковым чаще всего видели течение р. Батовы, в древности именовавшейся Зирасом (Плиний, IV, 44).

Пытаясь конкретизировать южную пограничную линию скифского государства, У. Кнехтел на основании указаний пс.—Скимна и Плиния Старшего представляет ее в виде прямой

линии, протянувшейся от Дионисополя до Дуросторума (современная Силистра), в юго-восточной своей части опирающейся на течение Зираса (277, р. 31—32).

Помимо сведений древних авторов об ареале распространения скифских племен В. Канараке пытается привлечь и некоторые археологические материалы. Так, он отмечает, что вдоль течения Зираса, по обоим его берегам, вплоть до современного села Николаевки и далее вверх к Дунаю известны остатки поселений с фортификационными сооружениями. Ссылаясь на мнение К. Шкорпила, считавшего их скифскими, В. Канараке пытается идентифицировать часть из них с поселениями Плиния (IV, 44). На этом основании южная граница Малой Скифии представляется ему идущей с востока на запад по течению Батовы до Николаевки и заканчивающейся у Дуная в районе Сучидавы, севернее Силистры (249, р. 78—79). Однако, в последующей работе В. Канараке отказывается от такого определения южных границ и, приведя ряд аргументов, считает, что их нужно проводить от Дуная до Черного моря по линии Руцук — Сумла — Бургас (251, р. 225). Заметим, что в данном случае аргументация В. Канараке бездоказательна и не выдерживает никакой критики.

Мы полагаем, что становление границ Малой Скифии нужно рассматривать в динамическом развитии. Так, если для начального периода существования скифского государства его южные рубежи реально искать на основании указаний Деметрия Каллатийского у Дионисополя, то в период расцвета скифской державы несомненно происходит перемещение их к югу. В пользу такого вывода свидетельствуют два аргумента: 1) использование скифскими династами монетных мастерских города Одесса для выпуска своих эмиссий; 2) заинтересованность граждан Одесса в добром отношении к городу царя скифов Канита, нашедшая отражение в декрете из Варны* в честь Гермия. Сомнительно, чтобы Одесс, находившийся по-прежнему в окружении фракийцев, чеканил скифские монеты

*Попытка У. Кнехтла доказать, что декрет происходит из Дионисополя и в Варну попал случайно (277, р. 29—30) основана на умозрительных рассуждениях и не нашла признания среди исследователей.

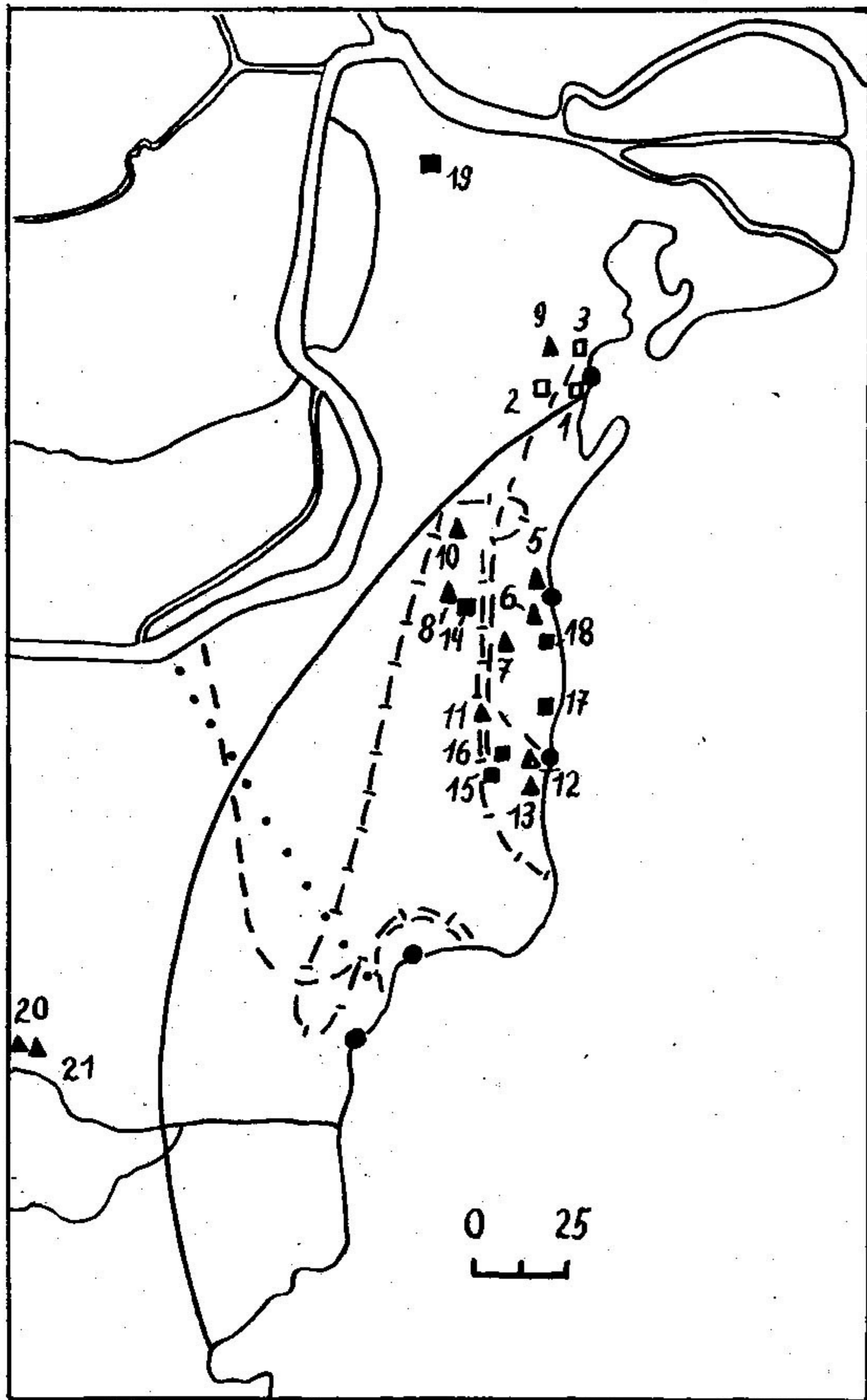

Рис. 9. Карта Малой Скифии.

Границы Малой Скифии: — по У. Кнехтел, 1919; — по В. Канаракке, 1933; — по В. Канаракке, 1950; -/-/- по С. И. Андрух.

Памятники в Добрудже. □ — поселения VI—V вв. до н. э.:

1 — Истрия; 2 — Тариверде; 3 — Синое. Δ — погребения V в. до н. э.: 4 — Сфынтул Георге, ▲ — погребения IV—III вв. до н. э.: 5 — Констанца; 6 — Констанца-Суд; 7 — Кумпэна; 8 — Меджидия; 9 — Михай Витязу; 10 — Николае Бэлческу; 11 — Топрайсар; 20 — Келново; 21 — Браничево. ▲ — погребения III—II вв. до н. э.: 12 — Мангалия; 13 — 2 Май. ■ поселения IV—III вв. до н. э.; 14 — Меджидия; 15 — Албешти; 16 — Арса; 17 — Мошняну; 18 — Аджижеа; 19 — Диногечия.

и нуждался в постоянных услугах царских советников. Более последовательным будет предположение, что уже во время правления Канита город оказался под политическим и экономическим контролем скифов, расширивших свою территорию на юг от Одесса, покорив или изгнав при этом фракийские племена.

Наиболее сложным представляется очертание восточных рубежей Малой Скифии, граничащих с владениями греческих городов. Дело в том, что уже с VI в. до н. э. археологические, а с середины III в. до н. э. и письменные данные свидетельствуют о наличии у городов подвластных им земледельческих областей (хоры), по которым проводились границы между полисами, и между полисами и варварским миром (151, с. 139, сн. 1,6; 294, р. 195; 292, р. 197—198; 102, с. 50, сн. 84—86; 293, р. 256). Добавим также, что при описании конфликта фракийского вождя Золта и Истрии составители декрета в честь Агафокла четко разделяли территорию Скифии и греческих городов с их хорой, подвластных некоему царю Ремаксу (292, р. 187—193; 300, р. 127—128; 102, с. 37, 51, сн. 87, 88).

Безусловно, что определить в настоящее время протяженность сельских территорий полисов не представляется возможным. Небезынтересным представляется привлечение В. Канаракке для решения данного вопроса эпиграфических памятников римского времени (249, р. 79—81). Он указывает на находки четырех пограничных камней, дающих представление о протяженности хоры Одесса и Каллатии и позволяющих судить о границе между Одессом и фракийской территорией. Еще одним источником римского периода является новый эпиграфический памятник из Дионисополя, датируемый авторами публикации концом I в. до н. э. Согласно тексту надписи, между Дионисополем и Каллатией возникли спорные погра-

нические отношения, для урегулирования которых были созданы две комиссии: одна со стороны фракийского царя Котиса, а другая из города Одесса (32).

Однако привлечение указанных источников для определения протяженности хоры рассматриваемого периода будет не вполне корректно. Из декрета в честь Агафокла ясно, что сельскохозяйственная территория западнопонтийских полисов неоднократно подвергалась нападениям и разрушениям. Становление скифского государства в непосредственной близости к полисам могло также сопровождаться отторжением какой-то части хоры, как это неоднократно происходило в Северном Причерноморье (216, с. 16—17; 56, с. 189, сн. 54).

Признавая возможность сохранения западнопонтийскими городами части сельскохозяйственной территории, хотя бы и в урезанном состоянии, отметим, что Малая Скифия имела и выход к морю. Так, из шести городов, бывших у скифов* (Плиний, IV, 44), три — Афродисиада, Парфенополь и Герания — являются приморскими (120, с. 276, сн. 4; 102, с. 51, сн. 90; 32; 82). Дополнительным подтверждением выхода скифов к морю в районе мыса Калиakra может служить, на наш взгляд, находка здесь посвятившей надписи за царя Сариака (278, р. 156—163; 116, с. 47—49).

Наиболее стабильным, как уже указывалось, до сих пор было представление о северных и западных границах Малой Скифии, которые практически всеми исследователями проводились по Дунаю. Некоторые соображения позволяют нам усомниться в их правомерности. Дело в том, что уже с начала III в. до н. э. на северо-западе Добруджи локализуется некое политическое объединение гетов (300; 292; 102). Если о начальном его этапе нам известно только по монетам Москона с титулом *басилевса* (296; 289), ничем себя более не проявившего, то уже с середины III в. до н. э. геты значительно активизируются.

*Примечательно, что Плиний Старший, описывая область, занимаемую скифами на восточном побережье Фракии, отдельно перечисляет греческие полисы (Истрия, Тома, Каллатия, Бизоне, Дионисополь) и конкретно указывает города, принадлежавшие скифам. Таким образом, если по отношению к первым показано, видимо, их географическое расположение, то по отношению ко вторым — политическое подчинение скифам. Ср.: 56, с. 239, сн. 51 — интерпретация текста ольвийской метрической эпитафии II в. до н. э.

Сначала они под руководством Залмодегика действуют только в районе Истрии, у которой берут заложников и вредят экономике города. К началу II в. до н. э. это формирование набирает сил и охватывает своими действиями всю Добруджу. В первую очередь нападением гетов под началом Золта подвергается Истрия, затем Бизоне, и, как считает П. О. Карышковский, сомнительно, чтобы Каллатия и Тома, расположенные между ними, оказались незатронутыми (102, с. 39). Трудно допустить в такой ситуации, чтобы в непосредственной близости мирно уживались два довольно крупных политических объединения, причем, как мы видим в случае с гетским — довольно активным в военном плане. С другой стороны, уже на рубеже III—II вв. до н. э., то есть в период, непосредственно предшествующий расцвету Малой Скифии, на севере Добруджи появляются весьма воинственные бритолагы, имеющие по обоим берегам Дуная города Новиодун и Алиобрикс и контролирующие переправу через реку (102, с. 53—55; 127, с. 54). С продвижением бастарнов на юг связывает Т. В. Блаватская разрушение Истрии во второй половине II в. до н. э. (36, с. 154—156). Кроме того, забегаю немного вперед, отметим, что Истрия была единственным городом, не участвующим в выпуске монет царей Малой Скифии. Все эти данные показывают, что крайне нереально проводить северную границу государства по Дунаю. Очевидно, ее следует искать где-то южнее Истрии, в окрестностях Том.

О западных границах Малой Скифии в письменной традиции и эпиграфических документах нет даже косвенных упоминаний. В решении этого вопроса определенную роль могут сыграть археологические данные. Полновесное использование их в настоящее время затруднительно, так как систематические работы в Добрудже проводились на весьма ограниченном числе памятников. Большинство их известно по подъемному материалу или случайным находкам. Но в целом по региону вырисовывается следующая картина: в период с IV по II—I вв. до н. э. вся территория Добруджи была заселена практически равномерно. По инвентарю и погребальному обряду основное количество поселений и погребальных комплексов относится к местному, гетскому, населению. Однако, если для IV в. до н. э. обряд ингумации, жертвоприношения и скифская керамика известны на довольно обширном пространстве прибрежной Добруджи — от Истрии до Каллатии, и частично в центральной части региона (Истрия-сат, Енисала, Кямурлия, Меджидия, Албешти, Арса), то ко II в. до н. э. все эти черты, присущие скифской культуре, известны на гораздо более узкой территории —

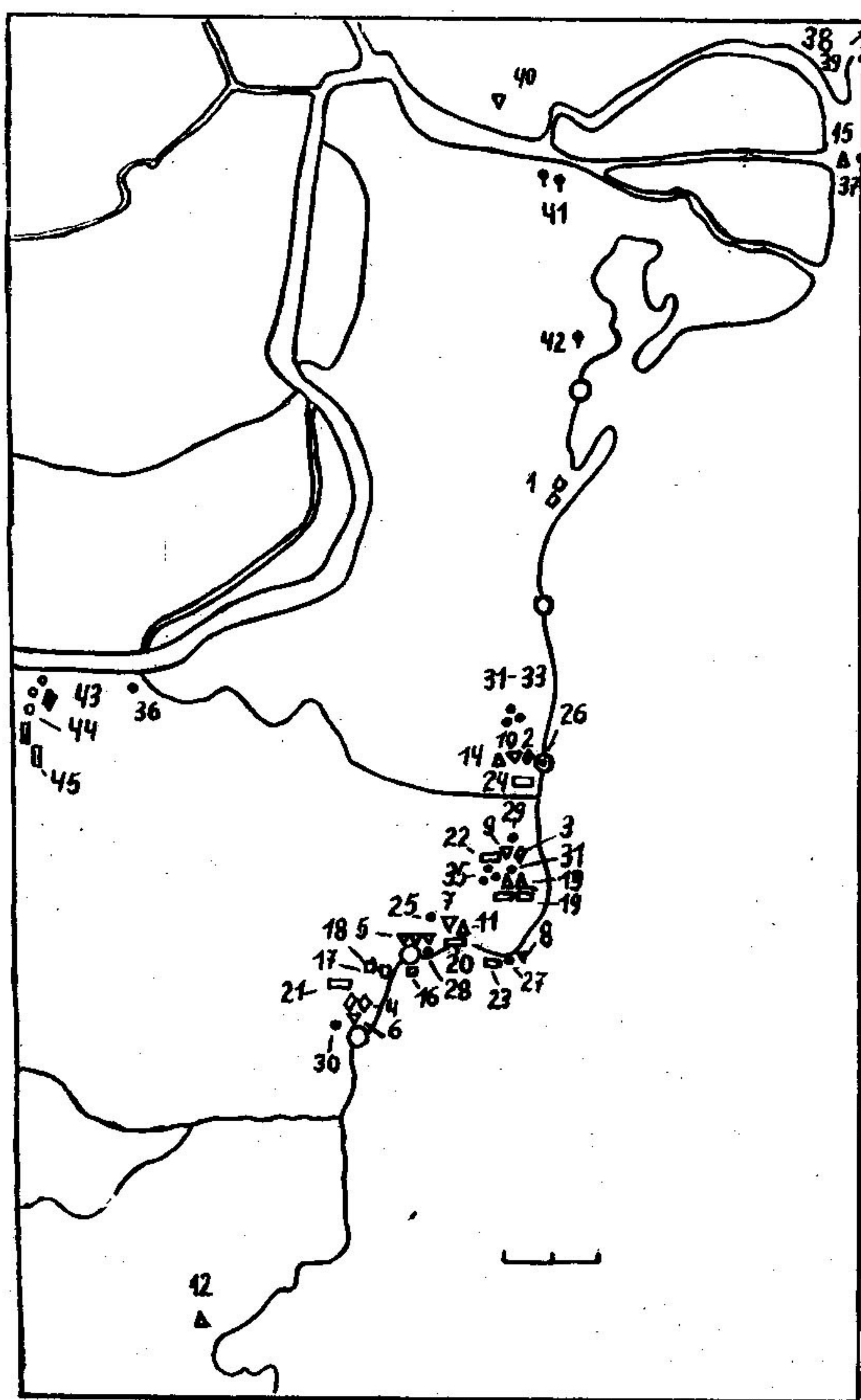

Рис. 10. Места находок монет царей Малой Скифии. \diamond — монеты Хараспа: 1 — Вадул (2); 2 — Мангалия (1); 3 — Ваклино (1); 4 — Одесс-Дионисополь (2); 4а — Тира (1). \triangle — Айлия: 11 — Каварна (1); 12 — Айтоски Бани (1); 13 — Шабла (2); 14 — Мангалия (1); 15 — о. Змеиный? (1). ∇ — Сарнака: 5 — Дионисополь (3); 6 — Одесс-Балчик (1); 7 — Каварна (1); 8 — м. Калиакра (1); 9 — Ваклино (1); 10 — Мангалия (1); 40 — Котловина (1); 41 — Тира?, о. Змеиный (2). \square — Танусака; 16 — Дионисополь (1); 17 — Теке-Балчик (1); 18 — Балчик-Варна — (1). \square — Акросака; 19 — Шабла (2); 20 — Болгарево (4); 21 — Балчик-Варна (3); 22 — Ваклино (1); 23 — м. Калиакра (2); 24 — Мангалия (1). \circ — Ханита: 25 — Каварна (2); 26 — Мангалия (10); 27 — м. Калиакра (1); 28 — Балчик (2); 29 — Ваклино (1); 30 — Балчик-Варна, Теке-Балчик (6); 31 — Шабла (3); 32 — Печиняга (2); 33 — Татладжак (1); 34 — Вынэтори (1); 35 — Мангалия-Балчик (3); 36 — Силистра (1); 37 — о. Змеиный (2); 38 — Тира (2?); 39 — Ольвия (1); 41—45 — монеты гетских царей.

между Томами и Каллатией, ближе к последней (Мангалия, 2 Май, Мошняны, Аджижеа); на остальной территории Добруджи они полностью отсутствуют (271, р. 35—36; 272, р. 66—118; 273, р. 69—148; 274, р. 64—83).

При решении вопроса о западных границах Малой Скифии большую роль играет и картографирование нумизматических находок. Широкое хождение среди местного населения Добруджи имели не только монеты западнопонтийских городов, но и более отдаленных греческих центров (Тире, Ольвии, Кизика) и эмиссии ряда эллинистических правителей. Более того, на ряде поселений юго-западной Добруджи встречены монеты гето-дакийских правителей, основной ареал которых относится к левобережью Дуная (297, р. 180, сн. 584, 585, fig. 16—19). Что касается монет царей Малой Скифии, то они имеют довольно ограниченный ареал распространения в прибрежной зоне, от Том до Одесса. Здесь же уместно вспомнить, что Плиний Старший в своем описании Фракии локализует скифов с их поселениями в непосредственной близости к греческим полисам (IV, 44). Сопоставление этих данных со всей очевидностью свидетельствует о невозможности проведения западных границ Малой Скифии по течению Дуная. Их следует искать, по всей видимости, недалеко от района побережья.

В литературе известны также попытки определения центра Малой Скифии. Как правило, все исследователи ищут его (ставку царей) в районе Дионисополя — между Дионисополем и Зирасом (277, р. 33), между мысом Калиакра и Бизоне

(256, р. 533). Основным аргументом для такого вывода служит наибольшая концентрация здесь царских монет. В. Канарак сделал попытку привлечь к решению вопроса и археологические данные. Ссылаясь на известные ему в районе Каллатии следы поселений и на огромное количество курганов и курганных могильников, он предлагает искать центр размещения скифов между Томами и Каллатией — по линии Татладжак — Первелия — Акчилар — Печиняга — Албешти, заканчивающейся на юге западным окончанием озера Мангалии (251, р. 240, 241). Чрезвычайно слабая исследовательность данного региона (272; 273; 274) не позволяет нам в полной мере судить о верности рассуждений автора. Но в этой связи нелишне будет отметить, что в указанном В. Канараке районе, а также к югу от оз. Мангалии стало известно несколько богатых погребений III—II вв. до н. э., которые после долгих дискуссий определяются сейчас как принадлежащие скифской верхушке (273, р. 76, 118—123; 274, р. 67—72, 82). Напомним также, что посвятельная надпись за царя Сарнака найдена у мыса Калнакра. Авторы публикаций выдвинули предположение, что здесь нужно искать святилище Диоскуров, которым и посвящен алтарь (278, р. 159; 116, с. 48). Вполне вероятно и другое предположение — посвятельная надпись за скифского царя могла быть установлена в непосредственной близости от его ставки и, безусловно, на его территории.

Подводя краткий итог рассмотрению границ Малой Скифии, заметим, что она занимала крайне небольшую территорию, ближе к побережью, вытянутой с севера на юг полосой. На севере ее граница проходила, видимо, между Истрией и Томами, причем ближе к последнему городу, на юге-вблизи Одесса. На востоке ее территория граничит с сохранившейся хорошей греческих городов, в ряде мест имея выход к морю. Западные границы определяются нами весьма условно. Возможно они удалены от восточных на 50—60 км. Центр государства располагался между Каллатией и Дионисополем.

Подобная ограниченность территории не позволяет видеть в Малой Скифии мощное политическое объединение, подчинившее себе все западнопонтийское побережье. Влияние его ограничивалось контролем над близлежащими полисами и было существенно ограничено целым рядом политических формирований, существовавших в этот период в Северо-Восточной Фракии (93, с. 116—117; 95, с. 16—17; 311).

2. Этнический состав населения

Среди многочисленных проблем, связанных с изучением добруджанской Малой Скифии, выделяется вопрос об определении этнического состава населения государства. Было это одноэтническое или полиэтническое образование? В специальной литературе единого мнения на этот счет до сих пор нет. При выработке исследователями той или иной позиции основное внимание уделялось установлению в первую очередь этнической принадлежности правителей Малой Скифии, а уже отсюда и подвластному им населению. Причиной такого подхода к решению этой проблемы было то, что в качестве основного источника, а зачастую и единственного, использовался только нумизматический материал.

На историографии об этнической атрибуции царских монет мы остановимся ниже. Здесь же заметим, что уже в конце XIX — начале XX вв. было установлено, что ареал распространения монетных находок не выходит за пределы Северо-Западного Причерноморья, причем наибольшая концентрация их наблюдается только в районе Добруджи, где и следовало размещать искомое государство. На том основании, что к югу от Дуная традиционно проживали фракийские племена, румынским исследователем Д. Таккелой было высказано весьма категоричное мнение, что цари, чьи имена известны по целой серии монет, относятся к числу гетских правителей, объединивших под своей властью население Добруджи (309, р. 379—401; 310, р. 31—39). Эта версия с самого начала оставалась среди исследователей наименее популярной и могла бы рассматриваться здесь в качестве примера несколько односторонней и неудачной исторической интерпретации. Однако в последнее время, без какого-либо анализа соответствующих источников, к ней обратился И. Т. Никулицэ, предложивший видеть в Акросе (или Акросандре, как читает автор царское имя) правителя гетского племенного союза второй половины III в. до н. э., расположенного уже в Днестро-Дунайском междуречье (153, с. 130; 155, с. 194). Эта идея, выдвинутая без учета последних работ, посвященных царским эмиссиям, не может быть признана верной.

На качественно новый уровень выходит решение этой проблемы в результате сопоставления царских эмиссий с декретом из Варны, где граждане Одесса называют Канита царем скифов, а впоследствии и с находкой в Истрии декрета

в честь Агафокла, именуящую какую-то часть Добруджи Скифией. Благодаря филологическому анализу царских имен, проведенному К. Реглингом, а через 50 лет Л. И. Тарасюком, были выделены их скифо-иранские корни и тем самым обоснована их принадлежность к скифам (298, р. 259—262; 208, с. 22—30). Данная точка зрения нашла многочисленных последователей среди отечественных, болгарских и румынских ученых, которые считают, что в населении и правителях Малой Скифии следует видеть скифов, переправившихся за Дунай из степей Северного Причерноморья (будь-то остатки войск Атея, будь-то какие-то более поздние группы скифов) и образовавших здесь некое самостоятельное политическое объединение (249; 251; 294, р. 232—233; 35, с. 210—211; 36, с. 144—145; 65, с. 57—58; 116, с. 47—48; 315, р. 105).

В то же время считается общепризнанным, что скифы Добруджи всегда, в том числе и в период существования Малой Скифии, составляли меньшинство по сравнению с автохтонным населением (294, р. 214, 215, 232—234; 225, с. 28; 102; 103, с. 45, 46; 239, р. 89; 272; 273; 274). В этой связи еще А. В. Орешников, а затем П. О. Карышковский предлагали видеть в термине «Малая Скифия», известном только по «Географии» Страбона, скорее географическое или политическое обозначение, чем этническое (164, с. 218—219; 103, с. 60). Более того, П. О. Карышковский, отрицая многочисленность скифов в Добрудже предположил, что эта местность получила название «Малая Скифия» не только в результате образования скифского царства с политически активным скифским населением, «... но и вследствие сходства природных условий с собственно скифскими степями» (102, сн. 97; 103, с. 60). Справедливость такого вывода подтверждается также тем, что Добруджа называется Скифией и в декрете в честь Агафокла, синхронном или слегка предшествующим по времени существованию скифского государства, и в более поздних римских источниках, когда ни о скифском царстве, ни о каких-либо компактных группах скифского населения говорить уже нельзя.

С учетом всего предшествующего развития Добруджи А. В. Орешников, присоединяясь к мнению К. Реглинга в отношении скифо-иранского происхождения имен правителей Малой Скифии, предположил, что геты были подчинены скифам в результате экспансии последних и именно они составили основу государства, в то время как скифы осуществляли верховную власть (163, с. 9, 22; 164, с. 217—219). Полной поддержки эта версия не нашла, однако допускалось, что

какая-то весьма незначительная часть гетов могла быть подчинена скифам и входить в состав государства (36, с. 144; 224, с. 222; 102, сн. 96).

Подобное состояние вопроса побудило нас вновь обратиться к нему, используя при этом все доступные источники. Сведения их также неоднозначны и неоднократно использовались исследователями для обоснования любой из вышеперечисленных гипотез.

Применительно к населению скифского государства в Добрудже может быть использован только декрет из Варны (3, с. 251), где граждане города Одесса именуют Канита царем скифов.

Древние авторы не говорят конкретно о населении, входящем в состав Малой Скифии. В определенной степени можно использовать отрывочные указания их о народах, заселявших приморскую часть Добруджи в рассматриваемое время. Сведения эти весьма разноречивы, однако объединяются в две группы.

В пользу тезиса об одноэтничности населения государства может быть привлечено высказывание Страбона, что вследствие переселения большого количества скифов на правый берег Дуная фракийцы по ряду причин были вынуждены уступить им землю (Страбон, VII, 4, 5); данный фрагмент часто понимается как свидетельство полного изгнания скифами с определенной части Добруджи фракийцев и образования на ней своего государства.

В большей степени о чисто скифском населении Малой Скифии говорит источник пс.—Скимна Деметрий из Каллатии, детально охарактеризовавший народы Западного Причерноморья. По его описанию вокруг Том и вплоть до Дионисополя, то есть в пространстве, где как раз локализуется Малая Скифия, жили одни скифы. Южнее Дионисополя они граничили с кробизами — фракийским племенем, а Одесс уже полностью находился в окружении фракийцев (пс.—Скимн, 750—766). О скифах, называемых пахарями, живущих в районе Дионисополя и имеющих свои города пишет Плиний Старший (IV, 44). В северных районах Добруджи, вблизи устьев Дуная, информатор пс.—Скимна размещает фракийцев и живущих с ними рядом «пришельцев-бастарнов» (пс.—Скимн, 797). Здесь же локализируют бастарнов, занявших остров Певку Страбон (VII, 3, 15) и бритолагов, имеющих города Новиодун и Алиобрикс, Птолемей (см. 102, с. 54, сн. 110, 111).

Казалось бы, столь четкое размещение древними авторами народов в прибрежной части Добруджи должно однозначно свидетельствовать о чистоте населения Малой Скифии.

Однако наряду с этими данными имеются некоторые сведения об образовании смешанных народностей, причем в этом процессе скифы играли непосредственную роль. К ним относятся, в первую очередь, указания Аполлония Родосского (IV, 320) о присутствии вблизи устьев Дуная «смешанных с фракийцами скифов». Неоднократно упоминает смешанные народности и Страбон, причем он показывает как сам процесс смешения этносов: «...скифы, бастарны, савроматы часто одолевали их (фракийцев — С. А.), так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее островах или во Фракии...» (VII, 3, 13), так и конечный результат его, называя в числе смешавшихся народов фракийцев, скифов и кельтов: «к югу от Истра живут... по направлению к Понту и Пропонтиде — геты, другие фракийцы и некоторые смешавшиеся с ними скифские и кельтские племена» (VII, 5, 1). В другом фрагменте Страбон рисует еще более пространную картину смешения народов: «ведь и ныне эти народы (скифы и сарматы — С. А.) и племена бастарнов живут смешанно с фракийцами, главным образом по ту сторону Истра, но отчасти и по эту сторону. С ними смешались кельтские племена» (VII, 3, 2). Не вполне ясные указания о существовании смешанного кельто-скифского народа имеются у Диона Кассия при описании им завоевания римлянами Мезии (XXXVIII, 10, 3; LI, 23, 2).

Таким образом, у древних авторов приводятся неоспоримые свидетельства слияния разных этносов. Те несоответствия, которые имеются в письменных источниках при этнической и количественной характеристике народов, населявших прибрежную часть Добруджи во многом объясняются временной разницей и целями, которые преследовал тот или иной автор.

Согласно всем источникам наибольший всплеск в смешении народов относится ко второй половине III — первой половине II вв. до н. э. и отражает реальную картину перемещений живших здесь народов и появления в Северо-Западном Причерноморье новых племен. Сомнительно конечно, чтобы источник пс.—Скимна, Деметрий Каллатийский, живший во второй половине III в. до н. э., был не в курсе происходящих событий. Здесь, по-видимому, могут быть выдвинуты два соображения: в период составления Деметрием его карты скифы еще представляли собой компактную единую массу, или, что более вероятно, как будет подробно показано ниже, Деметрий называет к югу от Дуная не конкретные народы, а показывает размещение современных ему политических группировок без четкого указания составляющих их этносов. Этот тезис находит себе

подтверждение в ряде других источников (письменных, нумизматических, археологических), свидетельствующих о существовании во второй половине — конце III в. до н. э. помимо скифского, еще нескольких фракийских военно-политических формирований на севере и юго-западе Добруджи (311; 272; 273; 102; 300).

Аполлоний Родосский говорит о смешении только двух этносов — скифского и фракийского. Племена бастарнов, появившиеся в устьях Дуная на рубеже III—II вв. до н. э. участия в этом процессе пока не принимали.

Более пространную картину ассимиляции народов дает Страбон, пользовавшийся, по определению М. И. Ростовцева, помимо собственных наблюдений трудами Артемидора Эфесского (конец II в. до н. э.) и Посидония из Аламеи (I в. до н. э.); считается, что образование смешанных народностей было излюбленным мотивом Посидония (189, с. 137—138). Начало участия в этом процессе бастарнов следует относить, по-видимому, к первой половине II в. до н. э., а пик — к середине — второй половине II в. до н. э. Впервые их переход через Дунай зафиксирован в источниках в связи с подготовкой Филиппом V Македонским войны против Рима (Тит Ливий, XI, 57, 2) — в 179 г. до н. э. После смерти Филиппа известны неоднократные передвижения бастарнов, привлекаемых в военных целях сыном Филиппа — Персеем (Тит Ливий, XL, 19, 4—10; LIV, 26, 2—14, 27); в дальнейшем их переходы за Дунай и действия в прибрежной части Добруджи связываются с самостоятельной политикой (36, с. 152—157). Краткие свидетельства Диона Кассия о существовании в первой половине I в. до н. э. на территории Добруджи каких-то смешанных групп «скифо-бастарнов» или «кельто-скифов» (отнесение бастарнов к кельтам или германцам до сих пор остается дискуссионным), когда скифское государство уже перестало функционировать, убеждают нас в более ранней дате их образования, задолго до описываемых событий.

Более сложно уточнить момент, когда согласно Страбону в процессе смешения народов, происходившем в низовьях Дуная, приняли участие сарматы. В настоящее время отрицают их раннее продвижение на запад, а археологически они фиксируются здесь только в конце I в. до н. э. — I в. н. э. (175; 177, с. 137, 168; 79). В то же время Страбон, говоря о синхронных ему реалиях, свидетельствует о смешанном проживании сарматов с другими народами (Страбон, VII, 3, 2). Даже допуская возможность позднего написания этого фрагмента (сам труд, как известно, закончен около 7 г. до н. э. — 4, с. 778, сн. 20),

нужно учитывать, что слияние народов предполагает весьма длительный период времени. В качестве гипотезы считаем возможным предположить, что появление каких-то отдельных сарматских отрядов в низовьях Дуная, вне связи с массовым расселением их в северо-причерноморских степях, сопоставимо с антиримской политикой Митридата VI, объединившего под своим руководством многочисленные варварские народности Северного и Западного Причерноморья и размещавшего свои гарнизоны в союзных городах (Аппиан, Митр. войны, 15; Юстин, XXXVIII, 3, 5—7). К подобной мысли самостоятельно пришел и С. В. Полин, исходя из анализа этнической принадлежности комплексов, содержащих налобники с крючком (177, с. 65).

Таким образом, завершая обзор письменных источников, отметим, что все они свидетельствуют о проживании в Нижнем Подунавье в III—I вв. до н. э. обширного конгломерата различных народов. Что касается конкретно населения Малой Скифии, то согласно древним авторам оно не было однородным на всем протяжении ее существования (рубеж III—II — начало I в. до н. э.). На раннем этапе наблюдается активное слияние скифских и фракийских племен (первая половина II в. до н. э.). В дальнейшем в ее состав входят какие-то незначительные группы бастарнов (вторая половина II в. до н. э.). С распадом этого государства процесс смешения народов еще более активизируется; с этого момента можно говорить о участии в нем незначительных сарматских групп. Безусловно, этот вывод имеет несколько упрощенный и схематичный характер, но, в принципе, он достаточно реально отражает характер становления (временного) нижнедунайской диатезы народов.

Древние авторы ни разу не упоминают о связях скифов с греками. Однако, по ряду эпиграфических надписей из Каллатии и Том Т. В. Блаватская высказала предположение об установлении в III—II вв. до н. э. тесных контактов между представителями скифской и греческой аристократии посредством заключения браков, приведших к созданию смешанной группы эллино-скифов (36, с. 146, 147. Прилож., № 23, стр. 38).

Определенное подтверждение полиэтничности населения Малой Скифии можно найти в археологических материалах. Так, уже указывалось ранее, что на ряде прибрежных поселений Добруджи отмечено сочетание скифской, гетской и греческой посуды. Скифская керамика встречена и на гетском могильнике IV—III вв. до н. э. у с. Николае Бэлческу (270, р. 42—46, рI. IV, 4; 2, 4; V, 3; IV, 6). Более сложна этническая атрибуция погребений III—II вв. до н. э. у Мангалии и 2 Мая. Детально проанализировав погребальный обряд, конструкции и инвен-

тарь, М. Иримия пришел к выводу о их скифской принадлежности (273, р. 74; 274, р. 82, рI. 1,3). Учитывая смешанный характер находок на большинстве памятников, исследователь предложил видеть в их населении некую многочисленную гетерогенную общность — миксэллинов, управляемую вождями — «басилевсами», которым могли принадлежать погребальные комплексы, типа найденных в Мангалии и 2 Мая (272, р. 68, 69; 273, р. 71—74, 77; 274, р. 82). Допуская факт включения какой-то части полисной хоры в состав Малой Скифии и отмечая наличие на ряде поселений остатков каменных конструкций, возведенных в греческой технике (272, р. 66, 70), следует признать, что эллины принимали весьма активное участие в образовании подобной общности.

В тесной связи с археологическими исследованиями стоит проблема локализации и этнической идентификации городов Плиния. Приведем этот фрагмент полностью: «Фракия с одной стороны начинается от берега Понта, где впадает в него Истр; в этой части ее лежат прекраснейшие города: основанный Милетянами Истрополь, То́мы и Каллатия, прежде называвшаяся Кербатидой. Здесь же лежали Гераклея и Бизона, поглощенная разверзшеюся землей, теперь остается Дионисополь, прежде называвшийся Круном. Здесь течет река Зира. Всю эту область занимали скифы, называемые пахарями. У них были города: Афродисиада, Либист, Зигера, Рокобы, Евмения, Парфенополь и Герания» (Плиний, IV, 44).

Отметим сразу, что в отличие от перевода В. В. Латышева О. Н. Трубочев и И. В. Шталь видят в последних не города, а поселения (212, с. 119; 229, с. 74, 75). Информация римского автора прекрасно переплетается со всеми остальными источниками, свидетельствующими о присутствии скифов в Добрудже. Используя помимо нее указания Стефана Византийского, называвшего Афродисиаду приморским городом, и Евтропия, локализирующего Парфенополь между Томи и Каллатией, а также разработки ряда современных исследователей, размещающих Геранию севернее Одесса, В. В. Латышев, а за ним и П. О. Карышковский, считали их прибрежными пунктами, а остальные три — внутренними (120, с. 276, сн. 4; 102, сн. 90). Однако в последнее время предпринимались попытки совершенно иного размещения отдельных пунктов Плиния. Так, Афродисиаду предлагается искать в районе Мраморного моря (см.: 32, с. 36). Другую локализацию еще одного города — Герании — предлагает и О. Н. Трубочев. Считая тождественными топонимы «Какитон» (варварский эквивалент Гераний, приведенный Солином) и «Канкит», встреченный

в декрете в честь Протогена, исследователь размещает Геранию на Нижнем Днепре в районе р. Конка (212, с. 119—123). Учитывая, что все авторы единогласно увязывают эти города с Фракией, такая трактовка текста Плиния непонятна. Более того, недавно найден прекрасный источник, подтверждающий правильность информации Плиния. Речь идет об эпитафическом документе из Дионисополя, где говорится о близости к нему Афродисиады (32, с. 34—37; 82, с. 91—92). На побережье между Дионисополем и Одессом размещают Геранию и античные дорожные справочники. Болгарские археологи отождествляют ее с современным селением Кранево (229, с. 80—81). Осторожнее в своих выводах румынские ученые. Ими выделяется ряд поселений у сел Албешты, Скиту-Костинешты и Тузла, где отмечена скифская керамика, и период расцвета которых совпадает со временем существования Малой Скифии. Одно из них предлагается идентифицировать с Парфенополем (313, р. 14; 272, р. 71, 72, № 50).

Правомочность такой идентификации поселений Плиния с современными населенными пунктами, безусловно, нуждается в дополнительных исследованиях, однако, что несомненно, это их размещение в приморской зоне Добруджи, между Одессом и Томи. Что касается поселений Рокобы, Либист и Зигера, которые В. В. Латышев называет внутренними, то следует отметить определенную условность такого понимания с учетом ограниченности территории Малой Скифии. И, наконец, судя по археологической карте Добруджи, более верным нам кажется употребление предложенного О. Н. Трубачевым и И. В. Шталь термина «поселения» к упомянутым пунктам Плиния.

До сих пор не определена этническая принадлежность населения городов, более того, неоднократно подвергалось сомнению соотношение их со скифами. Так, например, румынский исследователь Н. Гостар в одной из своих неопубликованных работ выдвинул гипотезу, согласно которой поселения Плиния предлагалось считать македонскими колониями и, более того, царей, чьи имена известны по монетам — македонскими династами-эпигонами (см.: 277, р. 72, № 50; 274, р. 81, № 108). Не отрицая их подчиненности скифам, В. В. Латышев обращал внимание на то, что часть поселений, а именно Афродисиада, Герания, Эвмения и Парфенополь, имели греческие наименования и были основаны или впоследствии переименованы греками (о первоначальном варварском названии Герании говорят многочисленные источники — см.: 229, с. 74—76). Другие три города, согласно В. В. Латышеву, носили негреческие местные

названия (120, с. 276, сн. 4). Исследователь не уточнил свою мысль, следует ли здесь понимать топонимы гетские или скифские? Более категоричен в своих выводах В. Илиеску. Отстаивая концепцию длительного проживания скифов в Добрудже, он считает, что еще во времена Атея здесь выделилась особая «скифская зона». В ней скифы основали Либист, Зигеру и Рокобы, а остальные города, принадлежавшие ранее грекам, были оккупированы скифами в процессе их оседания на землю (265, р. 95).

На современном уровне археологических исследований в Добрудже с невозможностью четкой локализации поселений Плиния, а отсюда и определения момента их возникновения, достаточно сложно вынести единственно верное суждение. Однако уже сейчас нужно отметить, что гипотеза Н. Гостара совершенно справедливо не получила признания. Действительно, известно, что Лисимах, стремясь укрепиться во Фракии, основал в ней ряд населенных пунктов. Но сразу после его гибели в 281 г. до н. э. Фракия полностью выпадает из подчинения Македонии и никогда больше ей не покоряется (36, с. 106, 107; 74, с. 6—9, 15). Поэтому странно было бы видеть в них какой-то островок македонского владычества в Добрудже с некими мифическими «династами-эпигонами», чеканившими здесь свою монету.

Построения В. Илиеску также имеют свою уязвимую сторону. Дело в том, что ни на одном из поселений Добруджи, вне зависимости от степени их исследования, не отмечено не то что чисто скифских черт, но даже преобладания скифского инвентаря. Судя по появлению скифской керамики на гетских поселениях IV в. до н. э., вполне вероятен процесс оседания какой-то части скифов и проживания их смешанно с фракийцами уже во время Атея, но говорить об основании ими собственных поселений пока не представляется возможным. Все данные свидетельствуют о том, что поселения Плиния в этническом плане были весьма неоднородны.

Таким образом, на основании рассмотренных источников можно сделать следующий вывод: земли северо-восточной Добруджи, на которых локализуется Малая Скифия, представляли в III—I вв. до н. э. зону, где проходил активный процесс смешения этносов. Судя по археологическим данным, основное участие в нем принимали геты, греки и скифы. Причем, по мнению К. Йорданова, факт смешения народов с обязательным участием в нем греческого компонента отмечен в античной традиции появлением с III в. до н. э. нового термина — «миксэллыны» (94, с. 76). Включение бастарнов

(кельтов или германцев) в этот процесс фиксируется пока только по сообщениям Страбона и Диона Кассия, а сарматов — только Страбона.

Безусловно, говорить в настоящее время о каком-либо количественном соотношении народов, проживавших в Малой Скифии, невозможно. Однако, судя по тому, что становление скифского государства в Добрудже никак не повлияло на развитие жизни существовавших здесь гетских поселений (резкое сокращение числа памятников наблюдается только в конце II—I в. до н. э., к моменту угасания Малой Скифии — см.: 270; 273), то большую часть населения государства составляли именно геты. Исходя из этого, со всей определенностью можно сказать, что факт преобладания скифского этноса в период существования этого политического объединения, который отстаивается рядом ученых, названных выше, не находит подтверждения. Попутно затрагивая в своих работах проблемы Малой Скифии, к подобным выводам пришли самостоятельным путем М. Ирмия (273, р. 76; 274, р. 64—82), А. В. Подосинов (174, с. 44—52, 64—68) и К. Йорданов (94, с. 75—77), утверждавшие, что скифская инфильтрация в Добруджу была весьма незначительна и основным ее населением были геты.

Подобная интерпретация этнического состава Малой Скифии заставляет нас вновь обратиться к приведенному выше мнению А. В. Орешникова. Соглашаясь в целом с высказанной им идеей подчинения скифами гетов и узурпации ими верховной власти, что, по всей видимости, и дало основание называть эту территорию Скифией, заметим, что подобная ситуация, на наш взгляд, могла быть характерна только для начального этапа существования государства. Говоря о смешении народов, нужно учитывать определенную двойственность этого процесса: с одной стороны в нем нужно видеть механическое соединение с сохранением присущих каждому этносу черт; с другой стороны — ассимиляцию, слияние, с утратой характерных признаков или восприятием культурных элементов более сильного и многочисленного народа. Судя по всем источникам, на начальном этапе рассматриваемого периода преобладало именно механическое соединение народов, а к моменту исчезновения Малой Скифии и далее к рубежу нашей эры происходит полная ассимиляция гетами скифов, когда говорить о каких-то компактных группах уже не приходится (см.: 174, с. 20, 163, примеч. 214) и, возможно, ряда других народов, попадавших в их среду (бастарнов, греков). С массовым вторжением в Нижнее Подунавье сарматов также происходит

их включение в этот процесс. Свидетельством того может служить, по-видимому, сообщение Овидия о сильнейшей варваризации облика томитян и более того, даже выработке общего с варварами языка: «У них (греков с варварами — С. А.) есть возможность вести разговор на общем языке...» (Овидий, Трестии, V, 10, 35). По мнению ряда исследователей, он «представлял собой смешение между гетским, скифским (сарматским) и греческим языками» (94, с. 77, сн. 63; 174, с. 201, прим. 454). С учетом всего вышеизложенного этот вывод кажется вполне правомочным.

3. Монеты скифских правителей

Изучение всех аспектов жизнедеятельности Малой Скифии чрезвычайно затруднено малочисленностью источников. Помимо кратких сообщений древних авторов о присутствии вблизи западнопонтийских городов скифских племен (пс.—Скимн, 750, 756, 766; Плиний, IV, 44) и наименовании Добруджи Малой Скифией (Страбон, VII, 4, 5; VII, 5, 12), имеются еще два эпиграфических документа, найденные в Варне и у мыса Калиакра (69, с. 251; 116, с. 47—50), позволяющие говорить о создании скифами государственного формирования, возглавляемого царской династией. Отсутствие других данных выдвигает на первый план как наиболее информативный материал монеты скифских правителей, пополняющие наши сведения об экономике, политике и этническом составе этого государства.

Благодаря нумизматическим и эпиграфическим данным сейчас известны имена шести царей Малой Скифии — Танусака, Кани-та, Сариака, Акросака, Хараспа и Айлия.

Царские эмиссии стали известны в литературе еще с середины XIX в. в связи с публикацией частных коллекций и находок на о. Змеином (213, с. 93—94; 147, с. 245; 108, с. 23—27) и тогда же встал вопрос их атрибуции. Предваряя краткий историографический обзор, отметим, что все высказанные до сих пор мнения по поводу места государства, чеканившего свои монеты, и этнической принадлежности его правителей, или хотя бы одного из них, отражают современный им уровень развития науки и группируются следующим образом: 1) это скифское государство, расположенное вблизи Ольвии и управляемое династиями от Сайтафарна до Скилура и Фарзоя; 2) государство, локализующееся на

периферии державы Селевкидов; 3) гетское государство в Добрудже с династией, родоначальником которой был Дромихет; 4) скифское государство в Добрудже, управляемое перечисленными выше династиями.

Первая точка зрения была выдвинута С. А. Уваровым, который на основании некоторого сходства монет Канита и Скилура предложил видеть в первом скифского правителя — преемника Сайтафарна и предшественника (возможно, не прямого) Скилура, осуществлявшего контроль над Ольвией и имевшего свою ставку неподалеку от города (213, с. 93—94). Эта идея была воспринята Б. В. Кене, видевшего в Каните первого правителя, начавшего выпуск своих эмиссий; его преемниками исследователь называет Сариака, Айлия* и Фарзоя (108, с. 25—27). Без существенных дополнений идея о присутствии скифского государства близ Ольвии с царской династией от Сайтафарна до Фарзоя и Скилура нашла развитие и в работе В. В. Латышева (118, с. 123—125). Б. Н. Граков, сначала согласившийся с такой точкой зрения (3, с. 251), впоследствии локализовал царство Канита во Фракии (70, с. 27).

Монета еще одного царя, Хараспа, впервые была издана Э. Бабелом, давшем неправильное прочтение имени правителя — АДΡΑΣΠΟΥ и искавшим его царство в Азии, на периферии державы Селевкидов (240, р. 146—148). Такое мнение оставалось непоколебимым до начала XX в. (261, р. 697), когда Д. Таккела, а вслед за ним и Н. А. Мушмов на основании все увеличивающегося числа монетных находок отнесли Хараспа с тем же прочтением имени, Канита, Сариака и Акросака к числу гетских правителей Добруджи (309, р. 397—401; 310, р. 31—39; 150, с. 343—344), причем первый исследователь считал их преемниками Дромихета.

Однако большинство исследователей, избрав совсем другой путь, пришли к выводам, которые стали общепринятыми с современной науке. Первый, весьма важный шаг в этом направлении был сделан Ф. А. Струве, который сопоставил монеты Канита с надписью из Варны, упоминающей имя этого правителя (203, с. 6). Впоследствии К. Реглинг, отметив концентрацию монет Канита, Хараспа и Акросака на территории Добруджи, дал подробную характеристику царских эмиссий и указал на их типологическое сходство

с автономными монетами западнопонтийских городов, что могло свидетельствовать, по мнению исследователя, о чеканке их на монетном дворе г. Томы; филологический анализ К. Реглингом царских имен привел его к мысли о скифо-иранском происхождении (298, р. 259—265). Во вводных статьях к описанию монет Одесса и Том совместного труда Б. Пика и К. Реглинга еще раз подчеркивается сходство царских эмиссий с типами автономных монет этих городов, устраняются разночтения имен Хараспа и Акросака и царство их локализуется в восточной части Добруджи (291, S. 520, 590, 601—602, п. 2).

Правда, здесь же К. Реглинг не избежал ошибки, отнеся монету Айлия вслед за Б. В. Кене, который локализовал место ее находки на о. Фидониси, вблизи Ольвии, к скифскому царству, соседствующему с ольвийским полисом (291, S. 605, п. 2). Это заблуждение было исправлено А. В. Орешниковым, указавшим, что монета была найдена на о. Змеином, против устьев Дуная (163, с. 14) и ее следует рассматривать в совокупности с монетами западных династий.

А. В. Орешников, проведя самостоятельный анализ царских эмиссий, отрицал возможность их выпуска на монетном дворе Ольвии и показал, что их местонахождение и типы четко указывают на регион Добруджи. Проанализировав все известные ему эмиссии припонтийских варваров, А. В. Орешников считал возможным выделить сначала пять, а затем, в связи с поздним появлением монеты Танусака — шесть правителей добруджанского государства — Канита, Сариака, Акросака, Айлия, Хараспа и Танусака (163, с. 22; 164, с. 218; 307, р. 1—3). Попытка исследователя объединить с данной серией царских эмиссий серебрянную монету с именем ЛЕЛІ (?) ΑΣ (?) или ΚΕΛΒΙΑ Σ (163, с. 14—15; 164, с. 219) пока не подтверждается новыми находками.

В заключение отметим работу Л. И. Тарасюка, где проделан лингвистический анализ царских имен и доказано их иранское происхождение, устранены разночтения и предложена новая реконструкция их, которая используется в данной работе (208, с. 22—30).

Не останавливаясь на характеристике довольно большого количества работ по царской нумизматике публикационного характера, отметим, что в настоящее время наиболее важное значение в исследовании данного вопроса имеют статьи болгарского исследователя Т. Герасимова (64; 65; 258) и румынского ученого В. Канараке (249; 251), в особенности последняя из них, которая представляет собой свод скифских монет,

*Согласно Н. Н. Мурзакевичу, Айлий был царем каллипидов (147, с. 245).

содержащий подробное описание всех известных автору эмиссий, анализ их технических данных, текста и характера легенд, сведенных в конце работы в таблицы. Невзирая на имеющиеся у автора погрешности и неточности при описании материала, и ошибочность его исторических реконструкций, эта работа является основой для дальнейших исследований по монетному делу Малой Скифии.

Сейчас достоверно известно 96 монет скифских правителей и еще о нескольких имеются весьма краткие упоминания. Наибольшее количество эмиссий приходится на время правления Канита — 44 монеты. Монеты остальных царей гораздо малочисленней: для Акросака, Сариака, Хараспа и Айлия зафиксировано соответственно 16, 15, 11 и 7 экземпляров; последнее место по числу найденных монет принадлежит Танусаку — всего 3 экземпляра (таб. 1).

Эмиссии Канита, будучи самыми обильными, выделяются также и своим разнообразием. В своде В. Канараке перечислены 24 разновидности их (251, р. 227—224, таб. I—V). Мы же при обработке этих эмиссий взяли за основу изображения аверса и реверса, сгруппировав монеты по типам и вариантам и выделив имена магистратов и контрамарки как дополняющие признаки. Следует сразу же оговорить, что расположение легенды почти на всех царских эмиссиях устойчиво: титул расположен справа, сверху вниз, имя правителя — слева, сверху вниз, сокращения или монограммы имен магистратов — горизонтально внизу. Все отклонения от традиционного написания легенды будут отмечены при характеристике соответствующих монет.

По изображениям на аверсе все известные выпуски Канита делятся на восемь типов (таб. 1). К первому типу отнесены 13 монет с профилями Деметры и Кору в покрывалах, из-под которых выбиваются пшеничные колоски, вправо. По изображениям на реверсе они делятся на два варианта: 1) два факела и колос — 8 монет (рис. 11, 1, 3); 2) два колоса — 5 монет (рис. 11, 2). На всех монетах второго варианта отмечено сокращение ВАК. В отличие от мнений А. С. Уварова, воспринявшего эти буквы как сокращение титула и имени Канита (213, с. 94, сн. 5) и Б. В. Кене, трактовавшего их как указание, на место выпуска (108, с. 24), большинство исследователей видит в них начальные буквы собственного имени монетного магистрата, что находит свое подтверждение в наличии этих же букв на монетах Танусака (307, р. 2; 251, р. 237; 65, с. 55; 99, с. 54; 315, р. 111).

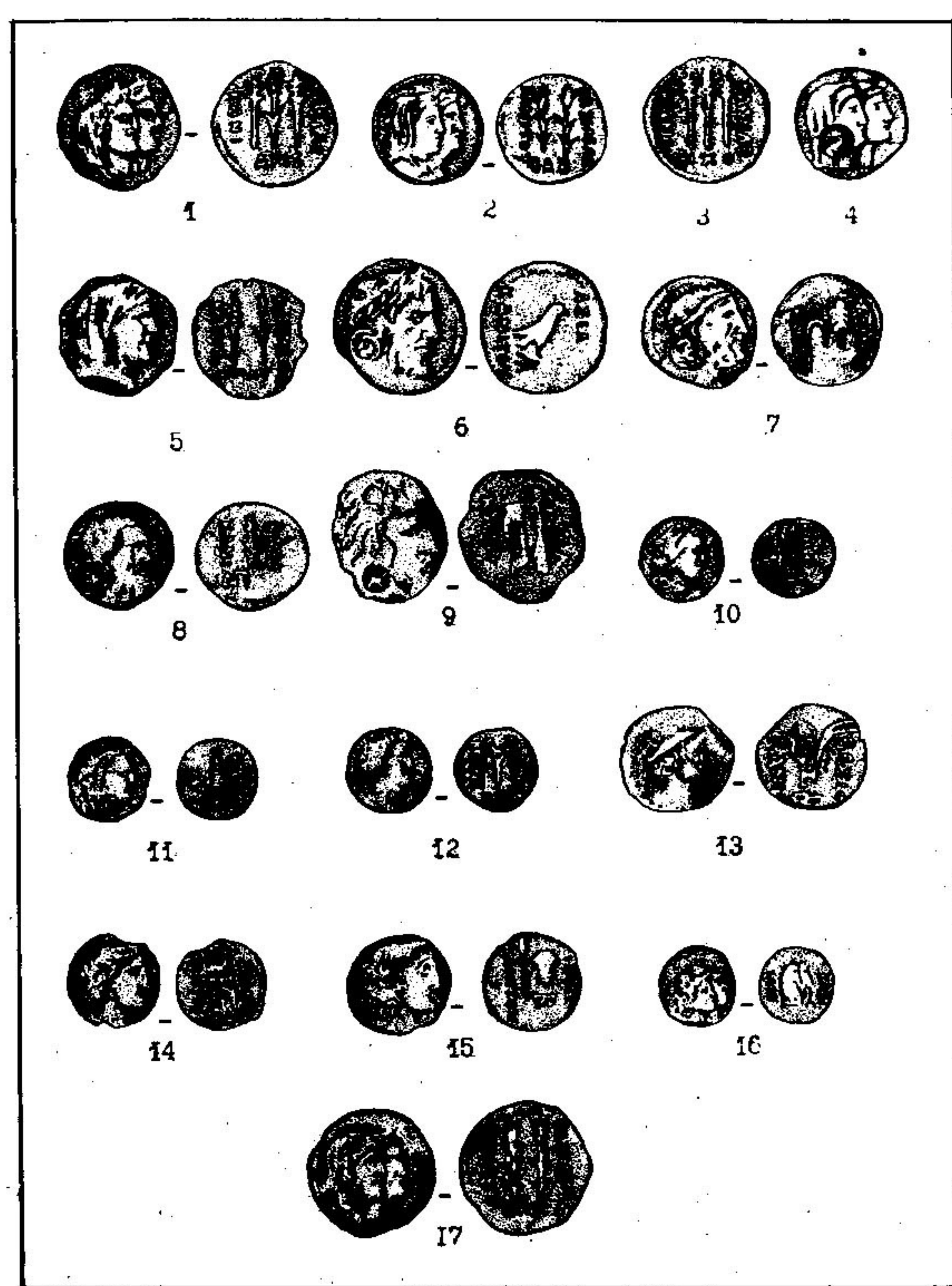

Рис. 11. Монеты царей Малой Скифии: Канита (1—16) и Танусака (17).

На двух монетах первого варианта присутствует сокращение $\text{API}\Sigma$. Еще на трех экземплярах этого варианта В. Канарак прочел надпись $\text{VI}\Sigma\Omega$. Исходя из такого прочтения надписи, а также места находок этих монет вблизи Бизоне, исследователь, хотя и отмечает, что этот город не выпускал свою монету, делает предположение, что данная надпись является сокращением наименования города (251, р. 235—236, № 10—11). Если бы это допущение было верным, пришлось бы признать, что мы впервые встречаем на царских эмиссиях сокращение географического пункта. Однако на фотографии реверса одной из этих монет ясно читается буква χ , а не Σ (251, таб. III, 10), то есть здесь мы имеем сокращение $\text{VI}\chi\text{O}$, а не $\text{VI}\Sigma\Omega$, которое, как и подобные надписи, может быть только именем монетного магистрата.

Контрамарка в виде головы Гермеса в петасе, вправо, отмечена только на одном экземпляре первого варианта (рис. 11, 4).

Второй тип представлен двумя монетами с изображением на аверсе головы Деметры, вправо, а на реверсе — колоса и факела (рис. 11, 5). Они различаются оформлением аверса: на одном Деметра изображена в своем традиционном покрывале с выбивающимися из-под него колосьями, на другом Деметра украшена ожерельем и серьгами. Имена магистратов представлены сокращением ΠΟΛΥ и монограммой Π° , которая расшифровывается как ΠΟΛ (251, р. 234—240) и возможно, является вариантом различного написания одного и того же имени.

К третьему типу относятся 10 монет с изображением головы Зевса (или Великого Бога), вправо. На семи экземплярах голова Зевса украшена лавровым венком или лентой; последние три лишены этого оформления. В. Канарак на этих трех монетах видел голову Геракла (251, р. 240—241, № 17—19), однако уже П. О. Карышковский справедливо отнес их к одному типу с изображением Зевса (99, с. 56, сн. 69). И действительно, представленные здесь головы бородатого божества отличаются от изображений Геракла с его неотъемлемым атрибутом — львиной шкурой. По оформлению реверса монеты третьего типа подразделяются на четыре варианта: 1) орел на молниях, вправо — 3 экз. (рис. 11, 6); 2) рог изобилия — 1 экз.; 3) горит и палица — 4 экз. (рис. 11, 7); 4) палица — 2 экз. (рис. 11, 8). Пять монет, представляющих все варианты этого типа, имеют монограммы или сокращения имен магистратских чиновников, два из которых — BAK и Π° уже известны по монетам первого и второго типов, а сокращения $\text{A}\chi$ и $\text{A}\Pi$, по-видимому, могут быть вариациями

одного и того же имени, известного по монетам второго типа. Из десяти монет восемь подверглись маркировке и имеют на лицевой стороне контрамарки с изображением Деметры (4 экз.), Зевса (3 экз.) и Гермеса (1 экз.).

Монеты четвертого типа представлены пятью экземплярами, на аверсе которых фигурирует голова Геракла в львиной шкуре, вправо. Три монеты отнесены к первому варианту этого типа по изображению на реверсе горита и палицы (рис. 11, 9). Два остальных экземпляра выделены во второй и третий варианты по представленным на реверсе их соответственно палицы и лука (рис. 11, 10), и отдельной палицы (рис. 11, 11). Оба варианта выделяются и по наличию на них сокращений BAK и впервые появившегося AN .

На одной монете первого варианта имеется контрамарка в виде колеса с четырьмя спицами.

Шесть монет с изображением на аверсе головы Гермеса в петасе, вправо, относятся к пятому типу. В нем выделены два варианта. На реверсе первого фигурирует кадуцей (рис. 11, 12), на реверсе второго — кадуцей и колос, склоненный верхушкой вправо (рис. 11, 13). Одна монета первого варианта снабжена сокращением BAK . В. Канарак, впервые опубликовавший монету второго варианта, прочел на ней монограмму H (251, р. 239, 240, № 16а), однако впоследствии была найдена еще одна подобная монета, и автор публикации после сравнения обоих экземпляров доказал, что на них следует видеть сокращение $\text{A}\chi\text{L}$ (289, р. 485).

Шестой тип состоит из четырех монет и выделен по изображению на аверсе головы Аполлона, вправо, на реверсе — треножника. На реверсе всех монет присутствует сокращение BAK (рис. 11, 14).

Три монеты седьмого типа представлены изображением головы Диониса, вправо и его атрибутов на реверсе — тирса и виноградной грозди. На одном экземпляре имеется монограмма Π° (рис. 11, 15). Две из этих монет были неверно отнесены В. Канарак к типу эмиссий с Аполлоном (251, р. 233—234, № 6, 7). В работах Т. Герасимова и П. О. Карышковского эта ошибка была устранена (65, с. 55; 99, с. 56, сн. 69).

Последний, восьмой тип, представлен одной монетой с изображением голов Диоскуров в конических шапках, увитых лавровыми венками, вправо — на аверсе, и их коней — на реверсе (рис. 11, 16).

Присутствующие на 27 монетах Канита сокращения и монограммы имен магистратов позволяют говорить, что эти выпуски осуществлялись под контролем по крайней мере пяти

монетариев, имена которых начинались буквами ВΑΚ, ΒΙΧΟ, ΑΡΙΣ, ΑΝ и ΑΠΟΛ (сокращение ПОЛУ возможно было другой формой написания имени ΑΠΟΛ. В противном случае в нем нужно видеть шестого по счету монетария). Выпуски остальных семнадцати монет Канита анонимны.

Среди эмиссий Сариака выделено пять типов. К первому типу отнесены шесть монет с профилем на аверсе Деметры в покрывале, из-под которого выбиваются колоски, вправо; на реверсе — два колоса (рис. 12, 1). На одном экземпляре присутствует монограмма $\overline{\omega}$. Однако как раз в месте размещения монограммы монета повреждена; вполне возможно, что она представляет собой один вариант с известными на эмиссиях Канита сокращениями и монограммами ΑΠΟΛ.

На аверсах пяти монет второго типа фигурируют изображения Геры в лавровом венке или с перехваченными лентой волосами, вправо; на реверсе — палица и колос (рис. 12, 2)*. Эта серия монет выделяется еще и расположением легенды. Если до сих пор легенда размещалась стабильно, в отмеченном выше порядке, то в данном случае титул расположен слева, снизу вверх, имя справа, снизу вверх. В описательной части свода В. Канараке (251, р. 252—253, № 41—42) и его предыдущей работе (249, р. 75—76, № 28—29, fig. 28—29) ошибочно дано традиционное расположение надписи, что опровергается фотографиями реверсов этих монет (251, tab. VIII, 41, 42**; 315, pl. II, 4). Так же необычно и расположение в верхней части реверса, над палицей, впервые появляющейся на царских монетах монограммы $\overline{\omega\rho}$, расшифровывающейся как ПУР (251, р. 251, 253).

Подобная же монограмма, но расположенная внизу реверса, читается на одной из трех монет с головой Геракла, вправо, выделенных нами в третий тип эмиссий Сариака. Монета с монограммой отнесена к первому варианту этого типа по изображению на реверсе горита, палицы и колоса (рис. 12, 4). Судя по фотографии монеты (251, tab. VIII, 38), размещение легенды аналогично отмеченному на монетах второго типа. Этот экземпляр ошибочно отнесен В. Канараке к типу монет с Аполлоном (251, р. 250, № 37). Он уникален в своем роде, во-первых, тем, что в отличие от всех царских монет, изготовленных из меди, он сделан из серебра, правда, низкопробного;

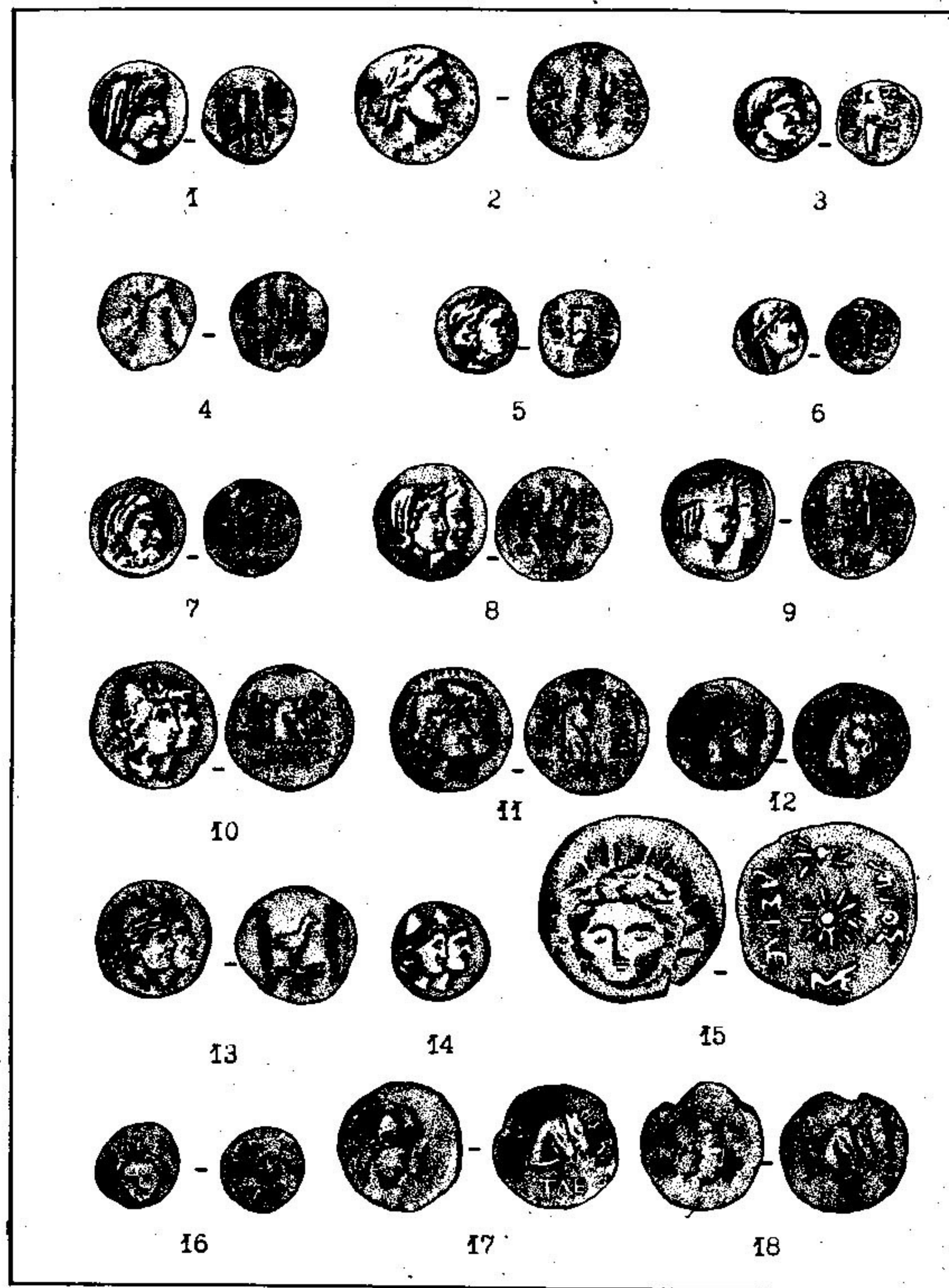

Рис. 12. Монеты царей Малой Скифии: Сариака (1—6); Акросака (7—12), Харасна (13—14); Айлия (15—18).

* У И. Юрковой монета данного типа неверно отнесена к типу эмиссий с Аполлоном (315, р. 110).

** Реверс монеты на табл. VIII, 41 дан В. Канараке в перевернутом виде.

во-вторых, тем, что здесь впервые читается полное имя царя — ΣΑΡΙΑΚΟΥ, повторенное на обнаруженном недавно посвящении (278; 116). На реверсе монет второго варианта изображен только горит (рис. 12, 3). Написание легенды традиционно.

Четвертый и пятый типы выпусков Сариака представлены одиночными экземплярами с головой Аполлона, вправо, и его атрибута на реверсе — треножника, под которым размещена монограмма AN (рис. 12, 5), и соответственно, головой Гермеса в петасе, вправо, и его атрибута — кадуцея (рис. 12, 6). Легенда размещена традиционно.

Согласно монограммам, за выпуски монет Сариака отвечали три монетария, два из которых работали еще при Каните.

По изображениям на аверсе все эмиссии Акросака относятся к трем типам, наиболее часто встречающимся на царских монетах.

Монеты первого типа с головами Диоскуров в конических шапках, украшенных лавровыми венками, вправо, представлены девятью экземплярами. По изображениям на реверсе они делятся на два варианта: 1) головы двух коней вправо — 8 монет (рис. 12, 10, 12); 2) голова одного коня вправо — 1 монета (рис. 12, 11).

Ко второму типу относятся 5 монет, на аверсе которых фигурируют Деметра и Кора в покрывалах с выбивающимися из-под них колосками и увитых лавровыми венками, вправо; на реверсе — два колоса (рис. 12, 8, 9).

Третий тип выпусков Акросака с Зевсом в лавровом венке и рогом изобилия на реверсе представлен всего одним экземпляром (рис. 12, 7).

Все эмиссии Акросака были выпущены двумя монетариями. Для пяти экземпляров с Диоскурами первого варианта и одного с Деметрой и Корой известно сокращение EY, расположенное горизонтально внизу. Во всех случаях на монетах этого монетария расположение легенды аналогично тому, что наблюдалось для выпусков Сариака монетарием с монограммой ПУР. Все остальные монеты Акросака чеканены лицом, чье имя начинается буквами AN, уже известными по монетам Канита и Сариака. Если на монетах с Зевсом оно имеет еще традиционный вид, то на остальных выпусках это сокращение имени более расширено и состоит из букв ANDP, ANDPPE. На экземпляре из кабинета Готы Т. Герасимов прочел ANDPPO (65, с. 56), а В. Канарак на румынской монете — ANDPPOY (251, р. 246). Иногда надпись сделана в виде монограммы из четырех букв, в других случаях монограммой оформлены первые четыре буквы, а последняя стоит особняком, или наоборот, все буквы не связаны между собой.

Следует упомянуть здесь, что сочетание имени царя с данным сокращением имени магистрата приводило к тому, что царское имя читалось рядом исследователей как Акросандр или Акросандроу (309, р. 397—401; 150, с. 343, № 5809—5811), хотя другие ученые настаивали на отдельном прочтении надписи: AKPOΣA — как имени царя, а букв AN, ANDP, ANDPPE — как сокращения, принятого среди монетариев (291, S. 520; 251, р. 246, 247; 208, с. 22—30). Последнее предположение общепринято в настоящее время.

На трех монетах с Диоскурами отмечено наличие контрамарок с головой Зевса (или Великого Бога).

Все одиннадцать монет Хараспа, в отличие от разнообразных эмиссий других правителей Малой Скифии, однотипны. На аверсе их представлены головы Диоскуров в конусовидных шапках, украшенных лавровыми венками, вправо; на реверсе — орел со сложенными крыльями, стоящий на пучке стилизованных молний, вправо (рис. 12, 13). Все они выпущены на одном монетном дворе монетарием, чье имя в лигатуре ME расположено внизу реверса. Единственный экземпляр маркирован головой Зевса, вправо (рис. 12, 14).

Среди эмиссий Айлия выделены два типа. К первому отнесены четыре монеты с головами Диоскуров в конусовидных шапках, украшенных лавровыми венками, вправо, на аверсе, и головами коней, вправо — на реверсе. Три экземпляра этих монет изготовлены монетарием, чье имя дано в виде монограммы K (рис. 12, 18); на четвертой читается сокращение TAE (рис. 12, 17).

Три монеты второго типа имеют на аверсе лучезарную голову Гелиоса, в анфас; на реверсе — две розетки. Одна монета помечена уже встречавшейся на эмиссиях Хараспа монограммой ME (рис. 12, 15), на двух других присутствует монограмма Π (рис. 12, 16), расшифрованная В. Канарак как TOM (251, р. 249). Нам эти монеты известны только по работам этого румынского исследователя, согласно которым здесь наблюдаются еще два нетрадиционных расположения легенды. На экземпляре с монограммой TOM легенда размещена горизонтально; титул вверху, имя правителя внизу, монограмма слева от розеток, повернута набок; на монете с монограммой ME надпись размещена вертикально, сверху вниз, имя справа, титул слева, монограмма внизу.

Три монеты Танусака также выделены в два типа. К первому типу отнесены два экземпляра, на аверсе которых фигурируют головы Деметры и Кору в покрывалах, из-под которых выглядывают пшеничные колоски, вправо; на реверсе — два пшеничных колоска (рис. 11, 17). Третий экземпляр имеет на

КАНИТ

№ п/п	кол-во	аверс	реверс	контрамарка	монограмма	в е с
1	2	3	4	5	6	7
1	3	Деметра и Кора	2 факела и колос		ΒΙΧΟ	8, 30; 11, 85
2	2	—/—	—/—			8, 25
3	2	—/—	—/—		ΑΡΙΣ	7, 88; 8, 90
4	5		2 колоса		ΒΑΚ	8, 05; 8, 41; 9, 76
5	1	—/—	2 факела и колос	Гермес		
6	1	Деметра	колос и факел		ΠΟΛΥ	7, 64
7	1	—/—	—/—		№	6, 70
8	1	Зевс	орел на молниях	Деметра		9, 80
9	1	—/—	—/—	—/—	ΑΒ	9, 52

1	2	3	4	5	6	7
10	1	—/—	—/—	Геракл		
11	1	—/—	рог изобилия	Гермес	ΒΑΚ	5, 80
12	2	—/—	горит и палица	Зевс		6, 65; 6, 65
13	1	—/—	—/—			7
14	1	—/—	—/—		№	8, 60
15	2	—/—	палица	Деметра	ΑΠ	8, 60; 6, 50
16	2	Геракл	горит и палица			6, 80; 8, 00
17	1	—/—	—/—	колесо		8, 20
18	1	—/—	лук и палица		ΒΑΚ	3
19	1	—/—	палица		ΑΝ	4, 20
20	3	Гермес	кадуцей			1, 35; 1, 25
21	1	—/—	—/—		ΒΑΚ	1, 60
22	2	—/—	кадуцей и колос		ΑΠΛ	6, 57; 4, 42
23	4	Аполлон	треножник		ΒΑΚ	5, 00; 4, 47
24	2	Дионис	тирс и гроздь			3, 42; 3, 50
25	1	—/—	—/—			4, 10
26	1	Диоскуры	головы 2 коней		№	3, 10

1	2	3	4	5	6	7
			САРИАК			
27	5	Гера	Дубинка, колос		MP	4, 70; 3, 90
28	5	Деметра	2 колоса			5, 28; 5, 60
29	1	—/—	—/—		□	5, 10
30	1	Аполлон	тревожник			
31	1	Гермес	кадуцей			
32	2	Геракл	колчан			
33	1	—/—	колчан, дубинка, колос		MP	
			АКРОСАК			
34	1	Деметра и Кора	2 колоса		АНДР	7, 80
35	3	—/—	—/—		АНДРЕ	7, 90
36	1	—/—	—/—		ЕУ	6, 40
37	1	Зевс—	рог изобилия		АН	

1	2	3	4	5	6	7
38	1	Диоскуры	2 коня		АНДР	9, 70
39	1	—/—	—/—	Зевс	АНДРО	
40	1	—/—	—/—		АНДРЕ	9, 60
41	1	—/—	1 конь		АНДРЕ	8, 85
42	3	—/—	2 коня		ЕУ	10, 15; 9; 9, 90
43	2	—/—	—/—	Зевс	ЕУ	10, 50
			ХАРАСП			
44	10	Диоскуры	орел на молниях		ME	10, 10; 10, 45; 8, 90; 7, 43
45	1	—/—	—/—	Зевс	ME	
			АЙЛИЙ			
46	3	Диоскуры	2 коня		К	8, 25; 8, 66; 6, 75
47	1	—/—	—/—		ТАЕ	10, 12
48	2	Гелиос	2 розетки		ME	
49	1	—/—	—/—		ME	3, 80
			ТАНУСАК			
50	1	Диоскуры	2 коня	Гермес	ВАК	5, 50
51	2	Деметра и Кора	2 колоса	Гермес	ВАК	8, 65

аверсе головы Диоскуров в конических шапках, увитых лавровыми венками, вправо; на реверсе — головы двух коней, вправо. Монеты обоих типов чеканены монетарием ВАК, имя которого уже встречалось на монетах Канита. Все экземпляры маркированы головой Гермеса в петасе, вправо.

Чрезвычайно затруднительно в настоящее время определение весовой системы царских эмиссий. Для 1/3 от общего числа всех известных монет весовые данные в специальной литературе отсутствуют и уточнение их для нас невозможно из-за их разбросанности по различным зарубежным государственным и частным коллекциям. Большие колебания весовой шкалы среди однотипных монет зачастую могут зависеть и от взвешивания их разными лицами с использованием неунифицированных инструментов, так что собранные нами данные могут быть не совсем корректны.

За всю историю изучения царских монет попытки определения их номинальной стоимости были предприняты только для эмиссий Канита. На их основе В. Канаракке выстроил весовую шкалу скифских монет в пределах трех номиналов, равных соответственно 12, 8 и 4 граммам (251, р. 226).

По мнению Т. Герасимова и П. О. Карышковского, весовая система монет тяготеет к метрологии западнопонтийских полисов (65, с. 53—58; 99, с. 56). На основании ее П. О. Карышковский предлагает выделять для царских эмиссий четыре номинала, дающих соотношение 1:1/3:1/4:1/6. Отмечая значительные колебания весов среди однотипных монет Канита, исследователь дал определение веса только для экземпляров с надписью ВАК и отнес к старшему номиналу монеты с Деметрой и Корой; ко второму — с Зевсом и рогом изобилия; к третьему — с Аполлоном; и к четвертому — с Гераклом и Гермесом (99, с. 56).

При классификации эмиссий Канита мы заметили, что наибольшие весовые колебания среди однотипных монет зависят не от буквенных сокращений, а от изображений на реверсе. В этой связи нами была предпринята попытка составления весовой шкалы по типам и вариантам, что позволяет определить номинальную стоимость и экземпляров без именных обозначений, которые составляют треть всех монет этого правителя. При таком подходе к старшему номиналу отнесены все монеты с изображением Деметры и Кору (средний вес которых 8,92 г при колебаниях от 7,88 до 11,85 г) и первый вариант монет с изображением Зевса (средний вес 9,60 г при колебании от 9,52 до 9,80 г).

Второй по порядку номинал представлен эмиссиями с изображением Деметры (средний вес 7,17 г при колебаниях от 6,70 до 7,64 г), первым вариантом монет с изображением Геракла (средний вес 7,66 г, при колебаниях от 6,80 до 8,20 г), третьим и четвертым вариантами монет с профилем Зевса (средний вес 7,23 и 7,50 г, колебания весов от 6,50 до 8,60 г).

Третья весовая группа представлена монетами с Аполлоном (средний вес 4,73 г при колебаниях от 4,42 до 5 г), вторым вариантом монет с Зевсом (вес 5,80 г) и вторым вариантом монет с Гермесом (средний вес 5,49 г при колебаниях от 4,42 до 6,57 г).

К четвертому номиналу отнесены второй и третий варианты с Гераклом (веса 3 и 4,20 г), монеты с Дионисом (средний вес 3,67 г при колебаниях от 3,42 до 4,10) и с Диоскурами (вес 3,10 г).

Пятый номинал представлен первым вариантом монет с Гермесом, средний вес которых 1,4 г при индивидуальных весах от 1,25 до 1,6 г.

Таким образом, при выделении монет Канита в пять номиналов получается весовой ряд соотношений 6:5:3:2:1. Не исключено, что с накоплением новых материалов с их весовыми данными, станет возможно объединение двух старших номиналов в один. На это указывает сейчас наличие больших весов у отдельных монет II номинала, а ведь, как известно, древние монетарии были склонны чаще убавлять вес монет, нежели завешивать его, получая тем самым дополнительную прибыль (106, с. 147—149).

Весовые данные монет остальных правителей не могут быть предметом самостоятельных исследований в связи с их малочисленностью, а зачастую и отсутствием. Однако все они достаточно четко укладываются в весовую шкалу эмиссий Канита. Так, к старшему номиналу относятся монеты с изображением Диоскуров, выпущенные при Хараспе (средний вес 9,22 г при колебаниях от 7,43 до 10,45 г), Акросаке (средний вес 9,69 г при колебаниях от 8,85 до 10,50 г), Айли (средний вес 8,44 г при колебаниях от 6,75 до 10,12 г) и монеты с профилями Деметры и Кору, чеканенные при Танусаке (средний вес 8,65 г).

Второй номинал представлен только монетами Акросака с изображением Деметры и Кору (средний вес 7,36 г при колебаниях от 6,40 до 7,90 г).

Третий номинал состоит из эмиссий двух правителей: Танусака — монета с профилями Диоскуров (вес 5,5 г) и Сарнака — монеты с Деметрой (средний вес 5,3 г при

колебаниях от 5,10 до 5,60 г) и Герой (средний вес 4,30 г при колебаниях от 3,90 до 4,70 г).

Четвертый номинал представлен монетой Айлия с изображением Гелиоса (вес 3,80 г) и вторым вариантом монеты с изображением Геракла, выпущенной при Сариаке (вес 3,10 г).

В настоящее время известны весовые данные 62 царских монет. Подсчет их количества по старшинству показывает, что почти половина (29 монет) была выпущена старшим номиналом; практически поровну (11,9 и 10) вторым, третьим и четвертым номиналами и пятым номиналом — только 3 монеты (табл. 2). Учитывая тяготение определенных серий монет к одному номиналу, можно предположить, что такое же соотношение должно быть характерно и для группы монет с неучтенными весовыми характеристиками. Здесь следует также предварительно подчеркнуть ту особенность, что отличает монеты Сариака от эмиссий остальных правителей: все они обладают крайне малым весом и размещаются в третьей и четвертой весовых группах.

Уже с конца XIX — начала XX в. в нумизматической литературе утвердилось мнение, принятое и современными исследователями, что все эмиссии царей Малой Скифии осуществлялись на монетных дворах западнопонтийских городов: фактура, иконография, стиль изображения и некоторые сокращения имен монетных магистратов аналогичны имеющимся на городских выпусках Одесса, Каллатии и Том (298, S. 259—265; 291, S. 520, 590, 601, 602; 308, p. 523—531; 285, p. 24—29; 163, с. 4; 277, p. 25—34; 64, с. 51—58; 65, с. 53—58; 249, p. 60—83; 251, p. 233—257; 315, p. 105—121). Недавно было приведено доказательство, что даже такой незначительный город Западного Понта, как Дионисополь, также принимал участие в выпуске царских эмиссий (141, с. 132).

Предпринятая было Н. А. Фроловой попытка объявить монеты Канита типа «Геракл/оружие» заимствованными с ольвийских образцов (214, с. 51) не нашла признания (56, с. 234, сн. 25).

Исходя из совершенно неверных исторических реконструкций, основанных на гиперболизации мощи добруджанской Малой Скифии, якобы распространявшей свое влияние и на Северное Причерноморье, В. А. Анохин отнес целый ряд ольвийских монет с именем города и надписью ΕΙΡΗΝΑ к выпускам Акросака (30, с. 50, 51, таб. XIX, XX, №№ 312—320). Как уже было показано, скифское государство занимало в Добрудже весьма скромное место и не могло играть роль гегемона на Западном Понте, не говоря уже о более отдаленных северных пространствах, где в это время складывалась весьма напряженная политическая

ситуация. Еще один весьма важный факт, противоречащий выводам В. А. Анохина, заключается в том, что, в отличие от предложенной исследователем ольвийской серии монет, на всех царских эмиссиях, выпущенных западнопонтийскими полисами, отсутствует имя города. Трудно допустить, чтобы Ольвия, отделенная от скифского государства сотнями километров, была поставлена в условия более жесткие, нежели близлежащие к скифам города. Не выдерживает также никакой критики и высказывание В. А. Анохина о поступлении в Ольвию из Малой Скифии серебра, предназначенного для выпуска царских эмиссий (30, с. 51); ведь, как уже было показано, все царские эмиссии, за исключением одной монеты Сариака, были биты из меди.

Известно, что западнопонтийские города, имея своим покровителем одного бога (36, с. 208—231), не ограничивались изображением на своих монетах только его персоны, а широко использовали весь пантеон: Одесс выпускал монеты с Аполлоном, Зевсом, Деметрой и Корой; Каллатия — монеты с Гераклом, Аполлоном, Гермесом, Дионисом, Деметрой; Томы — монеты с Аполлоном, Диоскурами, Зевсом, Деметрой (291, S. 83—138, 520—560, 587—916). Однако царским эмиссиям соответствовали только некоторые категории городских выпусков. В этой связи большое значение имеет исследование И. Юруковой, которая, помимо ряда общих проблем, связанных со скифской нумизматикой, особое внимание уделила систематизации основных типов царских монет и сопоставлению их с городскими.

В результате проделанной работы, исследовательницей был сделан вывод, что основную роль в выпуске царских эмиссий играли монетные дворы г. Томы. Здесь, по мнению И. Юруковой, были чеканены монеты всех шести царей Малой Скифии, имеющие на себе изображения Диоскуров, Деметры, Зевса (или Великого Бога). Более скромное место в выпуске царских монет занимали Одесс — эмиссии Канита, Танусака и Акросака с изображениями Деметры и Кору; Каллатии — эмиссии Канита и Сариака с изображениями Гермеса и Геракла; Дионисополя — эмиссии Канита с изображением Диониса (315, p. 105—111).

Перенеся полученную схему распределения царских эмиссий по городам на аббревиатуры имен монетных магистратов, И. Юрукова заключает, что идентичные именные обозначения присутствуют на монетах, выпущенных разными полисами. Из этого следует, что функции конкретного монетного магистрата не были ограничены деятельностью одной монетной мастерской, а распространялись на все монетные дворы Том, Одесса, Каллатии и Дионисополя, занятые в производстве царских монет

Царь	Деметра и Кора			Зевс	Геракл	Диоскуры	Гермес	Аполлон	Дионис	Гера	Деметра	Гелиос
	Δραχμή	κοινά	κομ-κομ									
	1	2	3	1 2 3	1 2 3	1 2 3	1 2 3	1 2 3	1 2 3	1 2 3	1 2 3	1 2 3
КАНИТ	1	8	1 1 2 III II 4 IV II 2 II III 1	1 II 3 II IV 1 III IV 1	IV 1 — — —	II III 2 I V 3	III 2 — — —	III 2 — — —	III 2	— — — —	II 2 — — —	— — — —
АКРОСАК	II	3	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—
ХАРАСП	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—	—	—
АЙЛИИ	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—	—	IV 1
ТАНУС	1	1	—	—	—	III 1	—	—	—	—	—	—
САРИАК	—	—	—	—	II IV 1	—	—	—	—	IV 2	—	—

(315, р. 111). Вывод этот нов и находит свое продолжение в высказывании Ю. Г. Виноградова, что греческие монетарии, бывшие прежде полисными магистратами, с установлением скифским государством своего протектората над полисами стали доверенными лицами скифских правителей (56, с. 245, сн. 73). Действительно, деятельность лиц, отвечавших за выпуск царских эмиссий в городских мастерских, но не ограниченная их рамками, возможна только при подчинении полисов скифскому государству.

Картографирование монетных находок позволило локализовать местонахождение около 80 экземпляров. Основная концентрация их наблюдается в прибрежной зоне Добруджи, между Каллатией и Одессом (необъясним пока факт очень редких находок их в районе Том). В единичных количествах монеты зарегистрированы в Ольвии, Тире, Ренийском районе Одесской области, на о. Змеином, в окрестностях Силистрии и Айтоских Бань (рис. 10). Почти все монеты найдены случайно, в результате распашек или разрушения береговой линии, или в процессе целенаправленных сборов, предпринимавшихся отдельными нумизматами. В закрытых комплексах найдены всего четыре монеты Акросака, входящие наряду с золотыми статерами Лисимаха в состав клада из с. Болгарево (258, р. 25—27), и одна монета (отнесение ее к определенному правителю невозможно из-за стертости реверса) в погребении III—II вв. до н. э. некрополя Каллатии (244, р. 237).

Со времени вхождения царских монет в научный оборот эмиссии правителей Малой Скифии воспринимались как яркое свидетельство зарождения и развития в скифском государстве товарно-денежных отношений. Определенный скептицизм по этому поводу стал проявляться только в ряде последних работ. Идея К. Преда, что царские эмиссии служили только для удовлетворения тщеславия скифских правителей (297, р. 182), нашла самостоятельное развитие в исследовании Ю. Г. Виноградова. Исходя из малочисленности царских эмиссий и узости ареала их распространения, исследователь пришел к выводу, что «...чеканка варварскими правителями денежных знаков на монетных дворах греческих полисов ...носила ярко выраженный демонстративный характер; она была явно подчинена политико-пропагандистским целям поставить себя на один уровень с могучими эллинистическими монархиями...», а сами монеты «... не предназначались даже для обслуживания собственно скифской глубинной территории Добруджи, полностью обращаясь наряду с полисной автономной монетой в рамках внутреннего рынка греческих городов и их хоры» (56, с. 235).

Вывод этот не бесспорен. Если демонстративный характер вполне допустим для единичных золотых или серебряных царских монет, о которых упоминает Ю. Г. Виноградов, то весьма сомнительно, чтобы этим же целям служил выпуск варварскими правителями медной разменной монеты. Отметим также, что известная на сегодня малочисленность эмиссий Малой Скифии не отражает всего объема царской чеканки; за исключением единичных случаев, находки большинства монет имеют, во-первых, случайный характер (в археологическом плане территория Добруджи продолжает оставаться белым пятном), а, во-вторых, очень редкие из них чеканены одним и тем же штемпелем (251, р. 227—253; 65, с. 53—57), что предполагает сравнительно многочисленный выпуск царских денежных знаков.

Уязвима и попытка Ю. Г. Виноградова доказать, что царские монеты имели хождение только на территории полисов и их хоры, которую исследователь выводит из факта контрамаркирования монет, применяемого городами, чтобы «...подтвердить их принудительный курс, дабы вызвать к ним доверие у населения» (56, с. 234). Об этом говорит уже то, что контрамарки встречены только на 17 монетах из 96; при этом маркировке подвергались исключительно выпуски двух старших номиналов. В денежных знаках низкой стоимости западнопонтийские полисы, видимо, не нуждались. Кроме того, следует уточнить, что кроме одной монеты с контрамаркой города Истрии (колесо с четырьмя спицами) все остальные надчеканки на выпусках Том, Одесса и Каллатии принадлежат только Томам. Находки этих маркированных монет за пределами города позволяют думать, что они использовались жителями его для внешних торговых операций.

Кроме того, учитывая возможность включения части хоры в состав скифского государства (56, с. 188—190), а также выход Малой Скифии к морю (120, с. 276, сн. 4; 102, с. 51, сн. 90; 32, с. 34—35) в районе городов Плиния, то приходится признать, что царские монеты обращались именно на скифской территории. В таком случае, не отрицая преобладания в экономике Малой Скифии натурального обмена (56, с. 236), можно думать, что в ее пограничных с греческими городами областях, где проводились наиболее активно торговые операции, происходит поворот к товарно-денежным отношениям.

Тесные экономические контакты скифского населения с греческими полисами стали, по-видимому, катализатором зарождения в скифском обществе денежной торговли и привели к необходимости появления собственной монеты; точное

повторение ею (за исключением легенды) городских выпусков облегчало ее беспрепятственное хождение и среди местного, и среди городского населения.

§ 4. Хронология Малой Скифии

Последний этап пребывания скифов в Добрудже и, соответственно, время существования Малой Скифии, определяется обычно весьма продолжительным отрезком времени — III—I вв. до н. э. Основанием такой датировки послужила надпись из Варны в честь антиохийца Гермия, бывшего при дворе Канита (3, с. 251), и монеты царей Малой Скифии — Танусака, Канита, Сариака, Акросака, Хараспа, Айлии — по фактуре и стилю изображений находящие себе аналогии в эмиссиях западнопонтийских городов этого периода (298, с. 343—344; 308; 285, р. 24—29; 277; 249; 250; 251; 64; 65; 315). Недавно опубликована еще одна надпись, упоминающая имя Сариака; она отнесена авторами публикации ко II в. до н. э. (278; 116).

Невзирая на то, что вопросу хронологии Малой Скифии уделено много внимания в работах упомянутых исследователей, единого мнения до сих пор не выработано. Существующие на сегодняшний день точки зрения можно разделить на четыре группы: 1) начало III в. до н. э. (251, р. 226). Помимо установления типологического сходства царских и полисных монет, В. Канарак в своей работе делает попытку определить время чеканки скифских монет на основе оценки политической ситуации на Балканах. Он указывает, что эмиссии не могли выпускаться раньше 300 г. до н. э. (с учетом разгрома скифов Лисимахом) и позже 280 г. до н. э. Нижняя дата определяется им в соответствии с массовым нашествием кельтских племен на Балканский полуостров, которое, якобы привело к полному упадку эллинистической цивилизации. Правда, здесь же автор говорит о возможности существования «греко-скифского» государства в III—I вв. до н. э., вплоть до появления римлян (251, р. 223);

2) вторая половина III — первая половина II в. до н. э. (298, р. 264—265; 277, р. 33). Не останавливаясь на сопоставлении с автономными монетами, У. Кнехтел пытается обосновать начальную дату тем, что право чекана монет скифам предоставили македонские правители, а потому как титул

ΒΑΣΙΛΕΥΣ появляется впервые только на эмиссиях Александра Великого, то, следовательно, чеканка монет скифскими царями датируется эпохой после Александра;

3) вторая половина или конец III в. до н. э. — начало I в. до н. э. (65, с. 57; 35, с. 210—212; 36, с. 143—146, 170; 102, с. 52; 305, р. 24). Дополнительным основанием подобной датировки служит привлечение письменных источников: по начальной дате указаний Плиния (IV, 44) и пс.—Скимна (750, 756, 766) о присутствии скифов у Том и Дионисополя; по конечной дате — сведений Диона Кассия (XXXVIII, 10, 3) об участии скифов в борьбе с римским полководцем Антонием Гибридой;

4) конец II — начало I вв. до н. э. (315, р. 119—121). Причиной такой датировки для И. Юруковой стало определение времени зарытия Болгаревского клада этим периодом. Выделив несколько основных групп изображений на царских монетах, исследовательница пришла к выводу об их единовременной циркуляции и, соответственно, о возможности либо синхронного, либо весьма краткого периода правления скифских царей, которых она считает союзниками Митридата VI в его борьбе с Римом.

Не останавливаясь подробно на разборе аргументации той или иной датировки, отметим, что если во время написания работ У. Кнехтелем и В. Канараке и были возможны в какой-то степени подобные представления, то в настоящий момент они не выдерживают критики. Свое несогласие по поводу точки зрения И. Юруковой мы высказали в специальной работе (22). Наиболее достоверной нам представляется третья точка зрения. Подробнее на вопросе датировки мы остановимся немного ниже.

Сейчас же, возвращаясь к разбору работ по интересующей нас проблеме, отметим, что не меньшее внимание исследователей привлекали и правители Малой Скифии. Уже упоминалось, что известны имена шести скифских царей, хотя в литературе высказывались предположения о существовании еще двух царей. Впервые подобное сообщение было сделано А. В. Орешниковым. Им введена в научный оборот серебряная монета из собрания А. С. Уварова, близкая по типу к монетам царей Малой Скифии. Плохая сохранность монеты обусловила двойное прочтение имени — ЛЕΛΙ (?) ΑΣ (?) (163, с. 14, 15) и ΚΕΛΒΙΑΣ (164, с. 219), причем автор отмечал некоторое сходство его с именем Айлия. Каких-либо других сведений о правителе Скифии с подобным именем у нас нет.

Во втором случае к эмиссиям царей Малой Скифии без каких-либо доказательств отнесены монеты Атея, продатированные

рубежом III—II вв. до н. э. (295, р. 24). Думается, что подобный вывод не имеет под собой никаких оснований.

Итак, имея представление о существовании шести царей Малой Скифии и за отсутствием возможности продатировать правление каждого из них, основное внимание исследователей уделялось вопросу установления хронологической последовательности их. Причем, отметим сразу, неоднократно ставился вопрос о существовании нескольких мелких царств на территории Добруджи и об единовременном правлении всех шести царей (35, с. 210; 249, р. 62; 315, р. 111—121). Если первые два автора в последующих работах отказались от такой постановки вопроса, то И. Юрукова дала развернутую аргументацию своего представления о кратковременности правления всех царей, основывающуюся на идентичности изображений богов с их атрибутами и наличии одних и тех же монограмм на монетах разных царей (315, р. 107—112).

Большее количество сторонников находит представление о Малой Скифии как о едином государстве, с одной непрерывно правящей династией. Невзирая на тот разнобой, который до сих пор существует в определении хронологических рамок существования Малой Скифии, практически все исследователи единогласно ставят Канита во главу списка правителей государства, а Сариака к концу его. Начало такому представлению о порядке правления положил еще К. Реглинг (298, р. 264); основанием тому послужило типологическое сопоставление монет известных к тому времени трех царей — Канита, Хараспа и Акросы. К несколько иному выводу пришел В. Канарак в работе 1933 г. Первым в скифской династии он назвал Хараспа, указывая на негреческий характер имени, близкий к эпохе раннего эллинизма стиль исполнения изображений, однотипность и немногочисленность монет; даже сочетание изображений Диоскуров с символом Зевса — орлом, В. Канарак трактует как непонимание царем греческой религии. Все это, по мнению автора, свидетельствует о непрочности и кратковременности правления первого скифского царя. Танусак назван вторым по сходству изображений на его монетах и монетах Хараспа. Большое количество монет и разнообразие изображений на них позволили В. Канараке отнести Канита в середину списка, что по времени соответствует периоду расцвета и консолидации скифского государства. Из оставшихся царей Сариака назван последним, о чем, якобы, свидетельствует грубый стиль изображений на монетах, низкое качество металла и малая номинальная стоимость, а также сильное влияние греческого языка в его имени. Правление Сариака относят ко времени

упадка государства и его экономическому кризису (249, р. 63). В своей последней, обобщающей работе исследователь, к сожалению, не останавливается на данном вопросе, но характеристику царских эмиссий он, тем не менее, начинает с монет Канита (251, р. 227,) что можно расценивать как признание Канита первым правителем. Т. Герасимов разделяет мнение В. Канараке о периоде правления Сариака как периоде упадка скифского государства, начало которого связывается с нападением варваров с севера (65, с. 57). Под «варварами с севера» следует понимать, видимо, бастарнов. Даже И. Юркова, отстаивая мнение о кратковременности правления царей, живших в эпоху Митридата VI, первое место отводит Каниту, считая, что его монеты играли роль некоего образца для эмиссий остальных царей, в то время как Сариака «... завершает перечень скифских союзников Митридата VI» (315, р. 111, 121).

Справедливое возражение Т. Герасимова вызвало утверждение В. Канараке, что непосредственным преемником Канита следует считать Хараспа: сокращение магистратского имени ВАК встречающееся на монетах Канита и Танусака, позволило исследователю отвести второе место в списке царей Танусаку, и, соответственно, третье место — Хараспу (65, с. 55). С последовательностью правления царей, разработанной Т. Герасимовым, согласился и П. О. Карышковский (99, с. 68, сн. 101).

Таким образом, одни и те же материалы положены в основу разного понимания хронологической последовательности правления царей Малой Скифии. Продолжая разработку этого вопроса, заметим, что мы ни в коей мере не придерживаемся мнения о возможности одновременного существования в Добрудже нескольких самостоятельных государств. Доказательство тому — слишком ограниченная территория, которую занимали скифы, чтобы, будучи раздробленными, могли представлять какую-то значимую, политически организованную силу, во-первых, и, во-вторых, выпуск монет разных царей одним и тем же магистратом, о чем свидетельствуют одинаковые аббревиатуры имен, вряд ли возможен при одновременном их правлении. Вероятнее всего, выпуск монет одним и тем же монетарием для разных династий следует использовать как один из основных аргументов последовательности их правления. Подобные случаи не единичны: известен факт чеканки монет неким Зоилом сначала для Филиппа V Македонского, а затем для его сына Персея в течение десяти лет (281). Нет оснований с этих позиций говорить также о кратковременности правления царей; в античной литературе засвидетельствованы случаи долгожительств (Лукиан Самосатский об Ате).

В своде В. Канараке, характеризующем около 80% всех известных монет Малой Скифии, для царских эмиссий выделены монограммы и аббревиатуры имен шестнадцати магистратов (251, р. 254). На наш взгляд, имена приведенные автором в сводной таблице под №№ 1, 12, №№ 3—5 и №№ 10, 11 можно объединить в три группы, соответствующие не семи магистратам, а трем. Подобные случаи различного написания имени известны как для ежегодно сменявшихся магистратов (106, с. 82, сн. 17), так и при длительной работе одного монетария (280; 281). В итоге получается, что для скифских царей выпускали монеты не 16, а 12 магистратов, причем четверо из них работали последовательно для двух, а то и трех династий. (Таб. 3). Этот вывод находит подтверждение и в высказывании Ю. Г. Виноградова о переходе ряда греческих монетариев на службу к скифским царям (56, с. 245, сн. 73); в случае смерти одного из правителей они могли продолжать работу у его преемника.

Таблица 3

Имена магистратов, выпускавших царские монеты

Танусак	Канит	Сариака	Акросак	Харасп	Айлий
BAK	BAK				
	W, ПЛУ				
	AM, AML	'Я			
	AN	AN	AN, ANDP, ANDPE		
	APIΣ				
	BIHO				
		ΠΡ			
			EY		
				ME	ME
					K
					TAE
					⌘

Придерживаясь мнения, что Канита следует относить к началу скифской династии, мы тем не менее считаем, что возглавлять ее должен Танусак. Об этом свидетельствует наличие сокращения ВАК на монетах только этих двух династов, в то время как Канита объединяет с Сариаком монограмма 'Я и последовательно с Сариаком и Акросак — сокращение АН. Два последних династа — Харасп и Айлий объединены между собой монограммой МЕ. С остальными правителями их связь по сокращениям имен магистратов не прослеживается и последовательность их правления определить сейчас затруднительно.

Мало чем может помочь в этом плане неоднократно упоминаемая нумизматами типологическая близость городских и царских эмиссий. Датировка западнопонтийских монет до сих пор не разработана. Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить, что выпускам Канита наиболее близки монеты Каллатии и Том III—II вв. до н. э. с изображениями Зевса, Аполлона, Деметры и Керы. Монеты Айлия сходны с выпусками Том II — начала I в. до н. э. с изображением Гелиоса и звезд.

Основываясь таким образом, на взаимовстречаемости имен монетных магистратов на царских эмиссиях и, в меньшей степени, на близости их с городскими выпусками мы предлагаем свою точку зрения на последовательность правления царей Малой Скифии. Она показана в таблице 4, где сведены воедино и высказывания наших предшественников.

Таблица 4

Последовательность правления царей Малой Скифии

Реглинг, 1906	Кнехтел, 1919	Канараке, 1933	Герасимов, 1953	Андрух
II пол. III—I пол. II в до н. э.		нач. III в. до н. э.	II пол. III — нач. I в. до н. э.	
Канит Харасп Акросак	Канит Танусак Харасп Акросак Сариак	Харасп Танусак Канит Акросак Сариак	Канит Танусак Харасп Акросак Айлий Сариак	Танусак Канит Сариак Акросак Харасп? Айлий?

Для подтверждения такой последовательности правления царей Малой Скифии и установления их относительной хронологии привлечем и другие материалы. Речь идет о двух эпиграфических памятниках с именами Канита и Сариака и кладе монет из Болгарево с эмиссиями Акросака.

Первый из них — декрет граждан Одесса в честь антиохийца Гермия датируется рубежом III—II или началом II вв. до н. э. (3, с. 125; 100, с. 111; 5, № 124, р. 139—141). Сопоставление текста этого декрета с одновременным ему документом из Аполлонии, где идет речь о заключении оборонительного договора между Аполлонией и Месембрией, с одной стороны и Антиохом, с другой, позволили Х. Данову рассматривать их как свидетельство деятельности во Фракии Антиоха III (77, с. 411, сн. 30). Позиции Антиоха III на Балканах были наиболее стабильны в 197—191 гг. до н. э. (180, с. 125, 126, 263, 264; 34, с. 237—241; 100, с. 106, сн. 7, 8); именно к этому периоду наиболее вероятно относить появление интересующего нас документа.

Другой памятник найден у мыса Калиакра (278; 116). Надпись на нем гласит, что некий Антигон, македонец из города Стибера посвящает алтарь Диоскурам за царя Сариака. Издатели надписи датировали документ второй четвертью II в. до н. э. и предложили видеть в Антигоне декрета придворного Филиппа V Македонского, руководившего переброской бастарнов от устья Дуная к западным границам Македонии (278, р. 162; 116, с. 49). Обоснование предложенной датировки может быть дополнено еще одним аргументом нумизматического порядка. В литературе неоднократно подчеркивался факт низкой номинальной стоимости эмиссий Сариака, что связывалось исследователями с политическим и экономическим упадком Малой Скифии (249, р. 63; 315, р. 121; 65, с. 57; 315, р. 111, 121), соответствующим угасанию этого государства. Оставляя в стороне последнее утверждение, полагаем, что в определенной мере кризисная ситуация в экономике Малой Скифии могла быть обусловлена неоднократными и зачастую неуправляемыми передвижениями бастарнов вблизи ее границ в период со 179 по 168 гг. до н. э.* (Ливий, XXXX, 57, 58; XXXXIV, 26, 27).

*Любопытно, что в это же время в Македонии отмечается также резкое снижение веса монет, что по мнению А. Мамрота объясняется необходимостью стабилизации государственной экономики в период подготовки и ведения военных действий (280, S. 1—28; 281, S. 277—303).

И последний материал, позволяющий определить время правления Акросака — клад из с. Болгарево, состоящий из четырех золотых статеров Лисимаха и четырех бронзовых монет Акросака. Автор публикации этого клада датировал царские эмиссии последней четвертью III в. до н. э. (258, р. 25—26). Однако сейчас имеется немало работ, посвященных хронологии выпусков Лисимаха и его западнопонтийских подражаний. На основе завышенных датировок последних Дж. Прайсом И. Юрукова отнесла эмиссии Акросака, а вместе с ними и остальных правителей к концу II — началу I вв. до н. э. (315, р. 118—121). Следуя более обоснованным разработкам посмертных подражаний выпускам Лисимаха, сделанных А. Серигом (301, р. 183—200, р. 23—25), Б. Пиком и К. Реглингом (291, S. 105, № 255, S. 606, 649, № 471—473, tab. V. 6), мы предложили совершенно другую дату этого клада — 140—120 гг. (22).

Итак, эти три документа могут служить, на наш взгляд, неоспоримым доказательством правления царей в приведенной выше последовательности — Канит — Сариак — Акросак, в течение по меньшей мере 50 лет. Не противоречит этому и сокращение имени одного и того же магистрата на монетах этих правителей. Вполне допустимо, что он мог начать работу в конце правления Канита и закончить ее в начале правления Акросака, то есть работать где-то 40—50 лет.

Обращаясь, наконец, к вопросу датировки Малой Скифии в целом, заметим следующее. Правление Канита, засвидетельствованное Варненским декретом в начале II в. до н. э., совпало, по-видимому, с расцветом скифского государства. Свидетельство тому — многочисленность и разнотипность его монет, для выпуска которых необходима политическая и экономическая стабильность государства. Признавая Канита преемником Танусака, мы, тем самым, относим становление Малой Скифии к рубежу III—II или к концу III в. до н. э.

О конечной дате существования Малой Скифии судить сложнее. Именно на это время приходится правление Хараспа или Айлия. В литературе известно свидетельство Диона Кассия, часто используемое как доказательство военно-политической активности скифов в середине I в. до н. э. Имеется в виду эпизод из его произведения, повествующий о разгроме римского полководца Антония Гибриды в 62 г. до н. э. под Истрией (Кассий, XXXVIII, 10, 3). На основании его Т. В. Блаватская сделала вывод о сохранении господства скифами в Добрудже вплоть до середины I в. до н. э., когда оно было сломлено войсками Бурбисты (35, с. 212). Следует однако

отметить, что Дион Кассий называет союзниками греков «... бастарнов (пришедших или происходящих) из скифов (или Скифии)...» — (перевод П. О. Карышковского), или «... бастарнских скифов (скифов-бастарнов)...» — (перевод Ю. Г. Виноградова)*. Ни один из вариантов перевода не показывает реальных скифов. В этой связи небезынтересно, что в источниках встречаются также сообщения о существовании смешанного кельто-скифского народа: «бастарны, которых основательно считали скифами, перешли Истр...» (Кассий, LI, 23, 2). Оба приведенных отрывка не позволяют видеть в антиримской коалиции скифов. По всей видимости, говорить о существовании в это время какого-либо активного объединения на территории Добруджи не приходится. Об этом же свидетельствует практически беспрепятственное подчинение в 71 г. до н. э. западнопонтийских городов римскому полководцу Марку Лукуллу (36, с. 166).

Отсутствие в Добрудже силы, могущей в какой-то мере противостоять римлянам, предполагает более раннее угасание Малой Скифии. По-видимому, это событие соотносится со временем включения Западного Понта в антиримскую коалицию под эгидой державы Митридата VI Евпатора в начале I в. до н. э. (145, с. 47—56; 146, с. 53; 283, р. 61, 62, 80; 56, с. 238, сн. 48; 291, S. 64, 85, 146, 606).

Таким образом, временем существования государства Малая Скифия следует считать рубеж III — начало I в. до н. э.

5. Малая Скифия и окружающий мир

Формирование скифского государства в чужеродной ему этнической среде, вобравшего в себя к тому же часть фракийской территории с проживавшим на ней населением, не было единовременным и безболезненным актом. Первоначальный этап, ознаменовавший консолидацию скифов в Добрудже и начало становления их государственности, зафиксирован у Страбона. По его свидетельству скифы, переходившие через Тирас и Истр, заселили часть правобережья Дуная. Процесс их вторжения иногда сопровождался конфликтами с фракийцами

*И. Х. Кришан говорит о коалиции греков, бастарнов и гетов против Гибриды (255, р. 244).

в борьбе за обладание территорией, иногда происходил мирно, так как местное население уступало эти земли без сопротивления из-за их сильной заболоченности (Страбон, VII, 4, 5). Исходя из общенациональной ситуации, переход большого количества скифов на правобережье Дуная соответствует III в. до н. э., когда, согласно археологическим исследованиям в степной части Северного Причерноморья наблюдается резкое уменьшение численности населения, а впоследствии и полное его исчезновение (126, с. 51—53; 103, с. 59; 231, с. 191, 192; 175, с. 24—34; 107, с. 66, 67).

Следует подчеркнуть, что Страбон говорит о расселении скифов на каких-то болотистых землях, которые на географической карте Добруджи соответствуют только дельте Дуная. Вблизи он размещает область трибаллов и мисийцев, а также живущих около Каллатии, Том и Истра кробизов и троглодитов (Страбон, VII, 5, 12).

Страбон не останавливается на подробностях взаимоотношений этих народов. Однако для этого времени на севере Добруджи известно по ряду нумизматических и эпиграфических источников политическое объединение гетов, руководимое Москоном с титулом басилевса, а затем, видимо, его последователем Залмодегиком. Если о первом предводителе известно только, что он выпускал свои монеты, находки которых локализуются в районе Тулчи (296, р. 401—408; 288, р. 125—128; 297, р. 180—182), то деятельность второго разворачивается вблизи Истрии, экономике которой он наносит ощутимые удары (292, р. 194; 102, с. 40; 5, № 125). Несомненно, что переправлявшиеся в этот момент через Дунай скифы входили в соприкосновение с этим объединением (сформированным, вероятно, одним из упомянутых Страбоном народов) и вполне возможно, что именно с ним они вели борьбу за обладание данной территорией.

Источники умалчивают о перипетиях этой борьбы, однако столкновения с организованными фракийцами, плохое качество отвоеванной земли послужили, по-видимому, непосредственной причиной, заставившей скифов со временем передвинуться к югу. По крайней мере уже во второй половине — конце III в. до н. э. Деметрий Каллатийский в устьях Дуная локализует анонимных фракийцев и бастарнов, тогда как скифы, по его сведениям в этот период размещаются вокруг Том и Дионисополя. Кробизы же, занимавшие согласно Страбону эти земли ранее, сейчас граничат со скифами южнее Дионисополя (пс. — Скимн, 750, 756, 797). Этим же временем датируется сообщение Плиния Старшего (189, с. 50—56), что вблизи Дионисополя

проживают скифы-пахари, имеющие здесь свои поселения (Плиний, IV, 44).

Любопытно отметить, что Деметрий, бывший непосредственным очевидцем событий, происходивших в Добрудже, говорит, во-первых, о расселившихся здесь скифах как о реальном факте, во-вторых, он совершенно не упоминает о фракийском населении вблизи Том, Каллатии и Дионисополя. Сопоставление его свидетельства с археологическими данными не позволяет воспринимать этническую картину столь однозначно. Инфильтрация скифской народности в массив проживавших здесь гетских племен не нарушила хода их жизни. Для периода существования Малой Скифии наибольшая концентрация памятников наблюдается в непосредственной близости от западнопонтских колоний. Для поселений наиболее характерно сочетание лепной гетской и греческой посуды. Однако, на поселениях у сел Диногоция, Албешты, Аджижеа, Мошняны и Меджидия отмечены фрагменты скифской керамики (270, р. 66; 243, р. 105—107). А. И. Мелюкова и В. Илиеску справедливо связывают появление скифской посуды в Добрудже с проникновением на правобережье Дуная скифов Атея (138, с. 139, 242; 263, р. 195; 265, р. 92—96). Но начало жизни на поселениях у сел Мошняны и Аджижеа по датирующим вещам относится не ранее III в. до н. э. (272, р. 70, 71, № 35, 39), то есть основание этих пунктов и, соответственно, появление на них элементов скифской культуры в совокупности с автохтонными синхронно периоду начала становления скифского государства.

Помимо поселений в прибрежной зоне Добруджи следует выделить целую серию погребальных комплексов IV—III и II вв. до н. э., где в отличие от всего фракийского мира, перешедшего в погребальном обряде к кремации, продолжает бытовать и ингумация. Безусловно, нельзя все эти комплексы относить к скифским; здесь могла по-прежнему сохраняться гальштатская традиция или проявлялись какие-то заимствования греческой погребальной обрядности. Однако, те захоронения, где отмечено сочетание ингумации с жертвоприношениями, скифским оружием и, более того, со скифской керамикой, можно связывать только со скифской традицией (Топрайсар, Кумпэна, Михай Витязу и др.). Погребальные комплексы III—II вв. до н. э. с сочетанием таких элементов исследованы вблизи Каллатии — Мангалия, 2 Май (273, р. 74, 89, 90; 274, р. 67—72, 82; 253, р. 54). Добавим также, что скифская керамика найдена и на долговременном могильнике у с. Николае Бэлческу, где обряд погребения представлен и кремацией и ингумацией (270,

Отсутствие чисто скифских поселений в Добрудже, сочетание на известных памятниках скифской, греческой и гетской посуды, с преобладанием последней, показывают, что говорить о наличии здесь некоей этнически однородной скифской общности невозможно. Формирование на этой территории скифского государства шло с активным вовлечением в него гетов и греков, что впоследствии привело к возникновению смешанной, гетерогенной популяции (274, р. 64—83; 94, р. 75—77), возглавляемой скифской династией (которая, вполне вероятно, не оставалась в стороне от этого процесса).

Возвращаясь опять к свидетельству Деметрия о скифах в прибрежной части Добруджи заметим, что маловероятно, чтобы автор не знал о процессе слияния вблизи его родного города местных народов. В этой связи считаем возможным предположить, что он не просто дал картину размещения варварских племен, а наметил контуры тех этно-политических объединений, которые сложились в его время. Ведь его современник Аполлоний Родосский размещает в устьях Дуная фракийцев, живущих смешанно со скифами (IV, 320), о чем опять же умалчивает Деметрий.

Здесь необходимо также отметить указание Деметрия, что «в пограничных областях между кробизами и скифами эта страна имеет жителями смешанных эллинов» (пс.—Скимн, 751). По мнению Ю. Г. Виноградова смешанные эллины (или миксэллины) были зависимым военно-земледельческим населением, одной из обязанностей которого была охрана границ полисов и их сельскохозяйственной территории (53, с. 67; 56, с. 183, сн. 18). Такое понимание их роли вполне согласуется с тем, что для второй половины III в. до н. э., соответствующей начальному этапу формирования скифского государства, Деметрий мог зафиксировать такие противостоящие друг другу политические силы, каковыми были в прибрежной части Добруджи кробизы, скифы и греческие полисы, а в устьях Дуная анонимные фракийцы и бастарны.

Переоценивать роль скифов в Добрудже во второй половине III в. до н. э. нет никаких оснований. Доказательством тому является истрийский декрет в честь Агафокла, датирующийся концом III в. до н. э. (102, с. 36, сн. 3; 107, с. 70).

События, нашедшие отражение в декрете (292, р. 186—221; 300, р. 123—143; 102, с. 36—55; 5, № 131, р. 155—160) свидетельствуют о чрезвычайно сложной обстановке в Добрудже, сложившейся в связи с деятельностью фракийского вождя Золта, направленной против Истрии и ее хоры, а впоследствии

и против Бизоне с ее округой. Действия фракийцев наносили непоправимые беды экономике Истрии, а окружающие ее варвары пытались укрыться за ее стенами (П. О. Карышковский по аналогии с ситуацией, сложившейся в Ольвии эпохи Протогена, допускает возможность идентификации этих варваров со скифами — см.: 102, с. 52—53). После нескольких неудачных попыток освободиться от фракийской угрозы путем организации обороны города, а затем и выплаты определенных денежных сумм, Агафокл, проводивший ранее переговоры с Золтом, был направлен Истрией послом к царю Ремаксу. Упросив царя о помощи, он получил сотню всадников, которые не облегчили положение города, что вызвало второе посольство Агафокла, но уже к сыну Ремакса — Фрад (мону?). Последний выделил в помощь Истрии 600 всадников, действия которых спасли город от окончательного разгрома. Какие меры предпринимал Бизоне и чем для него закончилось нашествие фракийцев источник умалчивает. Ценность декрета заключается еще и в том, что какая-то часть Добруджи документально названа Скифией и отмечено, что греческие города были подвластны Ремаксу.

Свободные передвижения Золта в Добрудже и протекторат Ремакса над западнопонтийскими городами могут быть объяснимы на наш взгляд только тем, что скифское государство находилось сейчас на начальной стадии своего формирования и не представляло собой весомой военно-политической организации, могущей оказать сопротивление отрядам Золта и взять под свою защиту полисы.

Когда происходит перевес сил в пользу скифского государства сейчас достоверно установить невозможно. Однако здесь на помощь приходит декрет из Одесса в честь антиохийца Гермия, датированный началом II в. до н. э. (3, с. 251). Заинтересованность граждан Одесса в расположении к ним царя скифов Канита, зафиксированная в этом декрете, а также то, что Одесс был одним из основных центров, чеканивших царские монеты, не оставляет сомнения, что во время правления Канита, одного из первых скифских царей, город уже находился под властью скифов.

Здесь любопытно сопоставить этот документ с уже упоминавшимся свидетельством Деметрия. По-видимому, за тот промежуток, что прошел со времени жизни автора до написания Варненского декрета, скифы покорили или изгнали кробизов и безымянных фракийцев, окружавших город, и расширили свою территорию на юг до Одесса, установив над ним свое господство.

Кроме того, нумизматические находки свидетельствуют, что это государство одновременно распространило свою власть и на Томы, Каллатию и Дионисополь, выпускавшие царские монеты. Среди исследователей сложилось твердое убеждение, что типологическая близость царских и полисных эмиссий происходит не из простого заимствования правителями образцов автономных монет, а свидетельствует об использовании ими для своих нужд монетных мастерских указанных городов (298, р. 259; 163, с. 3; 251, р. 213—257; 65, с. 53—58; 141, с. 132; 315, р. 105—112).

Датировка Варненского декрета эпиграфистами и определенное нами время правления Канита началом II в. до н. э. показывают, что окончательное формирование скифского государства и использование его правителями монетных мастерских западнопонтийских полисов происходит спустя очень короткий срок после ситуации, описанной в истрийском документе.

Практически полное отсутствие источников затрудняет возможность установления времени, причин и самого хода подчинения скифскому государству. В свое время Т. В. Блаватской, знакомой с текстом декрета только по ссылкам, было высказано осторожное предположение, что Золту в своих передвижениях по Добрудже удалось на короткий срок подчинить себе скифов, уже осуществлявших господство над Томами и Одессом (36, с. 152). Сейчас эта версия исследовательницы не может быть принята. Во-первых, декрет не упоминает какого-либо противодействия скифов Золту, которое они должны были оказать фракийцам, отстаивая нерушимость своих границ, или хотя бы защищая подчиненные им города. Во-вторых, известно по декрету, что Истрия и еще ряд городов Добруджи (к сожалению, в документе они не названы, но несомненно, что речь идет о полисах, расположенных южнее Истрии) находились под протекторатом Ремакса, что уже автоматически исключает возможность подчинения их скифами.

Для объяснения кардинальных изменений политической ситуации в Добрудже возможны два объяснения. Первое из них, чисто гипотетическое, предполагает ослабление государства Ремакса и его сына Фрад(мона?), или переориентацию интересов, в связи с чем правобережье Дуная выпадает из его поля зрения, чем немедленно воспользовались скифы. Более правдоподобно следующее объяснение. Из текста декрета известно, что Ремакс, чье царство находилось к северу от Дуная (102, с. 41 и библ.), требуя выплаты регулярной дани

с Истрии и, вероятно, с других подвластных городов, что безусловно негативно влияло на состояние их экономики, в то же время не обеспечивал их эффективной, действенной защитой в случае опасности. Такое положение в виду постоянной варварской угрозы могло привести греческие полисы к необходимости поиска другого покровителя. Таковым, по-видимому, со временем стало набравшее по соседству силы скифское государство. Аналогичная ситуация, правда с большим временным разрывом, зафиксирована и для Ольвии, которая в середине II в. до н. э. в связи с участвовавшими нападениями варваров ищет себе не отдаленного покровителя, каковыми были ранее Сайтафарн и предположительно, Фарнак I Понтийский, а близкого, и находит его в лице Скилура (56, с. 180—183, 203, 230, 231).

Поиски протектора были не единственной причиной установления тесных контактов между скифским государством и греческими полисами. В них были заинтересованы обе стороны и это неоднократно отмечалось всеми исследователями, касавшимися данной проблемы. Так, В. Канарак, подчеркивая чисто экономический, торговый характер взаимоотношений между полисами и скифским государством на начальном этапе развития последнего, приходит к выводу, что в процессе своего усиления оно устанавливает и политический контроль над ними и одновременно берет на себя их защиту от окружающих варваров (251, р. 220—223). Также подчеркивая экономический момент, Т. В. Блаватская считала, что распространив сферу своего влияния на прибрежные города «скифские цари желали использовать греческих торговцев и греческий флот для вывоза продуктов своего царства». Греки же, признав их главенство «смогли установить тесный контакт с внутренними областями страны», наладить постоянную торговлю и в то же время получить защиту для своих городов (36, с. 146, 157, 158).

По-видимому, нет смысла разграничивать эти формы взаимоотношений какими-то временными рамками. С окончательным формированием скифского государства они вступают в силу одновременно. Очень хорошо это продемонстрировал Ю. Г. Виноградов, давший более детальную характеристику разносторонней заинтересованности в контактах скифов и греков. Со стороны скифов: «... взимание фороса в обмен на гарантии... защиты от грабительских набегов, затем интерес в получении военной... техники, военных экспертов, технических специалистов, в строительстве собственного военного флота, наконец, в привлечении ко двору эллинизированных полуварварских правителей: врачей, техников, художников

и ремесленников и т. п.». Со стороны греков: «... некоторые слои греческого общества получали известную прибыль... транзитной реализацией на причерноморском и средиземноморском рынках продуктов, поступавших со скифской территории» (56, с. 239).

Такая разработка дана исследователем применительно к общим тенденциям греко-варварских взаимоотношений. Что же касается непосредственно населения Нижнего Подунавья, то заинтересованность противоположных сторон в экономических контактах безусловна. Греки видели в населении Малой Скифии реального партнера для широких торговых сделок, поставляя сюда предметы роскоши, керамику, вина и т. д., что подтверждается огромным количеством греческого инвентаря на территории Добруджи. Скифы же нуждались в греческом рынке для вывоза в первую очередь сельскохозяйственной продукции. Характер поселений и наименование Плинием скифов пахарями свидетельствует об оседлом, земледельческом образе их жизни. Торговые операции могли совершаться при сочетании натурального обмена с товарно-денежными отношениями, с применением в последнем случае в одинаковой мере как автономных, так и царских эмиссий обоими партнерами.

Здесь любопытно провести еще одно сравнение взаимоотношений Ольвии и западнопонтских полисов со скифскими государствами. В свое время Б. Н. Граков на основе сообщений Страбона о разгроме Неоптолемом варваров в морском сражении и посвящения Посидея Ахиллу высказал предположение о наличии у скифов собственного военного флота (69, с. 87). Занявшись анализом этого вопроса, Ю. Г. Виноградов пришел к выводу о преимущественном использовании скифами в своих экономических и военных целях ольвийского флота и руководстве им царским доверенным лицом, каковым выступает Посидей, сын Посидея (56, с. 241—246) и, возможно, боспорского (54а, с. 86). По отношению к задунайскому региону такие источники отсутствуют, хотя Ю. Г. Виноградов допускает возможность руководства морским сражением Антигона, состоявшего на службе у Сариака (56, с. 245, 246, сн. 73). Такая трактовка деятельности македонца Антигона кажется нам неправомочной, на чем подробнее мы остановимся ниже. В то же время, выход скифов к морю в районе поселений Плиния и широкое использование ими полисов как трансагентов для вывоза своей продукции предполагают активное использование греческого флота. С другой стороны, имеется яркое свидетельство добровольного предоставления греками если не флота, то

хотя бы своих портов отдельным представителям скифского государства. Речь идет о декрете в честь Гермия, где благодарные граждане Одесса в ряду обычных привилегий предоставляют ему право свободного приплыва и отплытия и отмены пошлины на приобретаемые им товары (3, с. 251).

Тесные экономические, политические и культурные контакты скифского государства и западнопонтских полисов способствовали эллинизации скифской и варваризации греческой аристократии. Происходил этот процесс не только путем заимствований в материальной и духовной культуре, но и посредством заключения браков, о чем свидетельствует употребление имен «Скиф», «Скифо...» в высших кругах Том и Каллатии (36, с. 147, 205, прилож., № 23). Кроме того, Овидий в своих «Тристиях» (III, 14, 37—52; IV, 6, 45; IV, 7, 9; V, 10, 30) отмечает в Томах для I в. до н. э. сильную варваризацию всего населения, процесс которой, безусловно, начался намного раньше. Подобная же ситуация складывается, несомненно, и за пределами полисов, в среде рядовых жителей городской хоры и скифского государства, так что употребление рядом ученых термина «миксэллины» в смысле появления смешанных этносов в прибрежной части Добруджи кажется вполне оправданным (274, р. 64—83; 94, с. 76).

Характер взаимоотношений скифского государства и греческих полисов трактуется в литературе неоднозначно: некоторые исследователи высказывались кратко в пользу подчинения городов скифской власти (36, с. 145—147); другие предлагали говорить об установлении между ними дружественных отношений (214, с. 50—55). В последнее время на основе анализа различных аспектов греко-варварских взаимоотношений Ю. Г. Виноградовым разработана блестящая и достаточно всеобъемлющая концепция «варварского протектората»; согласно этой концепции скифское государство, в обмен на гарантии защиты полисов в случае военной опасности и без вторжения в политические сферы их деятельности, осуществляло контроль над экономической и внеэкономической эксплуатацией греческих городов (путем взимания дани, получения даров, кормления войска по типу «персидских угощений», эмиссии монет), попутно способствуя развитию их экономики за счет интенсификации внешней торговли и ремесел (56, с. 230—250, 274—276). Исходя из этой концепции, становится понятной независимость внутренней и внешней политики западнопонтских полисов, которые, находясь под властью Малой Скифии, продолжали сохранять свою традиционную структуру управления и свободу во внешних сношениях (36, с. 142—158; 247, р. 243—249).

Еще одним характерным моментом протектората, по мнению Ю. Г. Виноградова, было постоянное «стремление варварских правителей привлечь к себе на службу греческих советников, экспертов, военных специалистов... Таковыми были антиохиец Гермей у Канита..., Антигон при Сариаке» (56, с. 274).

Личность Гермия понималась в литературе неоднозначно. Иногда он назывался богатым купцом, пребывающим у Канита по торговым делам (100, с. 111, сн. 32), хотя мало вероятно, чтобы простой купец мог обладать какой-либо властью у скифского царя и защищать попутно интересы граждан Одесса, как о том свидетельствует декрет. Чаше в нем склонны видеть какое-то влиятельное сановное лицо, находящееся на службе у Канита и не чужающееся, возможно, коммерческих операций (277, р. 29; 299, р. 4; 36, с. 137; 107, с. 72; 56, с. 236, 237, 241). Соглашаясь с такой интерпретацией деятельности Гермия, мы хотим обратить внимание еще на один возможный аспект проблемы. Антиохийское гражданство Гермия позволило в свое время Х. Данову, а вслед за ним и нам, рассматривать этот документ в связи с деятельностью Селевкидов на Балканах в период правления Антиоха III (77, с. 411, сн. 30; 20, с. 9, 10). Начав завоевание Фракии, Антиох III провозгласил себя защитником эллинов и привлек их на свою сторону, разгромив противоборствующих ему и притеснявших греков фракийцев, и склонил к союзу галатов (Аппиан, Сирийские дела, 6). Предполагается даже, что Антиох III мог заключить альянс с западнопонтийскими городами против Рима (34, с. 27; 283, р. 49). Скифы, осуществлявшие протекторат над городами, вряд ли могли остаться безучастными к происходившим событиям. При такой реконструкции политической ситуации в Подунавье вполне допустимо, что Малая Скифия также была вовлечена в орбиту действий державы Селевкидов, а присутствие антиохийца Гермия в ставке скифского царя может свидетельствовать об обоюдной заинтересованности во взаимодействиях Антиоха III и Канита.

Интересна и личность македонца Антигона, поставившего за царя Сариака в честь Диоскуров алтарь, найденный недавно у мыса Калиакра. По предположению издателей надписи, с которыми согласился и Ю. Г. Виноградов, упомянутый Антигон был сначала полководцем Филиппа V Македонского, руководившим передвижением бастарнов, а после смерти царя он перешел на службу к царю Малой Скифии Сариаку. В дальнейшем М. Лазаров предлагает видеть в нем придворного Сариака, занимавшегося выпуском царских монет, а Ю. Г. Вино-

градов — полководца, успешно руководившего военными операциями скифов (возможно, морскими), после одной из которых и был воздвигнут алтарь Диоскурам (278, р. 156—163; 116, с. 47—50; 56, с. 245, 246, сн. 73).

Однако Тит Ливий неоднократно упоминает некоего Антигона, проводившего переговоры с бастарнами не только при Филиппе V, но и при его сыне Персее (XXX, 57; 58; XXXIV, 26; 27). Историк не уточняет, что это был один и тот же человек*, но из контекста его труда видно, что придворному Персея была знакома такая работа. То есть переход Антигона на службу к Сариаку, если это так, был возможен только после смерти Персея. Уязвимы и предположения исследователей о направленности работы Антигона при дворе Сариака. У Тита Ливия он предстает просто как придворный, осуществлявший переговоры между македонскими династиями и варварскими правителями. Ни о его самостоятельной военной деятельности, ни тем более о знакомстве с монетным делом автор не говорит. Если впоследствии и возможна его переквалификация в военного деятеля (судя по тексту источника, незнакомого с морским делом), то участие в монетном производстве совершенно нереально. М. Лазаров правильно подмечает, что сокращение AN известно на монетах нескольких династов Малой Скифии, однако он совершенно упускает из виду, что на монетах Акросака оно приобретает более расширенный вид и выступает как ANDP ... Так что сопоставление монограммы монетного магистрата с именем Антигона, как о том полагает М. Лазаров, невозможно.

Для этого документа нам кажется более правомерной следующая реконструкция. Известно, что в связи с подготовкой Македонией войны против Рима взоры ее после длительного перерыва обращаются к Фракии как к основному поставщику людских ресурсов и съестных припасов (34, с. 268, 269). С северо-восточной политикой Филиппа V связано и установление контактов с бастарнами, проживавшими сейчас в устьях Дуная (пс.—Скимн, 797), которых Филипп планировал использовать для борьбы с северными соседями Македонии дарданами, а впоследствии и в войне с Римом. Для того, чтобы обеспечить безопасный переход их во Фракию и наладить снабжение войска продуктами, Филипп задарил предводителей областей, через которые проходил маршрут

*По любезно предоставленной Ю. Г. Виноградовым информации, при дворе македонских правителей известно несколько Антигонов-современников.

бастарнов. Согласно современным реконструкциям сухопутных дорог во Фракии вообще и маршрута бастарнов, в частности, выходит, что путь их в самом начале пролегал через территорию скифского государства (36, с. 153, сн. 2—5; 84, с. 81, 113, 114, карта V; 229, с. 80). В этой связи вполне допустимо, что скифский династ мог оказаться в числе одаренных Филиппом V правителей варварских областей, а алтарь, поставленный Антигоном, должен отражать факт успешного продвижения бастарнов через скифские владения. Это тем более вероятно, что Диоскуры почитались не только как покровители моряков и мореходства, как о том говорит М. Лазаров (116, с. 48), но и оказывали помощь в сражениях, особенно всадникам (241; 279, р. 136). Потому как подготовка и передислоцирование бастарнов осуществлялись в течение длительного времени (со 182 по 179 г. до н. э.), то у Антигона было достаточно возможностей для установки этого алтаря.

Таким образом, и декрет в честь Гермия, и алтарь Антигона в честь Диоскуров могут свидетельствовать даже не столько об их службе у скифских правителей, сколько о заинтересованности в добрых отношениях со скифами представителей могущественных государств в период участия их во фракийских делах.

До сих пор нет и однозначного понимания взаимоотношений Малой Скифии с ее северо-восточными соседями. В конце III—II вв. до н. э. в Северном Причерноморье складывается чрезвычайно напряженная военно-политическая ситуация. Именно к этому времени относится появление на западе Скифии воинственных объединений галатов и скиров, угрожавших Ольвии и соседнему с ней варварскому населению (IOSPE, 1, № 32), бастарнов (Страбон, VII, 3, 13; пс.—Скимн, 797; Ливий, XXX, 57; 58; XXXIV, 26; 27), активно действовавших в районе Нижнего Подунавья (101; 121; 127) и еще ряда фракийских формирований, локализовавшихся к северо-западу от устьев Дуная (311, р. 275—282, fig. 1; 93, с. 15—17; 95, с. 16—17; 297, fig. 16, 17, 19). Превращение земель к северу от Дуная в ареал передвижений многочисленных воинственных группировок должно было привести, казалось бы, к окончательной изоляции Малой Скифии в Добрудже.

Однако, имеются данные, правда, весьма немногочисленные, которые могут свидетельствовать о каких-то связях населения Малой Скифии с Северным Причерноморьем. Так, в Нижнем Поднепровье исследованы два позднескифских комплекса, которым присущи некоторые черты фракийской культуры, что, по мнению издателей, предполагает наличие непосредственных

контактов скифов с фракийцами и, более того, «передвижения каких-то групп позднескифского населения Крыма в Подунавье и обратно» (91, с. 252). Эти соображения чрезвычайно любопытны для нас, хотя в то же время нельзя не учитывать возможность простого заимствования каких-то культурных элементов.

Обратимся к более близкому региону. К рубежу III — началу II в. до н. э. в Подунавье относятся клад вещей из Семеновки (81, с. 148—161) и тризны могильника Курчи, где наряду с фрагментами типично скифской керамики найдены родосские клейма, датирующиеся 220—180 гг. до н. э. (27, с. 157). Косвенным свидетельством того, что они (по крайней мере тризны) могли быть оставлены выходцами из Малой Скифии, служит находка монеты царя Сариака в непосредственной близости от могильника Курчи, у с. Котловина (21, с. 62—63).

Помимо этой монеты, царские эмиссии были обнаружены в Тире и Ольвии (99, с. 48—53; 19, с. 143—145). В литературе имеются указания нумизматов XIX в. о подобных находках в Крыму (108, с. 23; 45, с. 17). Выше нами говорилось, что столь широкий ареал распространения царских эмиссий послужил основанием для ряда исследователей или искать скифское царство в Северном Причерноморье со столицей в Ольвии или в Крыму (108, с. 25), или размещать его на огромном пространстве от Одесса до Неаполя, предположительно со столицей в Неаполе (118, с. 126; 3, с. 251). Впоследствии, с локализацией Малой Скифии в Добрудже, была примерно очерчена территория государства и определены города, чеканившие царские монеты (298, р. 259—265), причем если А. В. Орешников отрицал только возможность выпуска монет в Ольвии, то изменивший свою точку зрения Б. Н. Граков, а впоследствии и Т. В. Блаватская, исходя из этно-исторической и политической ситуации в Северном Причерноморье, отвергали возможность существования единого скифского царства на столь огромной территории (70, с. 27; 36, с. 145, сн. 2).

Исследователи, неоднократно обращавшиеся к истории Малой Скифии, считали, что находки царских монет в Тире, Ольвии и, возможно, в Крыму имеют в основном экономическую подоплеку и характеризуют торговые связи — прямые или опосредованные — населения Малой Скифии с греческими колониями Северного Причерноморья (99; 107, с. 78; 214, с. 54, 55).

Совершенно иную трактовку распространению монет скифских династов в северопричерноморских колониях предложил недавно В. А. Анохин. Исходя из факта чрезвычайно сложной политической обстановки, зафиксированной в декрете

в честь Протогена, автор считает, что Ольвия единственную опору для противодействия враждебным саиям, грозившим с востока, могла «искать только на западе, где на территории Добруджи складывалось государственное объединение Малой Скифии». Этому способствовало и то, что одним из направлений политики скифского государства было установление дружественных отношений с греками, что в результате привело, по мнению исследователя, к распространению его влияния на Ольвию. Более того, В. А. Анохин говорит даже «о наличии в городе какого-то контингента войск, присланных Акросой для его защиты» в середине II в. до н. э., доказательство чему он видит в упоминании на ольвийской эпитафии некоего фракийского (выделено нами — С. А.) предводителя Дизазельма, сына Севта. И, наконец, касаясь выпуска скифскими царями своих денежных знаков, В. А. Анохин считает несомненным использование ими ольвийских монетных мастерских, для чего, якобы, была даже налажена поставка серебра из Малой Скифии, факт которой он выводит из одной, до сих пор еще не идентифицированной окончательно монеты с надписью ЛЕΛΙ(?) ΑΣ(?) или ΚΕΛΒΙΑΣ (30, с. 50, 51).

О бездоказательности отнесения В. А. Анохиным серии царских монет к выпускам Ольвии, включения в этот ряд некоторых чужеродных эмиссий и попытки их датировки уже говорилось выше (см. §3). Не имеют под собой оснований и остальные рассуждения исследователя. Это исходит уже из того, что тот же декрет в честь Протогена, помимо грозных саиев, грозивших Ольвии с востока, упоминает галатов и скифов, грозивших городу и его варварскому окружению с запада. Близкий по времени декрет из Истрии, повествующий о деятельности Золта, не позволяет пока говорить о сформировавшемся уже в Добрудже скифском государстве. В этот же период в устьях Дуная становятся известны бастарны, проводившие здесь весьма активную политику в течение всего II в. до н. э., невзирая на реальное существование сейчас Малой Скифии и, возможно, даже подрывавшие ее жизнеспособность. Что же касается ольвийской эпитафии, то она убедительно продатирована Ю. Г. Виноградовым временем Митридата VI, а сам Дизазельм рассматривается как предводитель фракийцев, входивших в состав войска понтийского царя (56, с. 255). Совокупность этих фактов отрицает возможность того, чтобы разделенные между собой огромным расстоянием и враждебными группировками скифское государство и Ольвия могли оказывать друг другу какую-либо существенную помощь. Сейчас можно считать доказанным, что Ольвия нашла себе более надежного и близкого союзника, каковым с середины II

в. до н. э. выступает Скилур и, возможно, Фарнак I Понтийский — в первой половине этого столетия (56, с. 229—250).

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что контакты Малой Скифии с Северным Причерноморьем были весьма слабы, что объясняется как маломощностью самого государства, так и сложной политической ситуацией в северо-причерноморских степях. Невзирая на такую обстановку, незначительные инфильтрации в Северное Причерноморье населения Малой Скифии, судя по наличию здесь одновременных археологических и нумизматических материалов и по сообщению Страбона о постоянных перемещениях на Дунае народов, в которых принимали участие и скифы (VII, 3, 12; VII, 3, 13; VII, 5, 1), несомненны. Исходя из находок в Тире и Ольвии немаркированных царских монет, вполне допустимо присутствие здесь представителей Малой Скифии, которые, вероятно, преследовали цели установления в первую очередь торговых отношений с жителями этих городов. О характере и интенсивности этих связей, как и о возможности заключения каких-то политических контактов, судить сложно.

Таким образом, на основании имеющихся источников можно выделить два основных направления во внешней политике скифского государства: 1) захват какой-то части фракийских земель в Добрудже вместе с проживавшим на них населением и установление протектората над западнопонтийскими полисами на всем протяжении существования Малой Скифии; 2) налаживание спорадических, недолговременных контактов политического или экономического характера с более отдаленными центрами.

С включением Западного Причерноморья на рубеже II—I вв. до н. э. в орбиту действий Митридата VI и установлением его протектората над греческими полисами Малая Скифия как самостоятельное государство прекращает свое существование.

Современное состояние источников позволило уточнить целый ряд вопросов, связанных с расселением скифов на западных рубежах степей Причерноморья, и определить характер и динамику их взаимоотношений с окружающим, в первую очередь фракийским, миром.

На основании археологического материала, подкрепленного письменными источниками, стало возможным говорить о заселении Буджакской степи скифами синхронно с освоением ими степных пространств Северного Причерноморья. С этого времени скифы стали на левобережье Дуная мощным этническим и политическим элементом, во многом определявшим течение жизни соседних народов в V—IV вв. до н. э.

После неудачной попытки продвижения скифов на Балканы, прерванной формированием царства одрисов, их границы окончательно закрепляются по Дунаю, а правители этих народов заключают династические браки. Это во многом способствовало мирному урегулированию пограничных конфликтов. Стабильность границ по Дунаю нашла отражение и у Фукидида, давшего оценку общеполитической ситуации на Балканах применительно к рубежу 30—20 гг. V в. до н. э.

В оценке взаимоотношений скифов с греческими городами Поднепровья в V в. до н. э. наиболее правомерной нам представляется выдвинутая Ю. Г. Виноградовым концепция «варварского протектората».

Что касается степени заселенности Буджакской степи в V в. до н. э., то малочисленность памятников здесь находит полное соответствие в археологической карте всей степной Скифии.

С конца V в. до н. э. ситуация резко изменяется. В Буджаке появляются многочисленные курганы, формируются компактные могильники. Картографирование скифских памятников

показывает их равномерное распределение по всему пространству Дунай—Днестровского междуречья, с преимущественным расположением могильников в долинах степных речек и в местах переправ через Днестр и Дунай.

С расцветом скифской культуры совпало по времени и возрождение сельскохозяйственной жизни греческих городов. Причина тому видится в политической дестабилизации скифского общества, приведшей к ослаблению контроля над городами, и в кардинальных изменениях в скифской экономике в связи с переходом от кочевого к полукочевому ведению хозяйства. К середине IV в. до н. э. в низовьях Днестра возникают смешанные греко-скифские поселения.

В IV в. до н. э. на пограничье степи и лесостепи среди фракийских памятников появляются скифские захоронения (Суручены, Данчены), что может свидетельствовать о совместном проживании двух этносов в контактной зоне. До сих пор было общепризнанным, что фракийцы появляются в Буджакской степи только после скифо-македонского конфликта. Однако на основании хронологического членения амфорного материала из наиболее известного гетского поселения у с. Пивденное была выделена группа клейм I половины IV в. до н. э., что позволило несколько понизить дату основания поселения. Тогда же, судя по распределению керамики по слоям и комплексам, здесь появляется фракийское население. С IV в. до н. э. фракийское влияние в материальной культуре скифов проявилось в появлении целой серии бытовых вещей, концентрация которых отмечена в придунайских могильниках.

С окончательным освоением Буджакской степи скифы начинают перемещаться во фракийские земли. В письменной традиции эти передвижения локализируются к югу от Дуная. Сейчас на основании археологических данных стало возможным выделение двух направлений западной экспансии скифов: на правобережье Дуная — в Добруджу и на левобережье — в область современной Мунтении. Второе направление маркировано отдельными могильниками у сел Кисканы и Мурджанка. Наличие здесь отдельных погребений V в. до н. э. позволяет говорить о попытках закрепления скифов на левобережье задолго до событий, связываемых с Атеем.

Скифская экспансия за Дунай не сказалась губительно для фракийцев. На территории Добруджи продолжают функционировать гетские поселения и могильники. Более того, на гетских памятниках появляется скифская керамика, что, вероятно, может свидетельствовать об инфильтрации какой-то части скифов в гетскую среду. В основном присутствие скифов

ощущается археологически только на территории северо-восточной Добруджи. Однако открытие в Болгарии погребений IV в. до н. э. в катакомбах I типа может свидетельствовать о более глубоком проникновении скифов на Балканы.

В попытках закрепления и расширения на фракийских землях скифы столкнулись с трибаллами, истрианами и Македонией. Все эти события носили воинственный характер и связываются с личностью Атея. Предпринятый в работе анализ источников показал, что в Атее следует видеть все-таки не главу огромного государства, а предводителя небольшого военно-политического объединения. Разгром его не повлек за собой губительных для Скифии последствий, а имел весьма локальный характер.

Разгром Атея в ходе скифо-македонского конфликта не отразился, как сейчас устанавливается по археологическим источникам, даже на позициях скифов в Нижнем Подунавье. Здесь, невзирая на приток фракийцев, продолжает проживать скифское население, сохраняя при этом свое политическое господство, как о том свидетельствует разгром Зопириона и совместная борьба с фракийцами и греками против Лисимаха.

Окончательно скифы исчезают с левобережья Дуная только на рубеже IV—III вв. до н. э. Нет оснований искать их сейчас и к востоку от Днестра. Предпринятая С. В. Полиным передатировка Тираспольской группы курганов позволила исследователю вычленить в них две дискретные группы погребений — IV — начала III и II—I вв. до н. э. с лакуной в III в. до н. э. Запустение Буджакской степи происходит синхронно с упадком всей Причерноморской Скифии и перемещением скифского населения на востоке в Крым и Нижнее Поднепровье, на западе — в Добруджу. Причины тому видятся в общем внутреннем кризисе степной Скифии.

Менее всего в историографии разработана проблема финального этапа пребывания скифов в Подунавье. На основе широкого привлечения всех источников мы попытались дать свою интерпретацию вопросов, связанных с определением территории Малой Скифии, времени ее существования, этнического состава, взаимоотношений с окружающим миром. Проведенный анализ показывает, что при всем своем внешнем сходстве с Малой Скифией в Крыму и Нижнем Поднепровье, развитие Добруджанской Малой Скифии протекало в более сложных внешнеполитических условиях, обусловленных ее существованием в чужеродной фракийской среде. Передвижения по территории Добруджи воинственных бастарнов, многократность которых широко отмечена в письменной традиции,

также играли негативную роль в развитии этого государства.

Остался совершенно не рассмотренным вопрос о характере экономического развития Малой Скифии, что объясняется практически полным отсутствием источников. Упоминание Плиния Старшего о проживании в Добрудже скифов-пахарей можно расценивать как свидетельство оседлого, земледельческого образа жизни, к которому перешло и население Малой Скифии в Крыму, однако на этом все наши сведения заканчиваются.

В заключение отметим, что на всех этапах жизни развитие нижнедунайских скифов имело те же закономерности, что характерны для всей Причерноморской Скифии, хотя определенное своеобразие приносила близость к фракийскому миру.

Более подробно события политической истории скифов в Нижнем Подунавье представлены в таблице 5.

Таблица 5

Хроника политических событий истории скифов и соседних народов в Нижнем Подунавье

VI в. — расселение скифов в Северном Причерноморье. Локализация центра их в Нижнем Поднепровье. Использование Буджакской степи для сезонных кочевий.

последняя треть VI в. — правление в Скифии Иданфирса, Скопасиса и Таксакиса. Установление западной границы скифов по Дунаю.

515/512 гг. — поход Дария I на скифов. Первая встреча скифов с персами в Буджакской степи, начало «партизанской тактики» ведения войны. Уход Дария из Скифии и преследование персов скифами.

510—490 гг. — правление Аргота?

496 г. — поход скифов до Херсонеса Фракийского. I этап скифской экспансии в Добруджу.

Продолжение греческой колонизации Северного Причерноморья. Развитие в лесостепной части междуречья Прута и Днестра северофракийских племен гетов.

Подчинение фракийцев, проживавших к югу от Дуная, Дарием I. Освобождение их в результате бегства Дария из Скифии.

Появление скифских вещей в Добрудже. Следы пожаров в Истрии.

490—470 гг. — правление Арнапифа. Завершение I этапа скифской экспансии на Балканы. Женитьба Арнапифа на дочери царя Тереса и на истрианке. Заключение I мирного договора с фракийцами; мирная перемирие.

Направление скифской агрессии против греческих городов. Установление протектората над Ольвией, Тирой и Никонием, сокращение и ликвидация хоры первых двух полисов.

Скифская агрессия в земли к западу от Прута. Военный конфликт скифов и агафирсов. Гибель Арнапифа от руки царя агафирсов Спаргапифа.

470—450/440 гг. — правление Скила. Эмиссия монет Скила в Никонии. Династийная борьба в Скифии. Бегство Скила во Фракию. Встреча в устьях Дуная Октамасада и Ситалка, взаимная выдача Скила и Спарадока (?). Казнь Скила. Заключение II мирного договора с фракийцами (II этап скифо-фракийских отношений).

450/440—430 гг. — правление Октамасада.

430—400 гг. — внутривосточный кризис в скифском обществе, начало междоусобиц. Снижение внешнеполитической активности скифов, ослабление контроля над греческими городами и ликвидация скифского протектората. Переход скифов ко второй стадии кочевания и начало оседания на землю.

400—350 гг. — проникновение фракийского земледельческого населения в Буджакскую степь. Начало смешения скифского, гетского и греческого населения в низовьях Днестра, Дуная и на пограничье степи и лесостепи. Первая фаза III этапа скифской экспансии в Добруджу, продвижение скифов в Мунтению.

500—450 гг. — возникновение и укрепление царства одрисов. Правление Тереса. Подчинение им ряда фракийских племен, установление протектората над западнопонтскими городами. Становление границ Скифии и Фракии по Дунаю.

Появление скифских вещей и погребений в Запрутской Молдове. Возникновение укрепленных городищ.

середина — третья четверть V в. — правление Спарадока и Ситалка. Династийная борьба во Фракии. Бегство Спарадока в Скифию. Сохранение мирных отношений со скифами.

последняя четверть V в. — правление Севта I. Возможно, к его времени относится сюжет из трагедии Эврипида «Рес» о разгроме скифов фракийцами.

400—385 гг. — распад царства одрисов. Правление Севта III и Медока (Амадока?). Междоусобная борьба, переориентация внешней политики на Средиземноморский регион.

первая половина IV в. — 339 г. — правление Атея. Активизация скифской экспансии в Добруджу и Мунтению с середины IV в. Частичное оседание скифов на землю, начало смешения с фракийцами. Установление протектората скифов над греческими городами Добруджи. Столкновение интересов Атея и Византия.

40-е гг. IV в. — столкновение трибаллов со скифами и победа последних.

342 г. — осада Одессы Филиппом II? Помощь городу со стороны Атея.

339 г. — столкновение Атея с «истрианами». Обращение к Филиппу II за помощью. Смерть царя «истриан», отказ от помощи Филиппа. Разгром Филиппом II скифов. Гибель Атея. Ослабление скифской западной экспансии.

331/330 гг. — поход Зопириона в Северное Причерноморье, против скифов, гетов и Ольвии. Разгром его войска в «гетской пустыне». Возобновление скифской экспансии на запад.

последняя треть IV в. — активизация процесса расселения фракийцев в Буджакской степи, вызванная ослаблением скифов. Появление гетских поселений и городищ. Обострение военно-политиче-

385—358 гг. — правление Котиса I. Централизация царства одрисов. Обострение военно-политической ситуации на границах. Смерть Котиса. Распад царства и правление во Фракии Амадока II, Берисада и Керсоблепта. Продолжение II этапа скифской экспансии.

третья четверть IV в. — продвижение к устьям Дуная трибаллов.

353—339 гг. — угроза Фракии со стороны Македонии. Походы Филиппа II во Фракию. Осада Византия.

339 г. — снятие Филиппом II осады Византия, разгром скифов. Уход из Фракии, столкновение с трибаллами, утрата скифских трофеев.

335 г. — поход Александра Македонского против гетов и трибаллов к устьям Дуная.

331/330 гг. — восстание во Фракии Мемнона — наместника Александра, и подстрекаемых им к антимакедонским выступлениям фракийцев.

330—320-е гг. — восшествие на одрисский престол Севта III. Объединение царства одрисов. Начало активной антимакедонской политики со стороны фракийцев и греческих городов.

ской ситуации в регионе (тезаврация кладов у сс. Орловка, Ларгуца, Дороцкое, Олонешты, Сарата, Гура-Галбеней.

рубеж IV—III вв. — угасание северопричерноморской «Великой Скифии» и уход скифов частью в Нижнее Поднепровье и Крым, частью в Добруджу.

вторая половина III—II в. — переименование Буджакской степи из «скифской» в «гетскую пустыню».

середина-вторая половина III в. — локализация скифов у Том и Дионисополя, упоминание шести «скифских» городов вблизи их Плинием Старшим.

220—210 гг. — угроза галатов и скиров Ольвии и стремление окружающих город народов (скифов, фисаматов и савдаратов) найти убежище за его стенами.

около 200 г. — первое документальное наименование Добруджи «Скифией» в декрете в честь Агафокла, сына Антифила.

323 г. — установление господства Македонии во Фракии. Начало военных действий Лисимаха. Выведение им военных гарнизонов в греческие города. **313 г.** — начало антилисимаховской кампании в Добрудже. Создание антимакедонского союза греков, фракийцев и скифов под эгидой Каллатии и разгром союзников Лисимахом. Вытеснение части скифов из Добруджи.

рубеж IV—II вв. — образование гетского царства Дромихета и неудачные войны с ним Лисимаха и его сына Агафокла.

281 г. — гибель Лисимаха и обретение Фракией независимости от Македонии.

III—II вв. — формирование в Добрудже гетских военно-политических объединений.

первая половина III в. — правление Москона на севере Добруджи.

60—50-е гг. III в. — война Каллатии и Истрии против Том. Ослабление западнопонтийских городов вследствие ведения военных действий.

середина-вторая половина III в. — нападения Залмодегика на Истрию. Посольство Агафокла к Залмодегику.

вторая половина-конец III в. — угроза скиров и других «варваров» Истрии.

230—229 гг. — появление бастарнов в устьях Дуная.

рубеж III—II вв. — протекторат Ремакса над западнопонтийскими городами.

вторая половина — рубеж III—II вв. — консолидация скифов в Добрудже и формирование государства «Малая Скифия». Установление протектората над греческими городами. Правление Тануса, начало монетной эмиссии царями Малой Скифии.

Первая четверть II в. (200—180 гг.) — правление Канита. Пребывание в его ставке антиохийца Гермия. Предположительно, установление союзнических отношений Антиоха III с Канитом.

Вторая четверть II в. (180—160 гг.) — правление Сариака. Установление Антигоном алтаря Диоскурам за царя Сариака. Упадок Малой Скифии в связи с обострением военно-политической обстановки, вызванным походами бастарнов.

конец второй-третья четверть II в. — (160—120 гг.) — правление Акросака. Тезаврация клада у с. Болгарево с монетами Лисимаха и Акросака.

последняя четверть II — начало I в. — правление Хараспа и Айлия. Финал Малой Скифии в Добрудже и растворение скифов в среде местных народов.

около 200 г. — военная деятельность Золта во Фракии: угроза Истрии, осада Бизоны; 3 посольства Агафокла к Золту и 2 посольства к Ремаксу и его сыну Фрад(мону?).

197—191 гг. — действия Антиоха III на Балканах. Союз с греческими городами в подготовке войны против Рима. Двойственные отношения с фракийцами: разгром фракийцев, притеснявших города и установление союзнических отношений с другими.

181 г. — поход Филиппа V Македонского во Фракию.

179 г. — поход бастарнов под руководством Антигона через Фракию, привлеченных Филиппом V для борьбы против Рима и дарданов. Смерть Филиппа V. **179—168 гг.** — правление в Македонии Персея. Походы бастарнов через Фракию, привлеченных Персеем. Завоевание и раздел Македонии Римом.

середина—вторая половина II в. — нападения варваров на западнопонтийские города.

начало I в. — включение западнопонтийских городов в антиримскую коалицию Митридата VI Евпатора.

71 г. — подчинение западнопонтийских городов Марку Лукуллу.

62 г. — разгром Антония Гибриды под Истрией союзными силами греков и «скифо-бастарнов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

• а) письменные источники

1. Аппиан. Сирийские дела // ВДИ.1946.N4.-С.289-317
2. Арриан Флавий. Поход Александра / Перевод М.Е.Сергеевко. М.:Л.; Изд-во АН СССР, 1962.-382 с.
3. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ.1939. N3.- С.231-315.
4. Страбон. География в 17 книгах / Перевод Г.А.Стратановского. М.; Наука. - 943 с.
5. Biblioteca di studi superiori. Storia antica ed epigrafia. Vol.XII. Iscrizioni storiche ellenistiche. Vol. II. / A gura di Luigi Moreti. Firenze, 1976.
6. Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes / Ed. V. Iliescu et al. București: Acad.Sci.RPR, 1964. Vol.I.
7. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. 2 ed. Petropoli: Acad. Sci. Petropol, 1916. Vol.I.
8. Scythica et Caucasica e veteris scriptoribus Graecis et Latinis / Ed. B. Latyshev. Petropoli: Acad.Sci. Petropol, 1900 - 1906. Vol. I-2.

• б) монографии, статьи, тезисы, авторефераты диссертаций

9. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М.: Наука, 1987.- 157 с.
- 9а. Агульников С.М. Скифские древности Нижнего Попрутья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье, 1994. - С.3-4.

10. Алексеев А.Ю. Хронология Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. N 28. - С.38-51.
11. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. Киев: Наук. думка, 1987. С. 5-6.
12. Алексеев А.Ю. Скифская хроника / Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк /. Санкт-Петербург, 1992. - 206 с.
13. Алексеев А.Ю., Качалова Н.К. О киммерийцах в Северном Причерноморье / археологический аспект проблемы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989. - С. 6-8.
14. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1975. - 94 с.
15. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1978. - 104 с.
16. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1982. - 105 с.
17. Алексеева И.Л. Раскопки курганов в междуречье Дуная-Днестра // АО - 1972. М., 1973. - С. 252 -253.
18. Алексеева И.Л., Дворянинов С.А., Чернов С.И. Раскопки курганов в Арцизском районе Одесской области // АО - 1976. М., 1977. - С. 259.
19. Андрух С.И. Монета скифского царя Хараспа из раскопок Тиры // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.- С. 143-148.
20. Андрух С.И. О контактах Малой Скифии в Добрудже с окружающим миром // Древнее Причерноморье /

чтения памяти проф. Петра Осиповича Карышковского / . Одесса, 1989. - С.8-10.

21. Андрух С.И. Монеты царя Сариака // История и археология Нижнего Подунавья / чтения памяти проф. А.И. Доватура/. Тез. докл. науч.-практ. семинара. Рени, 1989.- С.62-63.
22. Андрух С.И. К вопросу о датировке монет скифского царя Акросака // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев: Штиинца, 1990. - С. 83-89.
23. Андрух С.И. Становление Малой Скифии в Добрудже и ее отношения с окружающим миром // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюз. чтений памяти проф. Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 1990.- С.10-22.
24. Андрух С.І. До питання про перебування скіфів у Північно-Західному Причорномор'ї // Археологія. 1991. N 1. - С. 20-32.
25. Андрух С.И., Добролюбовский А.О., Тощев Г.Н. Курганы у с.Плавни в низовьях Дуная. М., 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР. 13.06.85. N 21110. -154 с:
- 25а. Андрух С.І., Оанча О.С. Скіфський могильник IV-III ст. до н.е. поблизу с.Дивізія // Археологія південного заходу України. Київ: Наук.думка, 1992. - С.82-92.
26. Андрух С.И., Суничук Е.Ф. Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наук.думка, 1987. - С.38-46.
27. Андрух С.И., Чернов С.И. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья // СА.1990. N 2. - С.149-163.

28. Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея // НС. Киев: Наук.думка, 1965. - С.3-15.
29. Анохин В.А. Монеты Атея // Скифские древности. Киев: Наук.думка, 1973. - С.20-41.
30. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1989. - 128 с.+ 32 табл.
31. Антипенко Е.О. Скифские курганы на правом берегу Нижнего Днестра // Проблемы археологии Северного Причерноморья / К 100-летию основания Херсонского музея древностей/. Тез.докл.юбилейной конф. Херсон, 1990. Ч.2. - С.17-18.
32. Банев К., Димитров М. Новый эпиграфический памятник из Дионисополиса // Thracia Pontica .II.Sozopol, 4-7 Octobre,1982. - Jambol,1985. - С.34-38.
33. Белозор В.П. Скифские каменные изваяния VII-IV вв. до н.э.: Автореф. дисс. ... канд.ист.наук: 07.00.06. Киев, 1986. - 17 с.
34. Бенгстон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. - 390 с.
35. Блаватская Т.В. Греки и скифы в Западном Причерноморье // ВДИ. 1948. N I . - С.206-213.
36. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I вв. до н.э. М.: Изд-во АН СССР, 1952. - 264 с.
37. Блаватская Т.В. Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // СА. 1986. N 4. - С.22-33.
38. Брабич В.М. Подлинна ли монета Атея из собрания Эрмитажа // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С.152-155.
39. Брашинский И.Б. Амфоры Менды (о локализации группы амфор с "рюмкообразными ножками") // Художест-

венная культура и археология античного мира М.: Наука, 1976. - С.67-74.

40. Брашинский И.Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. XIV. - С.3-22.
41. Бруяко И.В. Скифская керамика античных поселений Нижнего Поднестровья VI-V вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.1. Кировоград, 1987. - С.28-30.
42. Бруяко И.В. Фракийцы в Днестро-Дунайском междуречье в VIII-III вв. до н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез.докл. Киев: Наук.думка, 1987. - С.25-26.
43. Бруяко И.В. Предметы вооружения из Никония // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев: Наук.думка, 1989. - С.65-70.
44. Бруяко И.В., Кожокару В.А. Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тысячелетии до н.э. // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1989. - С. 132-142.
45. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. Одесса: Шульце, 1884. Ч.1. - 289 с.
46. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук.думка, 1990. - 166 с.
47. Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1984. - С. 5-24.
48. Василенко Б.А. К вопросу о датировке синопских клейм // СА. 1971. N 3. - С. 245-250.
49. Василенко Б.А. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н.э. // НЭ. 1974. XI. - С. 3-28.
50. Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1983. - 284 с.
51. Виноградов Ю.А., Марченко К.К. К проблеме ранней истории Скифии // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюз. чтений памяти проф. Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 1990. - С.41-51.
52. Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. X. - С.3-63.
53. Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. N 1. - С. 51-80.
54. Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н.э. // СА. 1980. N 3. - С.92-109.
- 54а. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. N 1. - С. 55-87.
55. Виноградов Ю.Г. Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху // История Европы. М.: Наука, 1988. Т.1. - С.378-388.
56. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. - 284 с.
57. Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Калиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономиче-

- ской истории Ольвии во второй половине IV в. до н.э. // Ч.1. ВДИ. 1982. N 4. - С.26-46; Ч.2. 1983. N 1. - С.21-39.
58. Виноградов Ю.Г., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.1. Кировоград, 1987.- С.36-39.
59. Вязьмитина М.И. Городища Нижнего Днестра // Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 2. - С.223-240.
60. Гаврилюк Н.А. Кераміка степових скіфських поховань IV-III ст. до н.е. // Археологія. 1980. N 34. - С.17-30.
61. Гаврилюк Н.А. Структурные превращения хозяйства степной Скифии // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз.семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.1. Кировоград, 1987. - С.44-46.
62. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наук.думка, 1989. -112 с.
- 63.Гаврилюк Н.А. Два вида кочевого скотоводства у скифов // Проблемы археологии Северного Причерноморья / К 100-летию основания Херсонского музея древностей /. Тез. докл. юбилейной конференции. Херсон, 1990. Ч.2. - С.21-23.
64. Герасимов Т. Антични монети с контрамарки от Долна Мизия и Тракия // ИБАИ. 1946. XV. - С.51-81.
65. Герасимов Т. Монети от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сария // ИВАД. 1953. Кн. IX. - С.53-58.
66. Герасимов Т. Истински ли са монетите с надпис АΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ // ИАИ. XXX.1967. - С.181-186
67. Герасимов Т. Отново за фалшивите монети с надписи ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ // Известия на Народния Музей. Варна, 1972. VIII (XXIII). - С.3-16.
68. Гергова Д. Киммерийская проблематика с фракийской точки зрения // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез.докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н.Гракова. Запорожье, 1989. - С. 33.
69. Граков Б.Н. Термин "Σκυδαί" и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. Вып. 16. - С.79-88.
70. Граков Б.Н. Каменское городище на Днестре // МИА. 1954. N 36. - 240 с.
71. Граков Б.Н. Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977. - 232 с.
72. Гудкова А.В. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978. - С.182-193.
73. Гудкова А.В. Скифские могильники в низовьях Дуная // АО-1984. М., 1986. - С. 130-131.
74. Гусева М.И. Фракийское государство Лисимаха. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1956. - 15 с.
75. Данов Х.М. Западният бряг на Черно море в древността. София, 1947. - 148 с.
76. Данов Хр. Към историята на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III век до средата на I век преди н.е. // ГСУ ФИФ. XI-VII. 1952. Кн.2. - С. 105-166.
77. Данов Хр. Древна Тракия. София: Наука и изкуство, 1968. - 466 с.

78. Дергачев В.А. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. 1979. №3. - С. 239-241.
79. Дзиговский А.Н. О времени первого проникновения сарматов в Днестро-Дунайское междуречье // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ: Наук.думка, 1989. - С. 64-65.
80. Дзис-Райко Г.А. Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане // КСОАМ 1963 г. 1965. - С. 59-68.
81. Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1984. - С. 148-161.
82. Димитров М. Проучвания върху историята на античния Дионисополис // Добруджа. 1986. №3. - С.90-99.
83. Доватур А.И., Каллистов А.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.: Наука, 1982. - 456 с.
84. Домарадски М. Келтите на Балканския полуостров (IV-IV вв. пр.н.е.). София: Наука и изкуство, 1984. - 174 с.
85. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977. - 256 с.
86. Еременко В.Е., Зуев В.Ю. М.И.Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1989. - С.110-112.
87. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.: Л.; Изд-во АН СССР, 1953. - 388 с.
88. Загинайло А.Г. Литые монеты царя Скила // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюз. чтений памяти проф. Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 1990. - С.64-71.
89. Загинайло А.Г., Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев: Штиинца, 1990. - С.3-15.
90. Златковская Т.Д., Полевой Л.Л. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1969. - С.35-60.
91. Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 1987. №4. - С.248-253.
92. Иванов Т. Антична керамика от некрополя на Аполония // Аполония. София, 1963. - С. 65-273.
93. Йорданов К. Центрове на политически живот в гетските земи // Североизточна България - древност и съвремие. Първи национален симпозиум. София. I, 1985. - С. 109-120.
94. Йорданов К. Thraco-Scythica : этнокультурные взаимодействия // Etudes Balkanique. 1987. №3. - С.70-89.
95. Йорданов К. Thraco-Scythica : политические отношения в конце VI- середине I в. до н.э. //Международный симпозиум "Античная балканистика 6". Этногенез народов Юго-Восточной Европы . Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М., 1988. - С. 15-17.
96. Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. - 287 с.
97. Каллистов Д.П. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. 1969. №1. - С. 124-129.

98. Карышковский П.О. О монетах с надписью *Εμινάκο* // СА. 1960. N 1. - С. 179-195.
99. Карышковский П.О. Монеты западнопонтийских династий, найденные в Северном Причерноморье // СА. 1962. N 4. - С. 49-58.
100. Карышковский П.О. Из истории отношений Селевкидского государства с городами Северо-Западного Причерноморья // Палестинский сборник. 1962. N 9. - С.105-114.
101. Карышковский П.И. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. 1968. Т.ХХІ. - С. 95-105.
102. Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. N 2.- С.35-55.
103. Карышковский П.И. Скифы на Дунае // УІЖ. 1971. N 9. - С. 54-60.
104. Карышковский П.О. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1984. - С.78-89.
105. Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.1. Кировоград, 1987. - С. 66-68.
106. Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев: Наук.думка, 1988.- 168 с.
107. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев: Наук.думка, 1985.- 159 с.
108. Кене Б.В. Музей В.В.Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России. Спб 1857. Т.1. - 458 с.
109. Ключко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1987. - С. 12-19.
110. Колосовская Ю.К. Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ. 1982. N 4.- С. 47-69.
111. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев : Наук.думка, 1989. - 240 с.
112. Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев: Наук.думка, 1986. - С. 3-17.
113. Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI-III вв. до н.э. / классификация и хронологическое распределение // СА. 1987. N 1.- С.35-47.
114. Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.- 207 с.
115. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев: Наук.думка, 1990. - 176 с.
116. Лазаров М. Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сариака // ВДИ. 1985. N 3.- С.47-59.
117. Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X- начала IV вв. до н.э. в Лесостепной Молдавии. Кишинев : Штиинца, 1979. - 142 с.
118. Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Спб., 1887. - 314 с.
119. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. N 2 / 24/. - С.213-314.
120. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. N 2. С.- 271-356.

121. Мадн З. Припонтійські кельти // Античне общество. М.: Наука, 1967.- С.179-182.
122. Макря М. Бурбиста и кельти на Среднем Дунае // Дасіа, 1958. II. N 5. - P.143-155.
123. Манзура И.В. Раскопки кургана у с.Косоуцы // Археологические исследования в Молдавии / 1977-1978 / . Кишинев: Штиинца, 1982. - С.122-129.
124. Марченко К.К. Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1983. N 1.- С.67-79.
125. Марченко К.К. Варвары в составе Березани и Ольвии. Л.: Наука, 1988. - 144 с.
126. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. N 13. - С.30-54.
127. Мачинский Д.А. Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Т.15. С.53-64.
128. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. // АСГЭ. 1974. Т.16. - С.122-133.
129. Мелюкова А.И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы / критический обзор // СА. 1955. XXII. - С.239-253.
130. Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. N 64. - С.5-102.
131. Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. N 115. - С.114-166.
132. Мелюкова А.И. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье // КСИА АН СССР. 1963. Вып.94.- С.64-72.

133. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып.Д1-4. 1964.- 91 с.
134. Мелюкова А.И. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1969. - С.61-80.
135. Мелюкова А.И. Население Нижнего Поднестровья в IV-I вв. до н.э. // ПСА. М.. Наука, 1971. - С.39-54.
136. Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975. - 258 с.
137. Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. - С.106-127.
138. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. - 255 с.
139. Мелюкова А.И. Греки и варварский мир Днестро-Дунайского междуречья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья : Матер. I Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979. - С.141-142.
140. Мелюкова А.И. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н.э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. - С. 224-234.
- 140а. Мелюкова А.И. К вопросу о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV - начале III в. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. международной конференции, посвящ. 95-летию со дня рождения проф.Б.Н.Гракова. II. Запорожье, 1994. - С.130-132.

141. Мирчев М. Към вопроса за мястото на сеченето на скитските монети // ИВАД. Кн. XII. 1961. - С.132.
142. Мозолевский Б.Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. N 2. - С.70-83.
143. Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. N 1. - С.122-138.
144. Мозолевський Б.М. Щодо започаткування у Скіфії династії скіфів-царських // Археологія. 1990. N 4. - С.21-29.
145. Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. - 76 с.
146. Молев Е.А. Ольвия под властью Понта // Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985. - С.52-53.
147. Мурзакевич Н.Н. Монеты, отысканные на острове Левке или Фидониси // ЗООИД. 1853. Т. 3. - С.237-245.
148. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1984. - 134 с.
149. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов : основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наук.думка, 1990. - 88 С.
150. Мушмов Н.А. Античные монеты на Балканския полуостров. София, 1912. - 509 с.
151. Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М.: Изд-во АН СССР, 1953. - 157 с.
152. Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982. - 240 с.
153. Никулицэ И.Т. Геты IV - III вв. до н.э. в Днестро-Карпатских землях. Кишинев: Штиинца, 1977. - 169 с.
154. Никулицэ И.Т. Некоторые аспекты этнической и общественно-политической истории племен Днестровско-Карпатских земель во II - I вв. до н.э. // Первобытные древности Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1983. - С.173-192.
155. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI - I вв. до н. э. Кишинев : Штиинца, 1987 : - 270 с.
156. Нудельман А.А. Проникновение греческих монет и начало зарождения монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе // Первобытные древности Молдавии. Кишинев : Штиинца, 1983. - С.152-173.
157. Оанча Е.С. Некоторые особенности скифского погребального обряда / по Геродоту и археологическим данным // Тез. докл. Крымской научной конф. "Проблемы античной культуры". Симферополь, часть III. 1988. - С.300-302.
158. Оанча Е.С. О некоторых типах украшений фракийского типа из скифских памятников Днестро-Дунайского междуречья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988. - С.119-121.
159. Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. N 4. - С.108-128.
160. Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. N 4. - С.83-97.
161. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. 1966. - 149 с.
162. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. 1970. - 212 с.

163. Орешников А.В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // ИС МНО. 1915. Т.3. - С. 1-198.
164. Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1921. Т.1. Ч.1. - С.217-240.
165. Отрощенко В.В. К вопросу о локализации киммерийцев // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз.семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.2. Кировоград, 1987. - С.40-42.
166. Охотников С.Б. Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1981. - С.42-51.
167. Охотников С.Б. О характере греко-варварских взаимоотношений в Нижнем Поднестровье в VI-V вв. до н.э. // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984. - С.49-62.
168. Охотников С.Б. Скифские памятники VI-V вв. до н.э. Дунайско-Пруто-Днестровского междуречья // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз.семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.2. Кировоград, 1987. - С.43-44.
169. Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI-V вв. до н.э. Киев: Наук.думка, 1990. - 86 с.
170. Павленков В.И. О монетах Керкинитиды со скифскими сюжетами // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 г. Тез.докл. Севастополь, 1988. - С. 84-85.
171. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. 1967. - 179 с.
172. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Вып.Д 4-5. 1978. - 144 с.
173. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. - 187 с.
174. Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.: Наука, 1985. - 287 с.
175. Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. N 45. - С.24-34.
176. Полин С.В. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз.семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.2. Кировоград, 1987. - С.50-52.
177. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. - 201 с.
178. Попова Е.А. Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. N 1. - С.108-122.
179. Раевский Д.С. Киммерийцы и скифы: некоторые аспекты проблемы этнокультурных отношений // Киммерийцы и скифы. Тез.докл. Всесоюз.семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Ч.2. Кировоград, 1987. - С.55-57.
180. Ранович Б.А. Эллинизм и его историческая роль. М.: Л.: Наука, 1950. - 382 с.
181. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М.: Советская школа, 1977. - 551 с.
182. Редина Е.Ф. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей Поднестровья и Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев: Наук.думка, 1989. - С.25-34.
183. Редина Е.Ф. Находки античных монет в скифских погребениях Днестро-Дунайских степей // Древнее

- Причерноморье / чтения памяти проф. Петра Осиповича Карышковского / . Одесса, 1989. - С.62-63.
- 183а. Редина Е.Ф. Лепные курильницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф.Б.Н.Гракова. Запорожье, 1989. - С.133-134.
184. Роголски А. Монеты с името на скитския цар Атея // ИВАД. 1961. Кн.ХІІ. - С.23-27.
185. Рогольский А. К вопросу о монетах скифского царя Атея // НС. 1974. - С.3-13.
186. Роголски А. За някои "фалшиви" антични монети, сечени на Балканския полуостров / IV. Фалшиви ли са монетите с надпис АΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ // Известия на народния Музей. Варна, 1970. Т.VI / XXI / . - С.3-19.
187. Романовская Н.А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.:Наука, 1969.- С.81-95.
188. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России // Пг., 1918. - 190 с.
189. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.,1925. - 621 с.
190. Русяева А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII-V ст. до н.е. // Археологія. 1979. N 30. - С.3-18.
191. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979. - 247 с.
192. Сальников А.Г. Из истории торговых связей древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией // МАСП. 1962. Вып. 4. - С.61-72.
193. Сальников А.Г. Итоги полевых исследований у с.Південное (1960-1962 гг.) // МАСП. 1966. Вып.5. - С.176-225.
194. Самойлова Т.Л. Варвары в Тире доримского времени // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1985. - С.51-59.
195. Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н.э. Киев: Наук.думка, 1988. - 123 с. + 35 рис.
196. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской Земли : Описания археологических раскопок и собраний древностей. М.,1908. - 271 с.
197. Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э. Киев: Наук.думка, 1989. - 128 с.
198. Серова Н.С., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. Кишинев : Штиинца, 1987. - 154 с.
199. Скорый С.А. Вооружение скифского типа в Средней Европе / К вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы / Автореф.дис. ... канд.ист.наук. Киев, 1983. - 21 с.
200. Скржинська М.В. Опис Північного Причорномор'я в "Периплі ойкумени" псевдо-Скілака і перієгесі псевдо-Скімна // Археологія.1980. N 35. - С.25-38.
201. Скржинская М.В. Скифские сюжеты в исторических преданиях ольвиополитов // ВДИ. 1982. N 4. - С.87-103.
202. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. - 183 с.
203. Струве Ф.А. Новые надписи ольвийские // ЗООИД. 1867. Т.6. - С.1-29.
204. Субботин Л.В. Раскопки курганов на юге Одесской области // АО-1986. М.:Наука, 1987. - С.416-417.

- 204а. Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1992. - 48 с.
205. Субботин Л.В. Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наук.думка, 1981. - С.102-116.
206. Суничук Е.Ф. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1985. - С.38-45.
207. Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1984. - С.103-120.
208. Тарасюк Л.И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК АН СССР. Вып.63. 1956. - С.22-30.
209. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наук.думка, 1976. - 223 с.
210. Тереножкин А.И. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1987. - С.3-12.
211. Толочко П.П. Археологія: дослідження тривають // Наука і суспільство. 1988. N 2. Київ : Радянська Україна. - С.47-57.
212. Трубачев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье // Античная балканистика. М.: Наука, 1987. - С.119-124.
213. Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Спб., 1851. Вып. 1. - 138 с.
214. Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. N 1. - С.72-80.
215. Хазанов А.Н. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. - 343 с.
216. Храпунов И.Н. Поздние скифы на Днестре и в Крыму // Автореф. дис. ...канд.ист.наук. М., 1987. - 22 с.
217. Цехмистренко В.И. Синопские керамические клейма // СА. 1960. N 3. - С.59-77.
218. Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. Кишинев: Штиинца, 1989. - 211 с.
219. Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наук.думка, 1984. - 118 с.
220. Черненко Е.В. Легенда о царе Атее // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Ч.2. Кировоград, 1987. - С. 81.
221. Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В. и др. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1986. - 368 с.
222. Черняков И.Т. "Киммерия" и "Старая Скифия" в свете современного изучения культур рубежа эпох бронзы и железа Северного Причерноморья // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Ч.2. Кировоград, 1987. - С.85-87.
223. Черняков И.Т. "Город людей киммерийских" Гомера в археологических реалиях Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Всесоюз. конф. , посвящ. 90-летию со дня рожд. проф.Б.Н.Гракова. Запорожье, 1989. - С.165-167.
224. Шелов Д.Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М.: Наука, 1967. - С. 219-224.
225. Шелов Д.Б. Царь Атей // НС. Киев: Наук.думка, 1965. - С.16-40.

226. Шелов Д.Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // ПСА. М.: Наука, 1971. - С.54-63.
227. Шилов Ю.А. Святилища III-I тыс. до н.э. у Новосельской переправы через Нижний Дунай // История и археология Нижнего Подунавья. / Чтения памяти проф. А.И.Доватура / Тез.докл.науч.-практ. семинара. Рени, 1989. - С.29-31.
228. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной зоне междуречья Дуная и Днестра // МАСП. 1970. N 6. - С.5-115.
229. Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. М.: Наука, 1989. - 300 с.
230. Шульдц П.Н. Скифские изваяния // Художественная литература и археология античного мира. М.: Наука, 1976. - С. 218-231.
231. Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Цхалтубо, 1982. - С.189-193.
232. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1989. - С.29-40.
233. Щукин М.Б. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1989. - С.125-126.
234. Яковенко Э.В. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея. / К истории международных отношений в Причерноморском регионе // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. - С.43-54.
235. Яценко И.В. Скифия VII-V вв. до н.э. М.: Сов.Рос-сия, 1959. - 118 с.
236. Alexandrescu A. Două statui traco-scitice din Dobrogea // SCIV. 1958. IX. 2. - P.292-302.
237. Alexandrescu A. În legătura cu statuile "scitice" // SCIV. 1960. XI.2. - P.383-389.
238. Alexandrescu P. Izvoarele grecești despre retragerea lui Darius din expediția scitică // SCIV. 1956. VII. 3-4. - P.319-342.
239. Alexandrescu P. Ataias // SC. 1967. 9. - P.85-91.
240. Babelon E. Numismatique grecque: monnaies royales inédites. VIII. /// RN. 3 serie. T.1. 1883. - P.146-148.
241. Babelon J. Fr. Les Dioscures à Tomi // Mélanges Charles Picard. 1949. 1.- P.24-33.
242. Babeș M. Date arheologice și istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înainte erei noastre // SCIV. 1985. T.36.3. - P.183-214.
243. Barnea Al. Descoperiri arheologice noi în preajma cetății Dinogetia // SCIVA. 1974. T.25. 1. - P.103-114.
244. Bărlădeanu-Zavatin E. Noi descoperiri în necropolele callatiene // Pontica. XIII. 1980. - P.216-240.
245. Bengston H. Neues zur Geschichte des Hellenismus in Thrakien und in der Dobrudscha // Historia. 1962. 11. - S. 18-28.
246. Berciu D. Фрако-скифский меч из Меджидии (Добруджа) // Dacia. NS. 1958. II. - P.93-124.
247. Berciu D. Sînt geții traci nord-dunăreni? Un aspect arheologic al problemei // SCIV. 1960. XI. 2. - P. 261-283
248. Boilă E.D. Relațiile externe ale cetății Callatis în epoca elenistică // SCIVA. 1980. T.39. 3. - P.243-249.

249. Canarache V. Regii sciți și regatele lor dintre Istru și Pontul Euxin în lumina monetelor // BSNR. 1933. T: 27 / 28. 81 / 82 (1933-1934). - P.60-83.
250. Canarache V. O monetă inedite a regelui scit Kanites // CNA. 1942. Vol.16. 121-122. - P.3-5.
251. Canarache V. Monetele sciților din Dobrogea // SCIV. 1950. Vol.1. 1. - P.213-257 + 8 pl. + harta.
252. Cacicova M. La ceramique thrace // Le rayonnement des civilisation greeque et romaine sur le cultures peripheriques. Paris, 1965. - P.341-344.
253. Condurachi Em. Cu privire la raporturile dintre autochtoni și greci în așezările sclavagiste din Dobrogea // SCIV. 1951. II. 2. - P.1-16.
254. Conovici N. Rec. la lucrarea : A.I.Meliukova. Scifia i fracijskij mir. Moscova. 1979. // Thraco-Dacica. 1981. T.II. - P.225-231.
255. Crișan I.N. Burebista și epoca sa. Bucuresti, 1976. - 730 p.
256. Dicționar de istorie veche a României. Bucuresti, 1976. - 730 p.
- 256a. Gavrița S. Geții de la Dunărea de Jos și civilizația lor // Probleme actuale ale istoriei naționale și universale. Chișinău : Universitas, 1992. - P.18-47.
257. Gavrița S., Cantacuzino Gh. Cercetările arheologice la Telița // MCA. 1962. VIII. - P.372-381.
258. Gerasimov T. Un trésor de monnaies antiques du sud de la Dobroudja // Studii și cercetări de numismatica. București, 1975. Vol. VI. - P.25-27.
259. Grace V. Timbres amphoriques a Delos // BCN. 1952. 76. 2. - P.514-540.
260. Hartușche N.A., Anastasiu Fl. Brăilița. Brăila, 1968. - 89 p.
261. Head V. Historia numorum. 2 ed. Oxford, 1911. - 967 p.
262. Iliescu V. Die Beziehungen zwischen dem Scythenkönig Ateas und den griechischen Stadten der westlichen Schwarzmeerküste // Actes du premier Congres international des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes. Sofia, 1969. II. - S.171-176.
263. Iliescu V. Contribuții la problema raporturile scito-trace în sec. IV î.e.n. // Pontica, 1969. 2. - P.189-196.
264. Iliescu V. Byzance ou Bizone ? Contribution a l'Histoire du Pont gauche au IV-e siècle av. n.e. // Revue des études sud-est Européennes. București, 1969. VII. 2. - P.400-404.
265. Iliescu VI. Cu privire la coloniile grecești din Dobrogea și la data constituirii teritoriului lor rural // Pontica. 1970. 3. - P.87-98.
266. Iliescu VI. Campania strategului Zopyrion la Dunarea de Jos // Pontica. 1971. 4. - P.57-74.
267. Iliescu VI. Die aussenpolitische Krise der hellennischen Poleis Kleinscythens im 4 Jh.v.u.Z. // Hellenische Poleis. 1974. II. - S.664-681.
268. Iliescu V. The Scythians in Dobrudja and their Relations with the native Population // Relations between the autochthonous Populations. București, 1975. - P.13-24.
269. Iordanov K. Les organisations etatiques en Thrace du nord-est jusqu'au milieu du IV-e siècle av.n.e. // Etudes Balkaniques. 1986. 1. - P.68-94.
270. Irimia M. Descoperiri noi privind populația autohtonă a Dobrogei și legăturile ei cu colonie grecești (sec.V-I î.e.n.) // Pontica. 1973. 6. - P.7-72.
271. Irimia M. Un mormânt tumular descoperit la Topraisar // Pontica. 1976. 9. - P.35-56.

272. Irimia M. Date noi privind așezările getice din Dobrogea în a doua epocă a fierului // Pontica. 1980. 13. - P.66-118.
273. Irimia M. Date noi privind necropolele din Dobrogea // Pontica. 1983. 16. - P.69-148.
274. Irimia M. Morminte plane și tumulare din zona litorală a Dobrogei (sec. IV-II în e.n.) și problema apartenenței lor etnice // Thrac-Dacica. 1984. T.V. 1-2. - P.64-83.
275. Istoria României. Vol.1. București, 1960. - 890 p.
276. Knechtel W. O moneta scythica a regelui Kanitu // Revista catolică. 1912. 2. - P.219-224.
277. Knechtel W. O nouă monetă a regelui scit Kanites // BSNR. 1919. Vol.14. 24-32. - P.25-34.
278. Lazarov M., Popov V. Une inscription recemment decouverte relative au roi scythe Sariat // Thracia Pontica II. Sozopol, 4-7 octobri, 1982. Jambol, 1985. - P.156-163.
279. Lexicon der Antice. Leipzig, 1984. - 639 s.
280. Mamroth A. Die Silbermünzen des Königs Perseus // ZfN. 1928. Bd. XXXVIII. - S.1-28.
281. Mamroth A. Die Silbermünzen des Königs Philippos V von Macedonien // ZfN. 1930. Bd. XL. - S.277-303.
282. Marcenco K., Vinogradov Ju. The Scythian Period in the Northern Black Sea Region / 750-250 B.C. // Antiquity. 1989. 63.241. - P.798-813.
283. McGing B.C. The foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden : E.J.Brill, 1986. - 204 p.
284. Mitrea B. Șantierul Satu-Nou. Necropola dacă // MCA. 1962. VIII. - P.368-373.
285. Moisil C. Numismatica Dobrogei. București, 1916. - 44 p.
286. Moscalu Em. Ceramica thraco-getica. București, 1983. - 514 p.

287. Niderle L. Slovanske starozitnosti. Praha : Bursik, Kohut.1904. Dil.1. Sv. 1-2. - 528 s.
288. Ocheșeanu R. Monedele Basileului Moscon aflate în colecțiile Muzeului de arheologie Constanța // Pontica. 1970. 3. - P.125-128.
289. Ocheșeanu R. Monede rare și inedite din colecțiile Muzeului de arheologie Constanța // Pontica. 1972. 5. - P. 485-496.
290. Părvan V. Getica : O protoistorie a Daciei. București, 1926. - 850 p.
291. Pick B. und Regling K. Die Antiken Münzen von Dacien und Mösien. Berlin : Reimer, 1898-1910. - 920 S.
292. Pippidi D.M. Histria și geții în secolul al II-lea î.e.n. Observații asupra decretului în cinstea lui Agathocles, fiul lui Antiphilos // Contribuții la istorie veche a României. 2. București, 1967. - P.186-221.
293. Pippidi D.M. Getes et grecs dans l'histoire de la Scythie Mineure a l'époque de Burebistas // Dacia.N.S. 1981. XXV. - P.255-262.
294. Pippidi D.M., Berciu D. Din istoria Dobrogei. Geți și greci la Dunarea de jos. București, 1965. Vol.1. - 323 p.
295. Poenaru-Bordea Gh. Studiile de numismatică greacă în România între 1947 și 1974 // BSNR. 1975. 67-69 / 1973-1975/. - P.17-41.
296. Preda C. Monede de un tip necunoscut, provenind din Dobrogea // SCIV. 1964. XV. 3.- P.402-408.
297. Preda C. Monedele geto-dacilor. București, 1973. - 564 p.
298. Regling K. Charaspes // Corolla numismatica in honor of B.V.Head. Oxford, 1906. - P.259-265.
299. Rostovtzeff M. Rec.: Patsch C. Beitrage zur Völkerkunde von Südosteuropa. Wien, 1932 // Gnomon. Bd. 10. 1934. Berlin. - S.1-10.

300. Russu I.I. Zoltes și Rhemaxos. Tracii, sciții și Istria în sec. III-II î.e.n. // *Apulum*. 1967.6. - P.123-143.
301. Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcédoine // *Essays Robinson*. 1968. - P.183-200.
302. Sîrbu V. Cîmpia Brăilei în secolele V-III î.e.n. Descoperiri arheologice și interpretări istorice // *SCIVA*. 1983. 32. 1. - P.11-41.
303. Sîrbu V. Cîmpia Română în sec. VI-IV î.e.n. // *Istros*. 1986. IV. - P.13-24.
304. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the VI, V and IV centuries B.C. // *The Athenian Agora*. 1971. 12. - P.1. - 947 p.
305. Stoian I. Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis. București, 1962. - 302p.
306. Suceveanu Al. O ipoteză despre Zopirion // *SCIV*. 1966. XVII. 4. - P. 635-644.
307. Sutz M.C. Monetele regilor sciți din Dobrogea, Regele Tanusa // *BSNR*. XIII. 1916. - P.1-3.
308. Sutz M.C. Contribuțiunea numismatică la istoria antică a României Transdunărene // *AAR MSI. Serie II. T.38 /1915-1916/*. - P.523-531.
309. Tacchella D. Acrosandre, roi des Getes // *RN*. IV. 1900. - P.397-401.
310. Tacchella D. Cingue rois des Getes // *RN. Serie 4. T.7*. 1903. - P.31-39.
311. Trohani G., Nemoianu L. Istoria politică a geto-dacilor în secole VI-II î.e.n. // *Revista de istorie*. 1981. T.34. 2. - P.271-283.
312. Vasiliev V. Sciții agatirși pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980. - 185 p.
313. Vulpe R. Gerania, Cranea, Ecrene // *Balcania*. 1943. VI. - P.14-24.
314. Vulpe R. La succession des rois Odryses // *Studia Tracologica*. București, 1976. - P.22-38.
315. Jouroukova J. Nouvelles données la sur la chronologie des rois scythes en Dobrudza // *Thracia*. 1977. IV. - P.105-121.
• в/ архивные материалы
316. Гудкова А.В., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. Отчет о работе Измаильской новоостроечной экспедиции в 1984 г. - НА ИА НАН Украины, 1984/158.
317. Субботин Л.В., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Дунай-Днестровской новоостроечной экспедиции в 1985 г. - НА ИА НАН Украины, 1985/10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия. М.	НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.	СА	Советская археология. М.
ВДИ	Вестник древней истории. М.	САИ	Свод археологических источников. М.; Л.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей.	ПСА	Проблемы скифской археологии. М.
ИАИ	Известия на Археологически институт на Българска Академия на науките. София.	УИЖ	Український історичний журнал. Київ.
ИБАИ	Известия на Български археологически институт. София.	AAR MSI	Analele Academiei Române : Memoriile secțiunii istorice.
ИВАД	Известия на Варненско археологическо дружество.	BCN	Bulletin de correspondance hellénique.
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.	BSNR	Buletinul societății numismatice române.
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.	CNA	Cronica numismatică și archeologică.
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.	MCA	Materiale și cercetări arheologice.
КСОАМ	Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея. Одесса.	RN	Revue numismatique.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.	SC	Studii clasice.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	SCIV	Studii și cercetări de istorie veche.
НС	Нумизматика и сфрагистика. Киев.	SCIVA	Studii și cercetări de istorie veche si arheologie.
НС МНО	Нумизматический сборник Московского Нумизматического общества.	SCN	Studii și cercetări de numismatica.
		ZfN	Zeitschrift für Numismatik.

SUMMARY

This monograph "The Lower Danube Scythia in the 6-th - beginning of the 1-st century B.C. (ethnopolitical aspect)" has been written by Svetlana Andrukh, professor of Zaporozhye State University, Ukraine. It is based on the complex analysis of the written, archaeological, epigraphic and numismatic sources and is the first attempt to reconstruct in general the ethnopolitical situation in the Lower Danube from the archaic epoch to the foundation of Mitridat Eupator Pontic Kingdom in the 2d - 1st c.c.B.C.

The classification of archaeological material into several chronological groups and the comparison of every period with data of the antique authors has made it possible to obtain more specific information about the dynamic of mastering of the Lower Danube region by Scyths, Getae and other people and to show the character of their interactions in different periods. It is known that the general situation on the west periphery of the Scythian world was in general similar to the situation of more eastern regions of steppe Black Sea. In the 6th - 5th c.c.B.C. the Budzhak steppe remained as poorly populated by Scyths as the rest territory of the future Scythia. The sharp increasing of the number of nomads in this area happened not as a result of Ateas expansion to Balkans, as it was considered earlier, but at the end of the 5th century B.C., the time of complete founding of Scythia and distribution of market territory among separate tribes.

A.I.Melyukova's concept on Thracian and Scythian boundaries has been corrected. The cartography of Scythian Kurgan groups and separate Kurgans proved their even distribution on the territory of Budzhak steppe from the end of the

5th up to the 4th- 3d c.c.B.C. This gives us enough grounds to believe that not only in Herodotus time but in the 4th- beginning of the 3d centuries B.C. Scyths prevailed on the territory up to the Prute and Danube, and their position was firm after the defeat of Ateas by Filipp II King of Makedonia.

In this monograph we criticized the opinions of some Bulgarian and Romanian scholars about the merging of two ethnoses : Scythian and Thracian on the Dniester - Danube territory and developing here of some syncretic Thracio-Scythian culture from the 6th century B.C. We proved that funeral complexes are of typical Scythian character. Thracian influence is very fragmentary and limited by some Thracian finds dating back not earlier than to the 4th century B.C. and mainly in the Danube region. This probability of ethnical mixture is possible but not earlier than the 4th century B.C. in the Lower Danube and Dniester and also for frontier areas of steppe and forest-steppe, where polyethnical settlements have been found. It is established for the first time that the occurrence of first Getian settlements in steppe between the Danube and Dniester is to be dated the 4th century B.C., long time before Ateas defeat. According to author's opinion this process is synchronous to the time when Scyths began to settle.

Studying the problem of interrelations of Scyths with Greek cities of the Lower Dniester on the basis of Vinogradov's concept on "pagan protectorate" , the author regards changes in the economy of Scythian society that is the settling of nomads as one more reason for liquidation of this form of dependence alongside with the political destabilization of Scythian society.

We have retraced reasons, periods and directions of Scythian expansion to the west. Besides universally recognized Scythian

invasion to Balkans were found traces of the presence of northpontic nomads on the territory of Moldova beyond the Prute and in Muntenia, dated from the end of the 5th century B.C.

Assessing the political status of Ateas and the territory of Kingdom founded by him, the author has considered written sources on military collisions of Scyths with Triballs, "Istrians" and Filipp II which enabled the author to join those scholars who consider Ateas only as the leader of a small military-political union, acting on the territory of the Lower Danube. According to this the consequences of Scythian-Makedonian conflict are thought to be of local character which led to slackening but not to the loss of political domination of Scyths in this region. As for the analysis of consequences of Scythian invasion of Thracia the major conclusion is that the influence upon native people was not mass and destructive.

For the first time the complete characteristic of final period of Scythian and Getian interrelations in the Danube-Dniester region has been established and the reasons which led to disappearance of stable nomadic population not only in Budzhak steppe but also on the rest of the territory of the northern part of the Black Sea at the beginning of the 3d century B.C. defined.

The considerable part of this publication is devoted to the analysis of Scythia Minor Kingdom in Dobrudga. For the first time in archaeology we endeavoured to define the degree of development of the state elements. The frontiers of this political union had been specified in the sea are of Dobrudga from Istria in the north up to Odessos in the south, and the grounds to conclude that even in the period of its prosperity Scythia Minor didn't occupy big territory and wasn't a powerful state which controlled all population of the western Pontya shore represented.

Evidences in favour of the theory on polyethnical population of Scythia Minor, including Gets, Greeks and possibly Bastarns at the final stage are represented in the monograph too. We have collected, summarized and systematized data on royal coin emissions (approximately 100 coins), the most ample source of Scythia Minor history. We have defined Greek cities which had participated in issues of royal coins and provided additional data on the origin of money circulation in Scythian society. On the basis of analysis of numismatic and epigraphic data the author's concept of chronological sequence and periods of time of ruling of famous six Scythian Kings and duration of existence of Scythia Minor is proposed the reconstruction of evolution of interrelations of Scyths with Thracians and citizens of Greek cities in Dobrudga, is represented, retraced and defined the character of episodic contacts of Scyths with more remote centers, including Tira and Olvia. The final period of Scythia Minor existence is defined since including the western Pont into antiroman coalition during Mitridat VI Eupator ruling at the beginning of the 1st century B.C. The final mixing of Scyths in Thracian medium referred to the same time.

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ О НАСЕЛЕНИИ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ	
1. Этническая карта Нижнего Подунавья в трудах античных и современных авторов	7
2. Скифские памятники региона	23
ГЛАВА II. СКИФЫ В НИЖНЕМ ПОДУНАВЬЕ В VI—IV вв. до н. э.	
1. Освоение скифами Дунай-Днестровского междуречья	51
2. Западная экспансия скифов в IV в. до н. э.	71
3. Этно-политическая ситуация на левобережье Дуная после скифо-македонского конфликта	80
4. Этапы проникновения скифов за Дунай	86
ГЛАВА III. МАЛАЯ СКИФИЯ В ДОБРУДЖЕ	
1. Территория Малой Скифии	96
2. Этнический состав населения	107
3. Монеты скифских правителей	117
4. Хронология Малой Скифии	139
5. Малая Скифия и окружающий мир	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	220
SUMMARY	202

АНДРУХ Светлана Ивановна

**НИЖНЕДУНАЙСКАЯ
СКИФИЯ**

В VI — НАЧАЛЕ I В. ДО Н. Э.
(этнополитический аспект)

Технический редактор Г. П. Карадуманов

Сдано в набор 26.10.94. Подписано в печать 11.01.95.
Формат 60x84/16. Бумага газетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Физич. листов 12. Усл. печ. листов 11, 16
Тираж 500 экз. Заказ № 5418.

Запорожский госуниверситет. 330055, г. Запорожье, ул. Жуковского, 66.
Запорожская городская государственная коммунальная
типография «Днепровский металлург»,
г. Запорожье, ул. Антенная, 4.